

СТРАНА И МИР

• das land und die welt • our country and the world • le pays et le monde • el pais y el mundo •

- ДЕМОНСТРАЦИИ В МОСКВЕ И РИГЕ
- РЕЧЬ ПАЛАЧА НАД МОГИЛОЙ МАРЧЕНКО
- ДЕНЬ ОТКРЫТЫХ УБИЙСТВ В УЗБЕКИСТАНЕ
- ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ С РУССКИМ ЛИЦОМ
- ВЕЛИКАЯ ВТОРОРАЗРЯДНАЯ ДЕРЖАВА
- ЦЕНЗУРА ОТМЕНЕНА И СУЩЕСТВУЕТ
- ТЕЛЕМОСТ С ОДНОСТОРОННИМ ДВИЖЕНИЕМ
- ДИКТАТУРА — ЭТО РЕАЛЬНОСТЬ. НЕ ШУТИТЕ С НЕЙ
- ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ СЫЧУАНИ
- ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫЙ С КУВАЛДОЙ
- УСЫ НАШЕЙ ЮНОСТИ
- ПОЧВЕННЫЙ ЖИВОПИСЕЦ ИЛЬЯ ГЛАЗУНОВ
- ФИОЛЕТОВАЯ ГОЛОВА С ГОЛУБЫМИ ГЛАЗАМИ
- ВЕЧНЫЙ ПРАЗДНИК РОК-МУЗЫКИ

Общественно-политический, экономический и культурно-философский журнал "Страна и мир" издается в Мюнхене один раз в два месяца под редакцией Кронида Любарского и Бориса Хазанова. Оформление Б.Рабиновича. Представители журнала: в США Марк Поповский, в Израиле Рафаил Шапиро. Корреспонденты журнала: В.Кучинский, Е.Эткинд (Париж), М.Филлимор (Лондон), Б.Вайль (Копенгаген), Б.Шрагин (Нью-Йорк). Стоимость годовой подписки в Европе 60 нем. марок, в США, Канаде и Израиле — 106 нем. марок, в Австралии, Новой Зеландии и на Тайване — 116 нем. марок. Стоимость доставки включена в подписную плату; в неевропейские страны журнал доставляется подписчикам авиапочтой. Цена одного номера — 12 нем. марок. Подписка принимается перечислением на банковский или почтовый счет, а также в виде чека, высылаемого в редакцию. Мнение, выраженное автором, может не совпадать с точкой зрения редакции. Все права сохраняются за авторами. Неприятные рукописи возвращаются с письменной мотивировкой.

СОДЕРЖАНИЕ

Политический дневник	1
<i>Р.Бахтамов.</i> От нуля градусов по шкале Кельвина	14
Вести из СССР	22
Открытое письмо редколлегии газеты "Труд"	33
<i>Самиздат.</i> "Постепенность губит революции"	36
<i>Самиздат.</i> Январский пленум ЦК КПСС	38
<i>В.Сизко.</i> Муза дальних странствий	40
<i>В.Лиханов.</i> Клан	43
<i>Р.Шапиро.</i> Вопрос, которого не было	54
<i>А.Игнатенок.</i> Бунт в гареме	65
<i>М.Дейч.</i> Ловушка для Фила Донахью	68
<i>Л.Тимофеев.</i> В чем суть спора	73
Страсти по Глазунову	74
<i>В.Осипов.</i> Лгущее искусство или лгущая критика?	74
<i>Л.Сарин.</i> Берись за кисть, спасай Россию!	78
<i>Фан Лиж.</i> Демократия, реформы и модернизация	84
<i>Р.Террил.</i> Сычуань	91
Невероятная молодежь	105
<i>А.Соломин.</i> Как мы их воспринимаем	105
<i>Б.Гребенщиков.</i> Правдивая биография "Аквариума"	107
<i>А. М.</i> Аквариум — это образ жизни	112
<i>Самиздат.</i> Доктор Кинчев. Фиолетовая голова с голубыми глазами ..	120
<i>Н.Храмов.</i> Легко ли быть правдивым?	125
"Движение с мощнейшим арсеналом..."	132
<i>А.Жолковский.</i> Поэту настоящему спасибо	133
<i>Е.Юнг.</i> Ба! Знакомые все лица!	140
Письма в редакцию	141
Между прочим	144

Das Land und die Welt e.V.

Schwanthaler Str. 73, D-8000 München 2, Federal Republic of Germany

Tel. (089) 530514; telex 5218017 unbt d.

Deutsche Bank München, Konto 331 9613 (BLZ 700 700 10)

Postgiroamt München, Konto 223981-804 (BLZ 700 100 80)

ISSN 0178-5036

СТРАНА И МИР

IV год издания

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

НАС ПЯТЬ МИЛЛИАРДОВ

11 июля этого года генеральный секретарь ООН Перес де Куэльяр присутствовал в Югославии при рождении "пятимиллиардного жителя нашей планеты". Ребенка зовут Матей Гашпар. Разумеется, вся церемония носила чисто символический характер: никто не знает, да и знать не может, кто именно из вдохнувших первый глоток воздуха младенцев, когда и где перешел 5-миллиардный рубеж: цифра эта получена лишь путем приблизительных подсчетов на основании статистических данных.

Итак, нас теперь 5 миллиардов. Это вдвое больше, чем в 1950 г., и на миллиард больше, чем в 1974 г. Пять миллиардов — огромная цифра для нашей маленькой планеты Земля. Но если всех этих людей поставить плечом к плечу, население планеты можно уместить на территории крошечного Гонконга (эту операцию осуществить тем легче, что более чем для пятой части человечества достаточно будет всего лишь пересечь пешком китайско-гонконгскую границу).

5 миллиардов — далеко не предел. В среднем каждый квадратный метр поверхности Земли ежедневно получает около 3000 килокалорий солнечной энергии. Этого теоретически хватает на поддержание жизнедеятельности организма одного человека. Значит — опять же теоретически, — наша планета может обеспечить существование 132 000 миллиардов человек. Но чтобы эта теоретическая возможность воплотилась в действительность, необходимы успехи науки и достижения общественного устройства, уводящие нас в область фантастики.

Вернемся поэтому на землю — в прямом и переносном смысле. Пока что население растет слишком быстро — и как раз там, где лучше бы этого не происходило. Каждый день численность населения Земли возрастает на 220 тысяч, и 90% этого количества появляется в развивающихся странах, которые не могут обеспечить своим гражданам достойного существования.

Увеличивается разрыв между районами мира с медленным и быстрым ростом населения. Недавно к Европе и Северной Америке, где население увеличивается очень медленно, присоединилась Восточная Азия (главным образом Китай и Япония, но также и недавно заявившие о себе, как об индустриальных странах, Тайвань и Южная Корея). Практически все страны с быстрым ростом населения относятся к разряду небогатых, если не просто бедных. Но обратное неверно: в таких весьма небогатых странах, как Советский Союз и Китай, прирост населения велик (900 тысяч и 1 миллион в год соответственно).

Высочайшим в мире приростом населения обладает Африка. Если дела пойдут так и дальше, то в одной лишь Нигерии к 2040 году будет столько же людей, сколько сегодня во всей Африке. Еще быстрее растет число кенийцев: 4,2% в год! Через 17 лет население Кении удвоится, достигнув 40 миллионов. С кенийцами могут поспорить лишь жители Зимбабве или Мозамбика.

Чтобы понять, что это значит для экономического роста страны, сравним Кению и Западную Германию. Если население ФРГ за следующие 17 лет не изменится (а это возможно, ибо сейчас оно даже сокращается) и если рост экономики

ФРГ сохранится на нынешнем уровне около 2% в год, то в 2004 г. валовой продукт на душу населения здесь будет на 40% больше, чем сейчас. Чтобы нынешний весьма скромный валовой национальный продукт Кении увеличился в том же отношении, нужно, чтобы экономический рост этой страны составлял не менее чем 6,2%. Увы, сейчас он составляет в среднем 0,3%.

Низкая рождаемость тоже может создать экономические проблемы. На Западе высказываются опасения, что относительное число престарелых, которое должен содержать один работающий, будет расти. По данным международного Бюро труда к 2020 году в Голландии на каждую тысячу работоспособных придется 756 человек в возрасте более 60 лет. В 1985 г. их было 364. В Нигерии же в 1985 г. число тех, кому перевалило за 60, было всего 44 на тысячу работоспособных и к 2020 г. едва доползет до 74, в основном потому, что количество рабочих рук будет все время устойчиво расти.

Иждивенцами являются не только старики, но и дети. Более того, по мере развития общества, старики становятся все менее зависимыми (их работоспособность сохраняется дольше и возможности их использования обществом расширяются). Дети же, наоборот, становятся все более зависимыми (и не только в результате большей инфантильности) — время обучения молодежи все более и более удлиняется. Поэтому в Нигерии, где столь благополучно дело обстоит со стариками, на ту же тысячу работоспособных приходится 1170 детей младше 15 лет. Это число, видимо, мало изменится к 2020 г. Так что полное число иждивенцев (старых и малых) на тысячу работоспособных к этому времени в Нигерии все равно будет больше, чем в "стареющей" Голландии: 1275 против 1140.

Нигерийские дети 2020 года будут более зависимы от родителей, чем те — от дедов, ибо их школьные годы должны длиться дольше. Но будут ли они, в действительности, так долго ходить в школу? Один из парадоксальных и наиболее болезненных результатов быстрого роста населения состоит в том, что возможности страны обеспечить своим детям условия для обучения снижаются. Ребенок вырастает менее образованным, и его потенциальный вклад в национальный доход снижается.

Число иждивенцев, однако, вовсе не обязательно должно расти. Хороший пример дает такая страна, как Тунис. В ней за последние 30 лет были предприняты серьезные меры по повышению социального статуса женщин и по контролю над рождаемостью. В результате число иждивенцев (старых и малых) на 1000 работоспособных

в 2020 году, как ожидается, составит 820, тогда как в 1985 г. их было 1380.

Как в этом отношении обстоит дело в Советском Союзе? Сравнительно неплохо. В 1985 г. в нашей стране на 1000 работающих было 160 стариков в возрасте старше 65 и 420 мальчишек и девчонок в возрасте до 14. В 2020 эти цифры будут 270 и 470. Немного. Общее удельное число иждивенцев возрастет с 580 в 1985 г. всего лишь до 740 в 2020 г.

Как представляется сегодня, перспективы экономики развивающихся стран угнаться за ростом населения кажутся не очень радужными. Вылезти из нынешнего катастрофического положения этим странам нелегко. Много пишут о внешних долгах стран Латинской Америки, потому что абсолютно они наиболее велики. Но в прошлом году долги Мексики и Бразилии составляли соответственно "лишь" 80 и 38% их валового национального продукта, в то время как в африканских странах Судане и Заире эти цифры уже достигли 110 и 189%! Как выбраться из таких долговых ям? А ведь проблема иностранного долга — далеко не самая серьезная из многих экономических проблем развивающихся стран...

И экономисты, и демографы все более и более сходятся на том, что надо принимать меры, сдерживающие дальнейший рост населения Земли.

Мы еще должны учиться стоять плечом к плечу друг с другом — и не только тогда, когда статистики мысленно собирают нас на территории Гонконга. ●

ХЛЕБ МИРА

В этом году виды на урожай зерновых в Советском Союзе опять не очень хороши, и, видимо, валовой сбор зерна будет далек от прошлогодней рекордной цифры в 210 млн. тонн. Нет уверенности, что будет достигнут и показатель предыдущего, 1985 года — 192 млн.

190 миллионов, 200 миллионов тонн зерна... Говоря о зерне, мы обычно думаем о хлебе, т.е., собственно говоря, о пшенице. Но советская статистика имеет в виду нечто другое. В публикуемые данные о зерне включены также и рожь, и зерновая кукуруза, и ячмень, и овес, не говоря уже о таких мелочах, как просо, гречиха, рис и зернобобовые. Сколько же приходится собственно на хлеб?

Последние данные (они же, кстати, и первые, ибо до прошлого года подобная статистика не публиковалась), преданные в Советском Союзе гласности, относятся к 1985 г. Валовой сбор

пшеницы — озимой и яровой — в этом году составил 78,1 млн. тонн. Эта цифра — примерно на уровне предыдущих четырех лет, но существенно ниже того, что, как мы теперь знаем, собирали в нашей стране в 1976–1980 гг. Тогда сбор пшеницы достигал в среднем 99,7 млн. тонн. Сокращение сбора было вызвано прежде всего сокращением посевных площадей и, в меньшей мере, снижением урожайности.

Приведенные цифры относятся к урожаю пшеницы на корню. Если же учесть многократно названную в выступлениях советских руководителей и ставшую почти официальной цифру потерь 20%, то получим 80 млн. тонн реального урожая 1976–1980 гг. и 62 млн. с небольшим — в 1985 г.

Долгое время сельскохозяйственные неудачи объясняли плохими погодными условиями. Теперь уже, кажется, не объясняют, ибо в остальной части мира, как оказалось, погода стоит прекрасная. Только Африке не очень везло в этом отношении, но не настолько, как СССР: там производство пшеницы все же не падало, а всего лишь росло медленно: с 10,2 млн. тонн в 1976 г. до 11,7 млн. в 1986. Основным тормозом роста для континента стали страны, пораженные действительными климатическими и политическими катастрофами, такие, как Судан или Эфиопия.

В странах же, например, Европейского экономического сообщества производство пшеницы за 10 лет — с 1976 по 1986 г. — выросло с 41 млн. до 72 млн. тонн (без всяких потерь, разумеется). В одной Англии производство хлеба за это время удвоилось. В Соединенных Штатах за те же годы сбор пшеницы возрос с 58 до 76 млн. тонн. После этого стали предприниматься энергичные усилия по сокращению производства, но все равно в закромах США и сейчас находится больше хлеба, чем где бы то ни было в мире.

Цены на пшеницу, из-за ее перепроизводства, с 1981 г. неуклонно падают. Американское и многие европейские правительства вынуждены оплачивать своим фермерам огромные суммы, чтобы возместить им потери на мировом рынке. Вот почему они заинтересованы в сокращении производства хлеба (см. "Страна и мир", № 3 за 1987 г.).

От Европы и США не отстает Азия. В целом континент в 1986 г. произвел 189 миллионов тонн — против 119 за десятилетие до этого. За это время почти удвоили сбор пшеницы Китай (с 50 до 90 млн.) и Индия (с 28 до 47 млн.). Даже Япония, где пшеница — далеко не главный вид пищевого зерна, увеличила ее производство в 4 раза: с 222 тысяч до 900 тысяч тонн).

Неплохо растет пшеница и "в песчаных степях аравийской земли". Саудовская Аравия выращивала в 1981 г. только 187 тысяч тонн хлеба. Но за прошедшие с тех пор пять лет сбор пшеницы с орошаемых земель немногих аравийских оазисов подобрался к 2 миллионам (!). Правда, эта пшеница обходится дорого. Тем не менее, правительство предпочитает идти на субсидирование фермеров, а не делать закупки на дешевом мировом рынке. Самообеспечение пищей рассматривается здесь как условие национальной безопасности: в случае конфликта в этом взрывоопасном районе страна не будет голодать.

Это стратегическое соображение учитывают и многие другие страны Третьего мира. Если к этому добавить недостаток иностранной валюты и желание использовать сельское хозяйство в качестве инструмента развития национальной экономики, то неудивительно, что все большее и большее число стран присоединяется к "клубу производителей пшеницы". Международный банк реконструкции и развития поддерживает эту тенденцию. Как он заявил в своем отчете за 1986 г., "успехи сельского хозяйства в большой степени определяют экономический рост во многих развивающихся странах с низким доходом на душу населения". Банк оказывает помощь странам, производящим исследования в области сельского хозяйства, развивающим ирригационные системы и проводящим политику цен, которая благоприятствует фермерам.

Добавим к этому резкое повышение урожайности, достигнутое благодаря усовершенствованию технологии сельскохозяйственного производства, повышению использования удобрений и т.д. Английские фермеры, например, десять лет назад собирали с гектара урожай в 4 тонны пшеницы. Сейчас — около 7. (В Советском Союзе урожайность более стабильна: 2,5 тонны в среднем в 1976–1980 гг., 2,2 тонны — в 1985 г.)

Положение становится тревожным: хлеба в мире слишком много, цены падают столь низко, что производить пшеницу становится невыгодным. Эта парадоксальная ситуация еще более обостряется тем, что аналогичное положение складывается и на других сельскохозяйственных рынках: кукурузы, сахара, молочных продуктов.

Многие развивающиеся страны предпочитают не выходить на перенасыщенный мировой рынок, где они неконкурентоспособны. Индия, например, сейчас полностью удовлетворяющая свои внутренние потребности в пшенице, пытается сократить ее производство, переводя посевы пищевого зерна, увеличила ее производство в 4 раза: с 222 тысяч до 900 тысяч тонн.

дарства. Правда, и в производстве растительных масел страну поджидают на мировом рынке мощные конкуренты: США, Малайзия, Индонезия, Бразилия.

В результате появления все большего и большего числа стран-производителей пшеницы, повышения урожайности и т.п. мировая торговля пшеницей сокращается. В 1983–1984 гг. (с июля по июнь) торговый оборот (зерно и мука) составлял 100 млн. тонн, в 1986–1987 гг. — только 88 млн.

Кто продает и кто покупает хлеб? Главным продавцом были и остаются Соединенные Штаты. В 1983–1984 гг. они продали 38 млн. тонн, в 1986–1987 гг. — 31 млн. Канада продала соответственно 21 и 23 млн., Европейское экономи-

ческое сообщество — 15 и 17 млн. На долю всех прочих стран в 1983–1984 гг. приходилось 26 млн. тонн, в 1986–1987 — 29 млн.

Главным покупателем пшеницы был и остается Советский Союз. В 1983–1984 гг. он купил 21 млн. тонн пшеницы, в 1986–1987 гг. — 20 млн. За ним идут Египет — соответственно 7 и 8 млн. и Бразилия — 4 и 3 млн. Все прочие страны покупали меньше, но, взятые вместе, приобрели в 1983–1984 гг. 68 млн. тонн, а в 1986–1987 гг. — 69 млн.

Так что пока, вопреки мальтузианским опасениям футурологов из Римского клуба, недостаток хлеба миру не грозит. Правда, по мировым законам он распределен очень неравномерно, но это уже вопрос чисто политический. ●

НАДЕЖДЫ ЭСПЕРАНТО

Искусственный язык празднует свое столетие

В 1887 г. Людвик Заменгоф, польский врач-окулист и полиглот, опубликовал книгу, предлагающую новый язык, под псевдонимом д-р Эсперанто, что значит: "тот, кто надеется". Заменгоф страстно желал, чтобы изобретенный им язык стал вторым языком для всего мира. Хотя эта надежда еще не реализовалась, около шести тысяч ревностных эсперантистов — самый крупный из когда-либо происходивших их съездов — из разных стран, даже столь отдаленных, как Япония и Бразилия, соберутся в Варшаве, чтобы воздать честь Заменгофу в связи с сотой годовщиной со дня рождения его языка. В программе празднований — различные мероприятия, все, конечно, на эсперанто. Предусмотрены поэтические чтения и театральные постановки, а также посещение родного города Заменгофа — Белостока.

Многие считают, что эсперанто — один из самых молодых умирающих языков, словесный эксперимент, который попросту не удался. В действительности же эсперантисты живут по всему миру. Оценки их полного числа колеблются в широких пределах: от 1 миллиона до более чем 8 миллионов. 65-летняя пенсионерка, бывшая школьная учительница из Сиднея Марджори Дункан считает, что движению необходимо больше молодых людей. Но, говорит она, "они предпочитают водить машины и заниматься серфингом".

С первого взгляда эсперанто кажется довольно простым. В языке существуют только 16 легко запоминаемых грамматических правил — и никаких исключений, — а основной словарь составлен преимущественно из индоевропейских корней. Специалисты утверждают, что почти каждый

LA ESPERO DE ESPERANTO

Kreita lingvo festas sian centjarigon

En 1887 Ludoviko Zamenhof multlingva pola okulisto, publikigis libron prezentantan novan lingvon sub la kaŝnomo Doktoro Esperanto. Zamenhof arde deziris ke lia inventita lingvo fariĝu la dua lingvo de la mondo. Kvankam tiu espero estas ankoraŭ nerealigita, preskaŭ sesmil fervoraj esperantistoj — historie la plej granda renkontiĝo — tiel foraj lokoj kiel Japanio kaj Brazilo kolektiĝos en Varsovio por honori Zamenhof je la okazo de la centa datreveno de lia lingvo. Ili celebros per diversaj aranĝoj, ĉiuj en Esperanto, kompreneble. Okazos poeziaj legadoj kaj teatraĵoj en Esperanto plus vizito al la hejmurbo de Zamenhof, Bjalistoko.

Multaj homoj supozas, ke Esperanto estas unu el la plej junaj mortantaj lingvoj, vorta eksperimento kiu simple ne el sukcesis. Fakte, esperantistoj estas troveblaj tra la tuta mondo. Taksoj pri ilia tuta nombro multe varias, inter 1 milionoj kaj 8 milionoj aŭ pli. Marjorie Duncan, 65-jara, emerita instruistino el Sidnejo kredas, ke la movado bezonas pli da gejunuloj. Sed, ŝi diras, ili preferus «veturigi aŭtojn aŭ iri surfumi.»

Je unua rigardo, Esperanto ŝajnas sufiĉe simpla. La lingvo havas nur 16 facile memor-eblajn gramatikajn regulojn — sen iuj ajn esceptoj — kaj bazan vortaron konstruitan el plejparte hindeŭropaj radikoj. Fakuloj pretendas, ke preskaŭ iu ajn persono povas lerni

может изучить эсперанто за сто часов или даже меньше. Но для некоторых многочисленные суффиксы и приставки могут оказаться сложным делом. Эта лишенная вычурности система позволяет воспроизвести многие идиоматические выражения из других языков, в ней есть даже свои собственные грубоватые ругательства, например, *diable* или *merdo* (дерьмо).

Употребление эсперанто вероятно достигло максимума в 20-е гг., когда идеалисты стали рассматривать его как шаг к миру. Некоторые интеллектуалы видели в нем решение языковой проблемы, которая, как им казалась, была частично ответственна за политические недоразумения; в ряде британских школ молодежь получила возможность изучать эсперанто. Но после Второй мировой войны интерес к нему угас, частично потому, что правительства не поддерживали этот язык, а частично потому, что *lingua franca* для бизнеса и путешествий быстро становился английский. Эсперантисты призывали Организацию Объединенных Наций принять их язык, но этой организации было достаточно ее шести официальных языков (английского, французского, испанского, арабского, китайского и русского).

Хэмфри Тонкин, президент расположенной в Роттердаме Всемирной ассоциации эсперантистов, говорит, что *Lingvo Internacia* популярен в странах, языки которых широко не распространены. Например: Иран, Бразилия, Нидерланды и скандинавские страны. Значительная концентрация эсперантистов имеется в Японии, где этим языком иногда пользуются для научных дискуссий с участием ученых, говорящих на различных языках. В Китае эсперанто применяется для облегчения связи между говорящими на северном и южном диалектах, здесь пользуется поддержкой энергичная издательская программа. Многие шедевры литературы переведены с различных языков на эсперанто, в том числе Коран и некоторые пьесы Шекспира. Но эсперантистка Мэри Дэвис, хозяйка гостиницы в Хэйшеме (Англия), жалуется: "У нас нет никакого легкого чтения".

Путешествуя, многие эсперантисты носят в петлице значки в форме зеленых звездочек — знак говорящего на эсперанто, — в надежде встретить другого такого же говорящего. Они также звонят по телефону товарищам по беседам и обмениваются по почте магнитофонными кассетами. Как сказал шотландец Уильям Олд: "В любой стране в Европе я напивался с людьми, говорящими на эсперанто". На любом языке любитель поговорить может возбудить жажду, требующую глоточка вискио.

Дж. Д. Рид

Esperanton en cent horoj aŭ malpli. Sed ĉe kelkaj homoj, multnombraj sufiksoj kaj prefiksoj eble komplikos aferojn. La senordnita sistemo ankaŭ kapablas trakti multajn idiotismajn frazerojn el aliaj lingvoj kaj ja havas siajn proprajn sukoplenajn sakraĵojn, kiel ekzemple *diable* kaj *merdo*.

La uzo de Esperanto eble atingis sian pinton en la 20aj jaroj, kiam idealistoj alproprigis ĝin kiel unu etan paŝon al paco. Kelkaj intelektuloj rigardis ĝin kiel solvon al tiu lingva problemo kiu, laŭ ili, kontribuas al politikaj malkomprenoj; en kelkaj britaj lernejoj, gejunuloj reale povis studi Esperanton. Sed la intereso malfortiĝis post la Dua Mondmilito parte ĉar registaroj ne subtenis la lingvon kaj ankaŭ parte ĉar la la angla rapide fariĝis la komuna lingvo de komerco kaj vojaĝado. Esperantistoj instigis Unuiĝintajn Naciojn adopti ilian lingvon, sed la organizaĵo jam havas plenajn manojn pro ses oficialaj lingvoj (angla, franca, hispana, araba, ĉina kaj rusa).

Humphrey Tonkin, prezidanto de la Universala Esperanto-Asocio en Roterdamo, diras, ke la lingvo internacia estas populara en landoj kies lingvoj ne bone vojaĝas. Ekzemple: Irano, Brazilo, Nederlando kaj la skandinavaj landoj. Konsiderinda koncentriĝo de esperantistoj ankaŭ troveblas en Japanio, kie la lingvo estis foje uzata por diskutoj inter sciencistoj, kiuj parolas malsamajn naciajn lingvojn. Ĉinio uzas Esperanton por faciligi komunikadon inter parolantoj de siaj nordaj kaj sudaj dialektoj kaj subtenas aktivan eldonprogramon. Multajn literaturajn ĉefverkojn oni tradukis el diversaj lingvoj en Esperanton, inkluzive la Koranon kaj kelkajn teatraĵojn de Ŝekspiro. Sed Mary Davies, esperantistino kiu estras hotelon en Heysham, Anglio, plendas, «Ni ne havas ian leĝeran legaĵon.»

Kiam ili vojaĝas, multaj esperantistoj portas insignojn en formo de verdaj steloj por indiki sian esperantistecon, esperante renkonti samlingvanojn. Ili ankaŭ telefonas al kunkonversaciantoj kaj interŝanĝas kasedojn perpoŝte. Diras skoto William Auld: «Mi ebrigiĝis en ĉiu lando de Eŭropo kun Esperanto-parolantoj.» En ĉiu ajn lingvo, konversacianto povas elfabriki imponan soifon je eta guteto de viskio.

J.D.Reed

ЗАПАДНАЯ ЕВРОПА

КРАСНЫЙ ЦВЕТ БЛЕКНЕТ

Этим летом состоялись выборы в двух европейских странах, где левые силы традиционно были очень сильны: в Италии и Португалии. При всей разнице политической ситуации в этих странах в результатах выборов много общего. Коммунисты вынуждены были заметно потесниться; избиратели явно высказались за центристскую, социал-демократического типа политику.

Когда бывшего итальянского премьер-министра социалиста Беттино Кракси попросили охарактеризовать результаты выборов 14–15 июня, он пошутил: "знаете, в Италии обычно все, ити почти все, выигрывают выборы". Это было шуткой лишь наполовину. Из 14 партий, пославших своих депутатов в итальянский парламент, многие усилили свое положение, другие, хотя и потеряли, но немного. Единственное исключение составили коммунисты.

Сам Кракси имеет основания быть довольным. Его партия собрала на 2,9% голосов больше, чем на предыдущих выборах, достигнув отметки в 14,3%. Относительно это самый большой прирост числа голосов. У партии теперь 94 места в парламенте из 630 – на 21 больше, чем ранее. Сыграло свою роль то, что Кракси, возглавлявший перед этим пятипартийный коалиционный кабинет (pentapartito), поставивший рекорд длительности пребывания у власти за все послевоенное время, сумел резко улучшить экономическое положение страны. Согласно правительственной статистике, Италия стала пятой индустриальной державой мира (потеснив Англию), резко снизилась инфляция (с 16 до 5%). Сейчас социалисты чувствуют себя прочнее, чем когда-либо после 1948 г., когда Италия стала республикой. У них есть все шансы стать ядром "третьей силы", буфером между христианскими демократами и коммунистами, которые господствовали на итальянской политической сцене в течение 40 лет.

Христианские демократы признают успех социалистов, но их лидер Кириако де Мита заявил, что все же их собственные успехи "много-много больше". В относительных числах это не так, но, если брать числа абсолютные, то со своими 34,3% голосов христианские демократы действительно остаются самой сильной политиче-

ской партией Италии. Процент роста у них невелик, всего 1,4%, но, по крайней мере, христианским демократам удалось остановить медленное сползание своей партии вниз. У них сейчас 234 места в парламенте, на 9 больше, чем раньше.

Де Мита сразу же исключил возможность возрождения "исторического компромисса", союза между христианскими демократами и коммунистами, который позволил Джулио Андреотти в 1978 г. сформировать однопартийное христианско-демократическое правительство. Речь с самого начала шла о восстановлении pentapartito, коалиции христианских демократов и социалистов с немногом потесненными республиканцами, либералами и социал-демократами. В конце июля коалиционные переговоры успешно завершились: 47-е послевоенное правительство Италии возглавил христианский демократ Джованни Гория.

Уныние, если не паника, заметно лишь среди коммунистов. Потеряв 3,3% голосов, они спустились до 26,6%, самой низкой цифры за последние 20 лет. Процесс сползания вниз сейчас ускорился. Хуже всего то, что наиболее сильные потери произошли в районах, которые традиционно считались коммунистическими бастионами. В "красной" Болонье, где обычно до 40% избирателей голосовали за коммунистов, они потеряли 4,1%. В других индустриальных центрах, таких, как Турин и Милан, потери составили 5,3 и 4,1% соответственно. В Сесто Сан-Джованни, некогда называвшемся "итальянский Сталинград", коммунисты потеряли 7%.

Газета La Repubblica в этой связи писала: "Это начало конца коммунистической партии как вождя левых. Потери в Болонье – признак глубокого внутреннего кризиса". И это действительно так. В упадке находятся вовсе не все левые, а именно коммунисты. Энрико Теста, независимый "зеленый" депутат, избранный в парламент по коммунистическому списку, говорит: "коммунисты, привыкшие всегда говорить от имени левых, теперь проигрывают зеленым, радикалам, социалистам, пролетарским демократам."

Со своими 177 депутатами в парламенте ИКП пока еще далеко не так слаба, как ее коллеги во Франции или Испании. Но думать надо заранее, пока не грянул гром. Лидер партии Алессандро Натта признает, что программа и политика партии "неубедительны". Внутри партии слышна резкая критика сторонников Джорджо Наполитано, который заявляет, что единственным способом избежать политической изоляции является дальнейшее движение по пути к социал-демо-

кратии, что в конечном счете может привести к союзу с социалистами Кракси.

Внешне иная, но по сути сходная ситуация сложилась и в Португалии после выборов 19 июля. Страна, за 13 лет после "революции гвоздик" сменившая 16 правительств, наконец-то получила устойчивое руководство. Получив 50,15% голосов и завоевав 146 из 246 мест в парламенте, социал-демократическая партия может теперь создать однопартийное правительство, свергнуть которое в парламенте будет невозможно. Впереди четыре года стабильности. 48-летний лидер партии Анибал Кавасо Сильва, подобно Кракси, пожинает плоды успешной деятельности своей первой 16-месячной администрации.

Социалисты, возглавляемые президентом Марио Соарешем, получили свои 22% голосов и 59 мест, на 2 улучшив свое положение. Неплохо, но далеко до социал-демократов Кавасо Сильвы, которые скакнули с 88 сразу до 146. Бывшие союзники социал-демократов — христианские демократы из 22 мест в парламенте потеряли 18 и сейчас никакой роли не играют. Левоцентристская Партия демократического обновления бывшего президента Рамальо Эанеша вместо 45 мест имеет теперь 7.

Влияние коммунистов падает, хотя и не резко, но неуклонно. На выборах они получили лишь 12% голосов (против 15,5 на предыдущих выборах), из 38 мест в парламенте потеряв 8. Гвардия Алваро Куньяла теряет свои позиции (как и ИКП) в традиционно коммунистических районах, в частности, в сельскохозяйственной провинции Алентежу, к юго-западу от Лиссабона, где в свое время коммунисты возглавляли движение по захвату латифундий и превращению их в коллективные хозяйства. В промышленном Сетубале к югу от столицы, который коммунисты контролировали более десятилетия, сейчас им удалось добиться перевеса над социал-демократами всего лишь в 200 голосов.

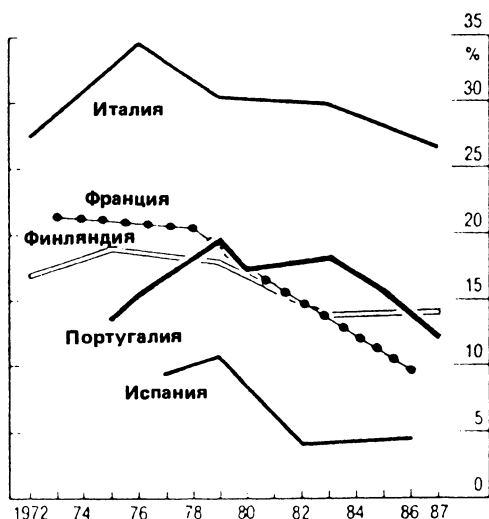
Принимая поздравления, Кавасо Сильва заявил ликующей толпе: "Сегодня festa. Завтра рабочий день". А работы у этого, по всей видимости, харизматического лидера страны, страстного почитателя Маргарет Тэтчер, много. Его лозунг — провести "рыночную контрреволюцию". Это страшное слово "контрреволюция" в португальских условиях звучит как "революция", или, если хотите, как "перестройка". Страну надо освободить от тенет управляемой, доктринерской экономики, оставшейся стране от первых послереволюционных лет.

Для этого необходимо прежде всего изменение конституции, статья 2 которой провозглашает, что "Португалия должна идти по пути социализ-

ма". Хотя на практике страна давно уже идет в обратную сторону, многие ограничения, не позволяющие развиваться нормальной рыночной экономике, сохраняются. Для изменения конституции потребуется две трети голосов в парламенте, но Кавасо Сильва рассчитывает на поддержку социалистов. Дос Сантос, национальный секретарь социалистической партии, подтверждает: "Мы согласны, что наша конституция крайне идеологизирована и что идеологическую составляющую следует уменьшить". Конечно, социал-демократам за эту поддержку придется уплатить какую-то цену.

Но "контрреволюция" Кавасо Сильва — это не идеологический крестовый поход. "Наша победа, — заявил он, — это отвержение радикализма и политического авантюризма любого рода". Кавасо Сильва — прагматик. После изменения конституции он намерен снять ограничения, защищающие от власти рынка общественный сектор экономики, особенно в таких областях, как земельная реформа, торговля, банковское дело. Предприятия общественного сектора предполагается превратить в акционерные. Будут смягчены жесткие трудовые законы, что позволит ограничить власть централизованных профсоюзов и унять инфляцию.

Коммунисты и Всеобщая конфедерация португальских рабочих (в этой 1,3-миллионной организации коммунисты господствуют) угрожают противодействовать любым шагам правительства в этом направлении. Однако Кавасо Сильва имеет теперь ясный мандат избирателей. 18-летний лиссабонский студент заявляет: "Многие

Процент избирателей, голосующих за коммунистов на всеобщих выборах

мои друзья устали от социализма и коммунизма. Молодежь всегда восстает против чего-нибудь. Сейчас она восстает на стороне правых”.

Отвержение коммунистов избирателями в тех европейских странах, где еще до недавнего времени они имели большой политический вес, — характерная особенность последнего десятилетия. Экономические трудности, возникшие на волне нефтяного кризиса, не сработали в том направлении, какого ожидали компартии. Но в немалой степени потери коммунистов связаны с успехами, достигнутыми их социалистическими и социал-демократическими соперниками.

Помимо Италии и Португалии, нечто подобное произошло и во Франции, в Испании, в Финляндии. Правда, за последние 18 месяцев социалисты и социал-демократы понесли в этих странах потери, но в Испании до сих пор социалистическое правительство, а что касается Франции и Финляндии, то и там никто и не думает, что когда-либо коммунисты сравняют свое влияние с влиянием социалистов. Компартии в этих странах, особенно в Испании и Финляндии, поражены открытым или скрытым расколом. Чума раскола подкашивает даже крошечные компартии Англии, ФРГ и Норвегии, избирательные успехи которых не превышают 0,1—0,3%.

Красный цвет на политической карте Европы блекнет. ●

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

ЛИБЕРАЛИЗМ НА ПРАКТИКЕ

Нижеследующий обзор положения в области прав человека в Венгрии за последние 1,5 года опубликован в венгерском самиздатском журнале "Demokrata", № 2 за 1987 г.

Осенью 1985 г., во время Европейского культурного форума в Будапеште, венгерское правительство продемонстрировало, как оно понимает свободу культурных контактов и право на свободу выражения мнений. И если, невзирая на все препятствия, "культурный форум" все же состоялся, то произошло это не благодаря правительству, а благодаря решимости венгерской оппозиции и давлению, которое оказывали западные дипломаты.

С тех пор режим Кадара—Лазара пользуется любой возможностью, чтобы предложить Буда-

пешт — столицу "свободной страны" с ее "свободной атмосферой" — в качестве места для проведения крупных международных конференций. Однако, пытаясь создать себе либеральную репутацию, режим в то же время делает все для удущения либерального мышления и независимых общественных инициатив.

Был закрыт клуб Ракпарт, дискуссионный форум молодой интеллигенции. Был запрещен цикл лекций по наболевшим вопросам в клубе Кошута. Закрыто отделение общества "Родина" в г. Сентендре, руководство его разогнано. Запрещен форум свободных дискуссий при Доме культуры в Йозефвароше. Приказ о закрытии клуба Бетлен в центре Будапешта был отдан через несколько недель после его открытия.

Власти воспрепятствовали проведению марша протеста, организованного Дунайским кружком. Толпа, которая, несмотря на запрет, все же собралась, была разогнана полицией. Принявшие участие в марше австрийские борцы за сохранение окружающей среды также были избиты. Когда Дунайский кружок, лишенный всякой возможности высказать в Венгрии свои возражения против строительства плотины Габчикovo—Надьмарош (см. "Страна и мир", № 12, 1985 г.), поместил платное объявление такого содержания в венской газете "Die Presse", власти начали преследования инициаторов этой публикации.

15 марта полиция разогнала мирную патристическую демонстрацию молодежи. Были посажены под домашний арест Тибор Пах, Лайош Якаб и Ольга Диосеги. Демонстрантов избили, затем они были оштрафованы.

В марте 1986 г. в г. Залаггерсег полиция совершила налет на местную религиозную общину "Собрание веры", когда ее члены встретились для молитвы в частном доме. Чтобы разогнать группу и запугать ее участников, проводились обыски, допросы, людей вызывали в полицию, осыпали угрозами. Добиться своего, однако, полиции не удалось.

В течение лета будапештская полиция провела хорошо организованную кампанию по ликвидации групп молодой еврейской интеллигенции, собиравшихся на частных квартирах. Более двух десятков человек были подвергнуты длительным допросам в полиции, к ним применяли и шантаж, и угрозы. На этот раз тактика оказалась успешной: группы перестали существовать, их участники были запуганы.

Писатель Иштван Чурка за свои независимые взгляды по коренным вопросам существования венгерской нации был полностью лишен возможности публиковать свои произведения. Был за-

прещен выходивший в г. Сегед журнал "Tiszatáj" за то, что в нем была помещена статья в защиту венгерского меньшинства в странах — наследницах Австро-Венгерской империи. Большой группе писателей запретили выпуск нового независимого журнала "Hítel" (Доверие). На общем собрании Союза писателей представители правительства угрожали тем писателям, которые протестовали против ограничений творческой свободы и публично выражали свою озабоченность положением в стране. И перед собранием, и после него власти пытались подорвать Союз и его демократически избранное руководство.

Данное ранее разрешение на легальное издание журнала "Égérték Között" (Страны света) было взято назад; с тех пор журнал был вынужден распространяться только в самиздате. Непериодическое издание "Li" (Роша) было конфисковано, и дальнейшие номера уже не появились.

Группа "Inconnu" организовала международный конкурс графики, посвященный 30-летию Венгерской революции. Работы, присланные на конкурс из-за рубежа, были конфискованы. Самим организаторам, в случае, если они не откажутся от своей затеи, угрожали изгнанием из страны. Выставка под названием "Сражающийся город" была все же подготовлена, но за несколько часов до ее открытия полиция ворвалась в частный дом, где она была развернута, и экспонаты были конфискованы.

Полицейские действия против независимой бесцензурной прессы в Венгрии продолжались в течение года. Многие экземпляры № 17 журнала "Beszélő", № 13 "Hirmondo" за 1986 г., № 11 "Demokrata" за 1986 стали жертвой конфискации. Аналогичная судьба постигла сборник выдержек из газет времен революции 1956 г. и сотни других самиздатских публикаций.

После серии обысков в частных домах полиция обнаружила и конфисковала два множительных аппарата, которыми пользовались независимые издатели. В течение года обыскам подвергались следующие лица: Ено Надь — трижды; Дьердь Гадо — дважды; по одному разу — Дьюла Барток, Миколта Могнар, Аттила Фабиан, Жолт Кестельи, Йозеф Талата и Жигмонд Верес. Ено Надь и Дьердь Гадо были дважды оштрафованы за нарушение законодательства о печати; по разу оштрафовали Аттилу Фабиана и Лайоша Баласа. Дела против ряда лиц еще не закрыты.

Власти не стесняются применять против активистов бесцензурной прессы и уголовные методы. Несколько сотен экземпляров "Hirmondo" исчезли из запертой автомашины. Габор Демски, издатель "Hirmondo", несколько раз обнаружи-

вал, что его машину повредили "неизвестные лица".

Дьердь Гадо угрожали арестом, если он будет продолжать свою самиздатскую деятельность, и в то же время намекали, что не будет никаких препятствий, если он захочет эмигрировать.

В арсенале репрессий есть и политическая психиатрия. Ласло Русай в течение 10 дней принудительно "лечили" в психбольницах в Дьендьеш и Дьендьешвисонта всего лишь за то, что он выставил в окне плакат "Свободу Венгрии!"

У многих венгерских и иностранных граждан при въезде в страну и при выезде из нее власти конфискуют книги, газеты и рукописи, ссылаясь на политический характер конфискуемых материалов или просто без всяких объяснений. Не составляют исключения и иностранные журналисты. Не видно никаких перемен в поведении таможенных властей, произвольно изымающих книги и журналы в поездах, аэропортах и на почте, в случае если эти издания им кажутся нежелательными. (Редакции "Страны и мира" известно, что № 11 журнала за 1986 г., посвященный событиям в Венгрии, не был доставлен почтой венгерским читателям журнала. — *Ред.*)

По-прежнему ничего не изменилось и в практике принятия решений о выдаче заграничных паспортов, и решения эти принимаются совершенно произвольно. У многих участников оппозиции паспорта были отобраны (или же просто не выданы). Иностранцы, поддерживающие контакты с оппозицией, не получали виз. Среди жертв этой политики — несколько западных журналистов.

В самиздате подробно сообщалось о ряде наиболее возмутительных нарушений Хельсинкских соглашений, в том числе об отказе во въездной визе западногерманскому журналисту Гансу-Хеннигу Петцке, высылке австрийского журналиста Карла Пфейфера, конфискации книг и записей у английского журналиста Тибора Фишера. Но большинство таких случаев осталось неизвестными: жертвы не могут или не осмеливаются обратиться в западную или венгерскую самиздатскую прессу.

Приведенный перечень происходящего в Венгрии далек от полноты. Власти не уважают прав человека, гарантированных конституцией, нарушают обязательства, взятые ими на себя в Хельсинкских соглашениях. Либерализм проявляется лишь в форме ограничения гражданских свобод. Власти действуют произвольно и выборочно, нарушая, впрочем, тем самым принцип равенства граждан перед законом.

СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА

В АМЕРИКАНСКОМ ГУЛАГЕ

Создается впечатление, что в Советском Союзе существуют сейчас две прессы. Одна — честная (или почти честная), откровенно (или почти откровенно) пишущая о внутреннем положении в стране. Другая — лживая, бесстыдная, освещающая так называемую "международную жизнь" точно так, как она это делала 10, 20 и 40 лет назад. Эта сфера пока полностью изъята из "гласности".

17 июня "Правда" опубликовала невероятный репортаж под рубрикой "Общество погранных прав: США". Жирный заголовок гласит: "Сотни, а может быть, тысячи политических заключенных"... Слова эти взяты из сделанного почти 10 лет назад знаменитого заявления негра Эндру Янга, в то время — постоянного представителя США в ООН. Сообщив эти цифры политзаключенных в США, Э.Янг добавил, что он и сам в свое время был "привлечен к суду в Атланте". Слова эти с тех пор обыгрывались советской прессой неоднократно. Янг не сообщил, какое наказание на него наложил "суд в Атланте". Но со своего поста в ООН он, во всяком случае, изгнан не был.

А теперь давайте вообразим, что еврейский (негров у нас нет) активист Борис Бегун, в свое время "привлеченный к суду в Москве", получивший 7 лет лагеря и 5 лет ссылки и досрочно освобожденный (в феврале) из Чистопольской тюрьмы, после своего назначения постоянным представителем СССР в ООН по прибытии в Нью-Йорк делает там заявление, что в СССР имеются "сотни, а может быть, тысячи политических заключенных". Правительство СССР остается при этом невозмутимым.

Смогли вообразить? Нужны ли еще комментарии к правдинской статье?

"Правда" информирует нас о том, что некая таинственная ассоциация провозгласила в этом году 15 апреля "Днем политических заключенных в США". Оставим в стороне то обстоятельство, что из всех средств массовой информации во всем мире кроме "Правды" об этом сообщил лишь ТАСС (!). Заметим лишь, что в Советском Союзе политзаключенные отмечают свой день начиная с 1974 г. — ежегодно 30 октября. Об этом пишет вся мировая печать. Он так и назы-

вается: "День политзаключенного в СССР". Автор этих строк, бывший одним из инициаторов провозглашения Дня политзаключенного, помнит, как мы — небольшая группа заключенных — обсуждали название этого дня. "День советского политзаключенного" был отвергнут, ибо среди нас были и те, кто давно отказался от советского гражданства, желая покинуть страну, и те, кто, как, например, жители Прибалтики, стали "советскими" отнюдь не по своей воле. Остановились на нейтральном варианте — "в СССР", который устраивал всех: действительно, все мы находились в СССР. И вот теперь таинственные американцы, выступая со своей инициативой, в точности воспроизвели название, придуманное 13 лет назад за бараками мордовского политического лагеря! Что бы это значило?

Однако в правдинской статье дан целый список конкретных имен тех, кто в США пожертвовал свободой ради своих политических убеждений. Кто же они, эти люди?

Вскоре после публикации статьи в "Правде" советский представитель на Венском совещании по проверке выполнения Хельсинкских соглашений Юрий Кашлев выступил с речью, в которой слово в слово воспроизвел приводимый "Правдой" список американских политзаключенных. Старый принцип: лучший вид обороны — нападение. Ю.Кашлев надеялся таким образом отвлечь внимание от обвинений в нарушении прав человека в СССР, который он слышал на совещании со всех сторон.

21 июля глава американской делегации Уоррен Зиммерман выступил с заявлением, в котором он последовательно, один за другим, *без единого исключения*, рассмотрел все перечисленные Ю.Кашлевым случаи. Ниже публикуется полный текст заявления У.Зиммермана, что избавляет меня от необходимости его пересказывать.

Исключение я сделаю лишь для одного случая. Это упомянутая в "Правде" и названная Ю.Кашлевым американская политзаключенная Стейси Меркт. Исключение я делаю потому, что это *первый за многие годы "узник совести"* в США, признанный Международной Амнистией. Других подобных случаев в списке, приводимом "Правдой", нет.

В декабре прошлого года автор этих строк был приглашен в США на торжественную церемонию вручения почетных премий за деятельность в защиту прав человека, присужденных Rothko Chapel — экуменическим храмом, который основал в Хьюстоне (штат Техас) художник Марк Ротко. Среди лауреатов премии был советский политзаключенный Анатолий Корягин и американское

движение "Убежище". Активным участником этого движения и была Стейси Меркт. Встречи в Хьюстоне с активистами "Убежища" произвели на меня большое впечатление.

"Убежище" — это, пожалуй, не организация, а скорее, идея. Она стала воплощаться в жизнь еще до того, как получила название. Движение началось с попыток отдельных лиц — американских граждан — помочь проникнуть в США беженцам из Сальвадора и Гватемалы, раздираемых гражданской войной и политическим насилием. Обращения таких беженцев к правительственной Службе иммиграции и натурализации с просьбой о предоставлении политического убежища в 97% отклонялись, ибо Служба считала (не вполне обосновательно), что беженцы эти скорее экономические, чем политические. Тогда многие частные лица стали помогать беженцам из этих стран нелегально въехать в США, найти там кров и работу. Благо задача эта не была невыполнимо трудной: граница с Мексикой практически не охраняется, а в США нет ни внутренних паспортов, ни прописки.

Осенью 1981 г. конгрегация пресвитерианской церкви в г. Тусон (Аризона) во главе с пастором Джоном Файфом объявила свою церковь "убежищем", вспомнив о старинной, еще средневековой традиции. Так движение получило имя. К тому времени была создана уже целая сеть "подпольных дорог", при помощи которой беженцев не только перебрасывали через границу, но и расселяли по далеким от границы штатам, устраивали на работу. 24 марта 1982 г. восемь калифорнийских церквей присоединились к инициативе Джона Файфа, открыто заявив, что они будут ввозить и устраивать в США беженцев из Центральной Америки.

Сейчас движение "Убежище" охватывает более чем 300 церквей по всем Соединенным Штатам, несколько муниципалитетов, три штата. Участники движения открыто заявили, что они намере-

ны полностью игнорировать законодательство США относительно беженцев.

Сначала Служба иммиграции и натурализации пыталась не обращать внимания на движение "Убежище", но весной 1984 г., когда его деятельность приняла широкий размах, начала расследование деятельности "Убежища" и пыталась преследовать его участников по закону. В результате, после долгого и сложного судебного разбирательства восемь участников "Убежища" были осуждены. Большинство наказаний были символическими. Стейси Меркт была приговорена к 179 дням заключения.

Такова история единственного настоящего "узника совести" в США. Я не буду ее комментировать. Просто попытайтесь примерить к советской действительности каждую деталь этой истории — начиная с "преступления" и кончая "наказанием". Как бы это выглядело, если бы все это случилось у нас, а не в "обществе поправных прав": США?

Попытайтесь сделать то же самое и с другими случаями, описанными У.Зиммерманом в заявлении, которое вы сейчас прочтете.

К.Любарский

ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫЕ В СОЕДИНЕННЫХ ШТАТАХ

Несколько недель назад посол Кашлев поднял вопрос о ряде якобы существующих политических заключенных в Соединенных Штатах, сведения о которых были в основном почерпнуты им из статьи, появившейся в "Правде" в середине июня. Целью его утверждений было показать, что в Соединенных Штатах людей арестовывают за их политические взгляды и на долгие сроки заключают в тюрьму, несмотря на то, что они невиновны в каких-либо действительных преступлениях.

Так как многие из этих случаев мне были неизвестны, я запросил о них информацию. Сегодня я хотел бы поделиться тем, что я узнал об этих лицах, а именно о тех, кого выделил посол Кашлев. Вам будет ясно, что действительность несколько отличается от его обвинений.

Четверо из тех, кто, как утверждается, являются политическими заключенными, священники Декстер Лэнкстот и Томас Макгээн, Грег Бурже и Лин Романо были арестованы за то, что они 8 января 1987 г. прорвались на базу военно-морской авиации Уиллоу-Гроув в Пенсильвании. При этом было повреждено несколько самолетов. Эти лица должны были предстать перед судом 13 июля в третий раз, ибо первые два раза присяжные не смогли прийти к единодушному решению. Все они в ожидании суда находятся на свободе.

Вывеска одного из убежищ для нелегальных иммигрантов в США

Джон Харрис ожидает смертной казни в тюрьме Холмэн (штат Алабама). В 1970 г. он был по обвинению в изнасиловании и грабеже пятикратно приговорен к пожизненному заключению. Во время мятежа в тюрьме в 1974 г. был убит охранник, и Харрис позднее был осужден за это убийство. Приговор был отменен, но в 1983 г. его судили по тому же обвинению вновь и опять признали виновным. По законам штата Алабама за убийство во время отбывания тюремного заключения автоматически полагается смертная казнь. Харрис подал ходатайство об отмене смертного приговора. Советский Союз заявляет, что Харрис — выдающийся активист борьбы за гражданские права, который был приговорен к пожизненному заключению по фальсифицированному обвинению в краже.

Энн Монтгомери, Элмер Мэсс, Молли Раш, Дин Хэммер, Джон Шучард, Карл Кэбет и братья Берриган (так называемая "плоушерская восьмерка") были обвинены во взломе и заговоре после того, как они в сентябре 1980 г. проникли на завод компании General Electric в Кинг-оф-Праша (Пенсильвания). Группа ворвалась со взломом на завод, с помощью молотов повредила защитные носовые конусы ракет, пролила человеческую кровь. Обвиняемые были судимы в марте 1981 г. и приговорены к различным срокам заключения, до 10 лет. Верховный суд Пенсильвании все еще рассматривает их жалобу, и в ожидании его решения обвиняемые находятся на свободе.

Карл и Пол Кэбет, Лэрри Клауд-Морган и Хелен Вудсон в настоящее время отбывают сроки за разрушение правительственной собственности после нападения в ноябре 1984 г. на ракетные пусковые устройства близ Канзас-Сити в Миссури. Когда полиция прибыла на место, оно застала Карла Кэбета за тем, что он при помощи 40-килограммовой кувалды пытался проникнуть в пусковую ракетную шахту. За эти действия Карл Кэбет получил 18 лет, Пол Кэбет — 10 лет, а Лэрри Клауд-Морган — 8 лет. Г-жа Вудсон не присоединилась к своим однодезцам в их ходатайстве о смягчении приговора, однако судья сам сократил ее первоначальный 18-летний срок до 12 лет. Как сообщают, она написала судье, что немедленно по освобождении вернется на ракетную базу с кувалдой в руках.

"Лексингтонская тройка" — это Александрина Торрес, Сюзан Розенберг и Сильвия Баралдини ("Правда" ошибочно написала Барафтини. — *Ред.*). Все они сейчас находятся в тюрьме в Лексингтоне в Кентукки. 4 октября 1985 г. Торрес и двое других (все — члены так называемой Пуэрториканской организации национального освобождения FALN) были приговорены к 35 годам за заговор с целью взрыва военных сооружений в районе Чикаго. Розенберг отбывает 58-летний срок за заговор с целью завладения незарегистрированным огнестрельным оружием, незаконное использование фальшивых

документов и обладание незарегистрированными разрушительными устройствами (т.е. бомбами). Она сейчас обвиняется также в том, что была, как утверждают, водителем автомашины, на которой скрылись преступники во время знаменитого ограбления банковского броневомобиля в Ньюке (штат Нью-Йорк) в 1981 г. Во время этого ограбления были убиты два полицейских и водитель броневомобиля.

Баралдини отбывает 40-летний срок за ее роль в побеге из тюрьмы в 1979 г. руководителя Армии освобождения черных Джоан Чезимард. Она была также осуждена за попытку захвата броневомобиля в Дэнбери (Коннектикут). Баралдини признала свое членство в "Коммунистической организации 19 мая", группе, которая является союзником ряда террористических группировок, включая FALN. В апреле 1984 г. она была также приговорена к 3 годам за отказ давать показания о деятельности FALN перед Большим жюри Нью-Йорка.

Кристина Рико, Джули Налибов, Стивен Бэрк и Сандра Роланд — это члены или бывшие члены "Антиклановского комитета Джоана Брауна". Эти четверо были обвинены в неуважении к суду в Вашингтоне в феврале 1985 г. за отказ давать показания перед Большим жюри относительно взрывов бомб, осуществленных в Капитолии США (здании Конгресса США. — *Ред.*) и в других федеральных зданиях. Взрывы произошли в Вашингтонском морском арсенале (август 1983 г.), в Капитолии (ноябрь 1983 г.) и Клубе офицеров морского арсенала (апрель 1984 г.). К счастью, никто не пострадал. Прежде чем отказать принять в суде присягу и давать показания, эти четверо прочитали заявление, в котором говорилось, что они считают взрывы бомб законной формой сопротивления, как они выразились, американскому милитаризму. Поскольку не было данных о том, что эта группа была причастна к взрывам, все четверо были освобождены по распоряжению суда в конце 1985 г.

Я уже подробно говорил о деле Леонарда Пелтиера на более ранних пленарных заседаниях; он отбывает пожизненное заключение за убийство двух агентов ФБР. По приглашению правительства США группа советских офтальмологов несколько недель назад его обследовала.

Дэннис Бэнкс — это другой американский индейский активист, который был осужден в 1975 г. в Южной Дакоте по обвинению в поджоге, мятеже и вооруженном нападении во время столкновений с полицией в 1973 г. в Кастере (Южная Дакота). В 1976 г., будучи освобожден под залог, г-н Бэнкс бежал в Калифорнию. В 1978 г. Верховный суд Калифорнии постановил, что отказ губернатора Калифорнии выдать г-на Бэнкса Южной Дакоте является конституционным. Сегодня г-н Бэнкс находится на свободе.

Стейси Меркт, активистка движения "Убежище", была приговорена к 179 дням заключения за участие в заговоре с целью транспортировки

не имеющих документов иностранцев. Г-жа Меркт была признана Международной Амнистией в качестве узника совести — первого в Соединенных Штатах с 1979 года. Однако Международная Амнистия не ставит под вопрос того, что Меркт была обоснованно осуждена за нарушение иммиграционных законов США, с соблюдением соответствующих гарантий на справедливое рассмотрение дела в суде и права на обжалование. Согласно собственному заявлению Международной Амнистии, "заключение о том, что Стейси Меркт является узником совести, основано на убеждении, что когда она помогала сальвадорцам, эти беженцы могли подвергнуться опасности того, что их права человека, о которых заботится эта организация, будут нарушены". Ясно, таким образом, что спор здесь идет о политике США в области предоставления политического убежища и оценке положения в Сальвадоре. Я могу снабдить делегатов, которые этим заинтересуются, подробной информацией о политике и практике США, касающейся права убежища, которые, как я полагаю, достаточно великодушны и справедливы. Но остается фактом, что г-жа Меркт была осуждена не за выражение ее политических взглядов, а за очевидное нарушение закона.

Д-р Бенджамин Спок хорошо известен поколениям американских родителей, которые растили своих детей, пользуясь его советами. Д-р Спок также хорошо известен своим давним участием в антивоенном движении. Я полагаю, "Правда" правильно сообщила о том, что д-р Спок был арестован в начале этого года в связи с протестами на американской военной базе во Флориде. Чего "Правда", однако, не сообщила, так это то, что д-р Спок и другие демонстранты были арестованы лишь после того, как они взобрались на высокий проволочный забор в ясно обозначенной закрытой зоне. Большинство демонстрантов получило символические наказания — штрафы и условные приговоры, — а не тюремные сроки.

Наконец, в статье "Правды", на которой посол Кашлев основывал свои замечания, упоминается Ричард Миллер, но больше никаких сведений о нем не сообщается и не говорится, что он сделал. Это очень распространено в США фамилия и имя, и нам не удалось установить, какой же Ричард Миллер имеется в виду в советских сообщениях. Нам не удалось также получить сведений о проф. Эрнесте Дьюбе, возможно потому, что по русской транслитерации трудно понять, как это имя пишется по-английски. Если советская делегация может уточнить данные об этих случаях, мы с радостью ответим ей.

Что же касается "Дня политических заключенных в США", который, как утверждается, был провозглашен в США 15 апреля, я выяснил следующее: "Ассоциация в защиту юридических прав американцев" — это организация, возглавляемая женщиной по имени Сюзан Фрай. Мое правительство не смогло найти этой организации

ни в одном из многочисленных справочников по организациям и группам в Соединенных Штатах. Согласно ТАСС, г-жа Фрай объявила 15 апреля днем политического заключенного и назвала многих из лиц, перечисленных послом Кашлевым, в качестве примеров таких заключенных. Насколько мне известно, об этой ее инициативе сообщили только ТАСС и "Правда".

Я хочу сделать несколько замечаний относительно всех этих так называемых политзаключенных, которых упомянул посол Кашлев. Большинство их было обвинено либо в участии, либо в осведомленности об инцидентах, связанных с насилием, нанесением увечий или причинением смерти, или повреждением собственности. Мы говорим о таких преступлениях, как убийство, грабёж, вооруженное нападение, взрыв бомбы. Некоторые преступления касаются прорыва на важные для национальной безопасности объекты и нанесение им повреждений. Но все эти лица были полностью обеспечены правовой защитой, включая право на неоднократное обжалование приговоров. Некоторые из приговоров довольно суровы; некоторые относительно мягки; некоторые из этих лиц находятся на свободе.

Какой контраст с этим составляют обвинения против лиц в Советском Союзе, относительно которых моя делегация выражает озабоченность! В большинстве случаев формальными обвинениями являются "антисоветская деятельность", "клеветнические измышления", "хулиганство". Эти лица всего лишь писали книги и статьи, критически высказывались со своим обществом, проводили мирные демонстрации в общественных местах, отправляли обряды своей религии, преподавали детям иврит или передавали свои критические рукописи или заявления иностранцам. Они никого не убивали, не подкладывали бомб, не грабили бронев автомобили, не проникали незаконно на военные базы.

Такова принципиальная разница. Ранее выражение озабоченности судьбой политических заключенных в Советском Союзе клеймилось советскими представителями, как вмешательство во внутренние дела СССР. Теперь советские власти, видимо, считают, что лучшим ответом являются контробвинения в наличии в Соединенных Штатах политзаключенных. Эти контробвинения заслуживают рассмотрения. Вот почему я занял время на этом пленарном заседании, чтобы показать, чего они в действительности стоят. Заинтересованная во внесении полной ясности делегация США готова изучить и ответить на любые дальнейшие обвинения. Тем временем мы не перестанем обращать внимание на реальные, а не выдуманные нарушения прав человека.

Наилучший способ добиться, чтобы западные делегации прекратили выражать озабоченность судьбой советских политических заключенных, — это перестать бросать людей в тюрьму за то, что в большинстве государств, представленных здесь, вообще не считается преступлением. Только и всего. ●

У. Зиммерман

Комментирует
Р.БАХТАМОВ

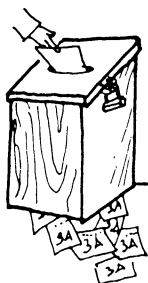
Рисунки Т.Кофьян

Уголовный кодекс — документ необычайно емкий, его статьи рассчитаны, кажется, на все случаи жизни. Тем не менее бывает так, что все признаки общественно опасного деяния есть, а преступления нет, ибо кодексом эти действия не предусмотрены.

Обратная ситуация — когда статья есть, а описанного в ней преступления не бывает, — встречается несравненно реже. Во всяком случае я знаю лишь одно государство, где законодатель включил в уголовный кодекс статьи, о которых заранее было известно, что они никогда не будут применяться. Не за невозможностью совершить такое преступление, а за полной его бессмысленностью.

Попробую объяснить это на примере. Допустим, некто прорывает подземный ход, пробирается в банк, взламывает сейф и меняет лежащие там франки на доллары — строго по курсу. Операция трудная, но технически осуществимая. И хотя сами эти действия содержат явные признаки преступления, соответствующей статьи ни в одном кодексе нет. Закон предполагает, что те, кому он адресован, обладают элементарным здравым смыслом.

Исключения из этого правила крайне немногочисленны — и уже поэтому заслуживают внимания. Собственно, исключений всего два. В Уголовном кодексе РСФСР это статьи 132 и 133: "Воспрепятствование осуществлению избирательного права" и "Подлог избирательных документов или неправильный подсчет голосов".

Глава I,

почти иррациональная

Если мерилom демократии считать выборность сверху донизу, то здесь мы, несомненно, впереди всех. Выборы у нас всеобщие. Круг должностей, замещаемых путем выборов, необычно широк. Депутаты и делегаты, председатели и секретари, судьи и академики, президенты и профсоюзные деятели. Иногда процедура выборов обставляется торжественно: выдвижение кандидатов, избирательные комиссии, речи, лозунги "Все на выборы!"; иногда скромнее: "В состав факультетского бюро комсомола рекомендовано избрать семь человек. Выдвинуты семь кандидатур. Есть предложение прекратить и перейти к выборам счетной комиссии. Кто за?.."

Все мы "за". Никто не улыбается, никто ничему не удивляется. Привыкли? Но как можно привыкнуть к чуду — самому, пожалуй, потрясающему чуду XX века? Миллионы, десятки миллионов людей заняты чем-то иррациональным: присутствуют, выдвигают, поднимают, опускают. Было бы интересно подсчитать... нет, не расходы (они, может быть, и не так уж велики), а затраты энергии, — например, в килограммометрах. Тогда стало бы ясно, сколько энергии мы расходуем на работу, заранее зная, что ее эффект будет нулевым.

Я знаком с человеком, который был доверенным лицом Брежнева. Серьезный человек: токарь-расточник высокого класса, известный изобретатель, семья, дети... Читая по бумажке о кандидате, которого, естественно, и в глаза не видел, он не находил в этом занятии ничего странного. И писатели — совесть народа, и ученые с мировым именем, и журналисты — все они тоже не удивлялись чуду, — тому, что участвуют в ритуальном действе: поднимают руки или опускают бумажки ради того, чтобы назначенный кем-то председатель, секретарь, президент официально именовался избранным.

Однажды сотворенное чудо само способно плодить чудеса. За всю историю бесчисленных советов — верховных, республиканских, областных, районных, комиссий и подкомиссий — не было ни одного достоверно зафиксированного случая, когда депутаты разошлись бы во мнениях. Все равно по какому вопросу: о бюджете, законе, об учаске, где надлежит строить баню, или о том, кого кем выбрать. Даже если сегодня предлагалось решение, прямо противоположное тому, что было принято вчера, это никого не смущало. В нашем сознании поднятие рук не имеет ничего общего с выражением собственного мнения.

Наблюдать за этой процедурой страшно и стыдно. Страшно потому, что как же, оказывается, легко утвердить всенародным голосованием любую меру: глобальную войну, массовый террор, запрет браков с иностранцами. А стыдно потому, что все мы — честные, видные, знаменитые — готовы санкционировать своим именем и авторитетом любую пакость.

Мы не стыдимся — не стыдятся и нас. Существует целая литература на тему о том, что система, при которой жители города не выбирают своего мэра, писатели — секретаря Союза писателей, академики — президента Академии наук, а все мы не выбираем людей, которые нами правят, — и есть самая нормальная, естественная, прогрессивная система.

В самом деле. Как проходят выборы у них? Ужасно. Избирателей подкупают, списки фальсифицируют, тайну голосования норовят нарушить, на кандидатов возводят всякую напраслину, — вспомним хотя бы рассказ Марка Твена "Как я баллотировался в губернаторы". Возможно ли у нас что-нибудь подобное? Нет и нет. Все тихо, чинно и благородно. Каждый, говоря словами Суворова, знает свой маневр.

И мы его знали, ох как знали. Можно было сходиться на выборы ("обещали выбросить колбасу!"), а можно было остаться дома: отдать извещения семиклассникам, они отнесут на участок, а кто-нибудь там бросит. Можно было потоптаться в кабине, но лучше не заходить, — к чему дразнить гусей?

Читая статью о предвыборных махинациях в Японии, даже вполне здравомыслящий человек начинал сомневаться. Грязное дело политика. Может, так, как у нас, лучше? Ни предвыборных скандалов, ни драк в парламенте. Не сразу даже понимаешь, отчего у нас такая благодать. А оттого, что нет предмета, который все это вызывает, — обманы, преступления, страсти. Нет выборов. И парламента тоже нет.

А что есть? Ну, это и объяснять как-то даже неудобно. Есть практика назначения на должности — даже самые мелкие — своих людей. Практика, лишь слегка прикрытая, чуточку подгримированная под выборы. И еще одна (или все та же?) система принятия решений. Неважно, кто и на каком уровне их принимает, важно, что принимают их одни, а делают вид, будто принимают, — другие. Эти другие очень стараются имитировать деятельность: организуют комиссии, обсуждают, дорабатывают. Но все это иллюзия, ибо каждому ясно: поезд давно ушел, решение состоялось.

Попытки логически объяснить назначение советского избирательного фарса наталкиваются на почти непреодолимые трудности. Если это маскировка, то на кого она рассчитана? Не на участников представления — это очевидно. На наивный Запад? Однако в большинстве западных стран давно идет процесс дробления мнений: создаются новые партии, даже в рамках одной партии возникают разные группы. В этих обстоятельствах сообщение о результате выборов, выраженное четырьмя девятками, и об итогах обсуждения ("принято единогласно") не вызывают даже смеха.

В свое время Ленин, анализируя сложившуюся в партии (уже в начале 20-х годов!) систему выборов *сверху вниз*, объяснял ее условиями дореволюционного подполья. С тех пор сменились поколения, а система не только не умерла, но активно прогрессировала, охватив буквально все стороны жизни.

Пожалуй, какое-то объяснение можно усмотреть в комплексе неполноценности, который преследует советских вождей. Дело даже не в том, что когда-то они захватили власть силой. Гораздо важнее, что на протяжении всей истории советского государства не было случая, когда они получили бы реальную возможность оценить истинное отношение народа к власти. Война ничего не доказывает. Ясно, что народ защищал не партию, а себя и государство — не большевиками поставленное. Не этим ли комплексом продиктованы бесконечные славословия властей в свой собственный адрес, лозунги "Партия и народ едины!", призывы сплотиться теснее, еще теснее, как можно теснее?..

Видимо, той же цели — доказать всем, но прежде всего себе — служат и атрибуты показательных выборов: чуть ли не стопроцентное участие избирателей, сплошные девятки числа голосов, поданных за кандидата, неременное единодушие при обсуждении и принятии любого решения.

Не исключено, впрочем, что основную роль в огромном избирательном механизме играет маленькая шестеренка — личные амбиции власть имущих. Наверное, есть особое наслаждение в том, чтобы наблюдать из-за кулис за движениями марионеток, зная, что это от тебя зависит, за какую ниточку дернуть. Думаю, что именно эта, по-человечески понятная, слабость лучше всего объясняет и существование иллюзиона, и демонстративную грубость маскировки. Люди, стоящие за кулисами, вовсе не хотят, чтобы публика приняла марионеток за артистов, забыв о тех, кто дергает за веровочки...

Глава II,

где говорится о вещах сугубо материальных,
как-то: кораблях, ракушках, песчаных отмелях

Даже для тех, кто внимательно (и по возможности непредвзято) следит за сложными зигзагами политики М.С. Горбачева, его доклад на январском пленуме ЦК был во многом неожиданным. Я имею в виду те места доклада, где говорилось о совершенствовании советской избирательной системы.

Цитировать нет смысла. Генеральный секретарь ЦК КПСС не может, естественно, называть вещи своими именами — то есть просто сказать, что никаких выборов у нас не

было и нет, а надо бы, чтобы они были. Поэтому говорит он о другом: о том, что "представительство всех слоев населения в выборных органах власти" само по себе огромное достижение, что все на свете растет и совершенствуется, о пожеланиях и предложениях трудящихся. Но суть доклада проста. Речь идет, объяснил Горбачев, "о более эффективном и реальном участии избирателей на всех стадиях предвыборной и выборной кампании".

Конечно, идея привлечь избирателей к избирательной кампании выглядит странно. Однако система выборов *без избирателей* существует уже полвека, не Горбачев ее придумал. И не он, будем объективны, виноват в том, что в этой сфере начинать предстоит с абсолютного нуля, с минус 273,16° по шкале Цельсия. И идти, хорошо понимая, что любой шаг на этом пути встретит сильнейшее сопротивление: идеологическое, личное, инерционное.

Задача, может быть, более трудная, чем перестройка в экономике. Там хотя бы ясны резоны. Экономика в тупике, это порождает всеобщий дефицит и недовольство, грозит лишить нас положения сверхдержавы. В этих условиях даже динозавры и птеродактили социализма вынуждены признать: какая-то перестройка требуется. Птеродактили, так сказать, выражают готовность превратиться в птиц.. Но система выборов?! Помилуйте, не мы ли так гордились (и гордились по праву) ее идеально отрегулированным и безупречно действующим механизмом, ставили нашу систему в пример, неопровержимо доказывая, что таково светлое будущее всей планеты. А теперь вдруг отказаться от этого величайшего завоевания социализма, публично признать, что вершина — во все и не вершина, что нам и тут необходимо чему-то учиться? Какой в этом резон? Уж в чем-чем, а в производстве депутатов, делегатов, секретарей и председателей никакого дефицита не ощущается, избирательная система, не в пример экономике, работает отлично.

Еще серьезней соображения личные. Как выразился герой одного советского фильма: "Сегодня будем избирать начальника цеха, завтра — директора завода. А послезавтра?.." Разумный начальник понимает: нитки нынче не грех упрятать получше, тому, кто водит марионеток, совсем не обязательно высовываться из-за кулис — это разрушает зрительный эффект. Но предоставить кукле кувыряться на сцене по собственному разумению? Это уже не просто нелепость, а нечто похуже: подрыв основ.

Отдадим справедливость Михаилу Сергеевичу: свои кадры он знает. Идеология для них дело десятое; главное, чтобы перестройка — самая крутая, смелая, революционная — не затрагивала их интересы. "Ведь это, товарищи, факт, — сказал он, — что у нас нередко даже поощрялось всякого рода схоластическое теоретизирование, не затрагивающее чьи-либо интересы и жизненные проблемы, а попытки конструктивного анализа и выдвижения новых идей не получали поддержки".

В том, что перестройка избирательной системы затронет "чьи-либо интересы", Генеральный секретарь не сомневается. Поэтому он снова и снова подчеркивает, что иначе нельзя. "Только через последовательное развитие демократических форм, присущих социализму, расширение самоуправления — возможно наше продвижение вперед..." "Только через демократию и благодаря демократии возможна сама перестройка". "Некоторым товарищам, как видно, трудно дается понимание того, что демократизм — не просто лозунг, а суть перестройки". И сразу же поспешная оговорка: "Речь, разумеется, не идет о какой-то ломке нашей политической системы".

Боюсь, что это успокоительное заявление было встречено без особого энтузиазма. Система — это, конечно, хорошо. Но как с сохранением некоторых важных элементов системы? Не подвергнется ли ломке, скажем, право секретаря райкома выбирать депутатов, судей, председателей колхозов во вверенном ему районе? А право ЦК КПСС сменять секретарей ЦК республик, депутатов Верховного Совета и министров, диктовать законы?

Маркс, Энгельс, Ленин не оставили указаний касательно того, какие особенности советского строя считать неотъемлемыми элементами социализма, а без чего он вполне может существовать. Горбачев же все энергичнее намекает на то, что за годы советской власти на социалистический корабльросло множество ракушек, от которых давно пора очиститься. Разумеется, для корабля это будет даже полезно. А для ракушек?

Согласно традиции, все наиболее важные моменты доклада генсека почти автоматически переносятся в постановление пленума. В данном случае все было так — и не так. "Важно извлечь практику выдвижения и обсуждения кандидатов в депутаты Советов, — говорится в постановлении, — от элементов формализма, предоставить избирателю возможность выражать свое отношение к большему числу кандидатов, эффективно участвовать в избирательном процессе на всех его стадиях".

Тут снова трудно удержаться от вопросов. Самый очевидный: если до сих пор в избирательном процессе не участвовал избиратель, то кто же, извините, в нем участвовал? Однако не будем отвлекаться. Ясно, что в постановлении пленума соответствующий пункт сформулирован еще обтекаемее, еще мягче, еще деликатнее, чем в докладе М.С.Горбачева.

Однако Генеральный секретарь настойчив. Откликаясь на пожелания трудящихся, он предложил, чтобы на собраниях и совещаниях "обсуждалось, как правило, несколько кандидатур, а выборы проходили по более крупным избирательным округам, от каждого из которых избиралось бы по несколько депутатов".

Обратим внимание на крошечную деталь: *как правило*. Так вот, придать этому порядку характер правила Горбачеву не удалось. В мартовских постановлениях Президиумов верховных советов союзных республик было подчеркнуто, что выборы по многомандатным округам проводятся *в порядке эксперимента*. Если же сопоставить число многомандатных округов с их общим количеством, то обнаружится, что этот порядок практикуется *как исключение*. Увы, и Генеральный секретарь не всеисил...

С самого начала эксперимент был построен так, чтобы, упаси Бог, не затронуть интересы сколько-нибудь ответственного начальства. Прежде всего на сей раз избирались депутаты *местных* советов — не выше районного. На таких выборах, как известно, секретари ЦК, министры и прочие фигуры не баллотировались. Но и секретарь райкома или председатель райисполкома вовсе не обязан был рисковать. Для каждого из них легко было подобрать "нормальный" *безвыборный* округ, где 99 процентов гарантированы, а всего избирателей выражают десятые и сотые, которые скромно лепятся к этой могучей цифре. Наконец, и в многомандатных округах не возбранялось выделить ровно столько кандидатов, сколько полагалось выбрать: мартовские постановления о выборах оставляли такую возможность. Короче, для экспериментальных округов вполне можно было подобрать такой состав кандидатов, чтобы предоставить гражданам выбор между известным токарем, идейным слесарем и передовой дояркой.

Паразитально, однако, что даже эти микроскопические отступления от заведенного порядка вызвали страшный переполох. В большой статье "В обстановке демократизма", опубликованной накануне выборов, председатель Президиума Верховного Совета РСФСР В.Орлов рассуждал: "На этот раз на избирательных участках имеется в виду так установить кабины для тайного голосования, чтобы избиратели ими обязательно воспользовались". И дальше: "Для проведения голосования по многомандатным округам имеется в виду изготовить специальные бюллетени..."

В ходе выборов и сразу после них переполох еще усилился. Известный еврейский отказник и недавний политзаключенный Иосиф Бегун заявил, что будет голосовать лишь за того кандидата, который поддерживает идею развития еврейской культуры в СССР. И что вы думаете? Его посетил кандидат в депутаты и заверил, что лично он глубоко предан этой идее и намерен своей деятельностью всячески содействовать развитию упомянутой культуры.

Это, разумеется, частность. Чтобы получить более полную и обстоятельную картину, обратимся к статье В.Надеина "Выборы в зеркале чувств", опубликованную в июле в "Известиях". При подсчете голосов на одном из участков в Ташкенте обнаружилось, что многих бюллетеней не хватает. Положение было мгновенно исправлено: "Принесли стопку свежих бюллетеней и все тут же дополнили до недостающих 99,99 процента голосов". Читатели из далеких друг от друга Новосибирска и Ярославля пожаловались в редакцию. Явившись на избирательный участок, они с изумлением обнаружили, что за них уже проголосовали. Мэр крупного города в Донбассе позвонил по телефону на избирательный участок и произнес историческую фразу: "Я вам доверяю проголосовать за меня и за мою жену".

В общем же многие и многие читатели сообщили, как пишут "Известия", "о фактах формализма, келейщины, мелкого плутовства при "проталкивании" заранее утвержденных кандидатов, организации мнимой состязательности кандидатов с помощью заранее согласованных самоотводов... недостойных интригах против вполне достойных лиц, выдвинутых коллективами трудящихся вопреки рекомендациям руководства". Группа сотрудников Омского радиозавода рассказывает интересную историю. Партийное руководство завода порочило кандидата только за то, что он был... инженером и коммунистом. По заранее спущенной разнарядке (хотя это и не всем известно, но есть и такая), заводу *полагалось* избрать "рабочую, комсомольского возраста". Нет, определенно надо будет почаще перечитывать Марка Твена...

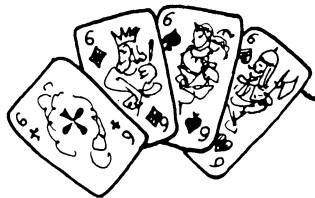
И все-таки, если выделить основное чувство, объединяющее избирателей, это будет, бесспорно, чувство *разочарования*. Как пишет Надеин: "перемены оказались ниже ожидавшихся". Интересно, что далеко не все читатели разобрались в хитрой механике экспериментальных округов. Обнаружив в бюллетенях по одному кандидату, они вдруг почувствовали себя обделенными. Оно и правда нелегко понять, почему в самой демократической стране земного шара естественное право человека голосовать за кого он хочет, надо проверять экспериментально.

А потому, что свобода — даже в микродозах — советским гражданам противопоказана. Об этом вполне определенно объявила республиканская газета "Радянська Украина". Вне списка избранных оказались, страшно вымолвить, "руководители солидного масштаба". М-да...

Ну хорошо, а если высокие инстанции сочтут эксперимент успешным и на следующих выборах все округа станут многомандатными, многое ли это изменит? Боюсь, что нет. Один из читателей упрекнул редакцию "Известий", что газета "выступила при подготовке к нынешним выборам без энтузиазма, огонька". Редакция — это делает ей честь — не стала спорить. Действительно, до каких же пор взрослые люди будут валять дурака, имитируя восторг при виде бездарной, аляповато раскрашенной игрушки!

Всем понятно, что нынешние перемены в системе выборов примерно того же уровня, что переход от абсолютного нуля к температуре минус 259° по Цельсию. Это, разумеется, не революция. Однако специалисты в области сверхнизких температур скажут нам, что и это не так уж мало.

Обольщаться, впрочем, не стоит. В докладе на январском пленуме М.С.Горбачев сказал, что "очевидно, нужно обдумать и более глубокие перемены, дальнейшие шаги в этом направлении". Я пробовал думать. Да в голову лезут все больше мысли неутешительные. Грустные мысли.

Глава III,

в которой автор пытается, наконец, дойти до сути

Начнем с самого простого. Чтобы избиратели могли сделать выбор, они должны, очевидно, что-то знать и о самих кандидатах, и об их программе, наконец о партии, которую этот кандидат представляет.

На Западе не принято лезть в чужие дела. Обычный человек, не звезда экрана, может спокойно прожить целую жизнь, не привлекая ничьего внимания. Положение сразу изменится, если он захочет выставить свою кандидатуру на выборах. Понятно, в рассказе Марка Твена ситуация утрирована. Верно, однако, что вездесущие журналисты перепашут биографию кандидата вдоль и поперек. Как учился, занимался ли спортом, воевал ли, кто жена, дети, были ли любовные связи на стороне... А главное — как работал и как вел себя на работе. Если, к примеру, кандидат грешил заносчивостью, третировал подчиненных, был недостаточно любезен с посетителями или мог дать и не сдержать слова, то его шансы быть избранным весьма сомнительны.

Впрочем, и сугубо личные качества претендента играют не последнюю роль. Недавно газеты раскопали сведения о романе Харта, основного кандидата демократов на пред-

стоящих выборах президента США, с одной легкомысленной особой. Можно спорить, насколько важна эта деталь биографии для характеристики кандидата в президенты. Важно другое. На Западе принято считать, что избиратели должны знать о кандидате *все*. Только в этом случае они сумеют сделать обоснованный выбор. Опросы показали, что для большинства американцев любовная связь женатого человека — обстоятельство существенное. И Харт снял свою кандидатуру.

Само собой разумеется, что человек, претендующий на выборную должность, обязан публично изложить свои взгляды по самому широкому кругу проблем. Если он претендует, положим, на место в парламенте, ему зададут множество вопросов. И не только о внешней политике, но и о семье, воспитании детей, о том, как он относится к национальным меньшинствам, что он думает о субсидиях крестьянам, об автобусном расписании, правах гомосексуалистов. Говоря коротко, претендент должен доказать избирателям, что голосовать следует именно за него, ибо предлагаемая им программа принесет пользу и стране, и округу, где кандидат баллотируется, и данному конкретному избирателю. При этом претендент вовсе не обязан разделять все пункты программы своей партии. Партия может, например, добиваться введения всеобщей воинской повинности, а кандидат может выступать против.

Наконец, партийная принадлежность. У любой партии в западной стране есть репутация, есть и система воззрений, которых она придерживается и которые проводит в жизнь на протяжении десятилетий. Сказки советской пропаганды о партиях-близнецах, чьи программы бедный избиратель путает, и надо рассматривать как сказки. Допустим, английские лейбористы выступают за односторонний отказ Великобритании от ядерного оружия; консерваторы же утверждают, что оборона страны должна базироваться именно на атомном оружии. Можно ли спутать эти партии? По мнению наблюдателей, как раз недостаточная четкость программы третьей английской политической силы — коалиции либералов и социал-демократов — определила их неудачу на последних выборах.

Нет необходимости объяснять, как обстоит дело у нас. Ну, партия в стране одна — это ясно. И программа у всех претендентов общая: построение коммунизма. Значит, отличие может быть только в одном — в качествах кандидата.

В селе или районе избиратель еще в состоянии ориентироваться: одного кандидата он знает лично, о другом наслышан. Но представим себе, что практика многомандатных округов получит распространение и нам дадут право (интересно, почему это право нам кто-то должен давать?) *выбирать* в Верховный Совет. И вот нам предлагают на выбор двух заместителей председателя Совмина, или секретарей обкома, или передовых доярок. Биографии у всех типовые. Родился... окончил... вступил... проявил себя... Выступления доверенных лиц, речи, написанные под копирку. За кого голосовать? Ситуация настолько прозрачная, нелепо прозрачная, что забеспокоились даже советские газеты. Уже самого малого подobia избирательности достаточно, чтобы высветить абсурдность всей системы "народных" представителей. Представителей, которые никого не представляют и ничего не решают.

В самом деле, зачем человечеству понадобились выборы? Очевидно, затем, что нас стало слишком много. Мы уже не можем, как некогда в Афинах или Новгороде, выражать свое мнение прямым голосованием. Между тем взгляды у нас как были, так и остались разными. Отдавая предпочтение той или иной партии, мы участвуем в выработке определенной политики и доверяем ее проведение людям, которым верим.

Если же партия и ее политика раз навсегда заданы, если даже самые мелкие вопросы решаются в полутемных коридорах власти, если принципом партии является единомыслие, генеральная линия, то кому нужна эта сложная процедура? В чем ее смысл?

Допускаю, говорить обо всем этом пока рано: слишком далеки мы от подлинных выборов. Однако рано или поздно этот вопрос (точнее, целый клубок вопросов) встанет и перед нами. Мы знаем по опыту, что самый мелкий советский чиновник — скажем, председатель райисполкома — может неделями не принимать посетителей, обещать и ничего не делать, сносить любимые жителями сады и парки, менять названия улиц. Безответственность? Нет. Не сомневайтесь, ответственность перед *своими* избирателями он ощущает в полной мере. Просто его избиратели — не мы с вами, а секретари райкома, руководители облисполкома и следующие за ними по вертикали.

И депутат Верховного Совета, министр, секретарь обкома — люди совсем не безответственные. Если депутат механически поднимает руку, голосуя за любое предложение, то делает он это потому, что понимает: как раз этого ждут от него те, кто его выбрал и от кого зависит его избрание в будущее. Понятно, что и тут избиратели — не мы. Наши функции чисто декоративные: мы поднимаем руки, мы опускаем бюллетени. А выбирают другие.

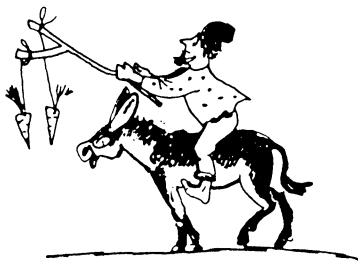
Конечно, механика западных выборов тоже не идеальна. В ней хватает и демагогии, и обманов, и злоупотреблений. При всем том, однако, она отличается от нашей, как настоящий лес от театральной декорации — таблички с надписью: "лес". Самый авторитетный западный лидер не может позволить себе роскошь пренебрегать мнением избирателей, бездумно поднимать руку в поддержку любого предложения "своей" партии, не может читать по бумажке бесцветные речи. Конечно, его выдвижение кандидатом во многом зависит от партии. Но исход выборов решает не партия, решает избиратель.

Да и люди, стоящие во главе партии, зависят от кандидатов. Человек недостойный, не пользующийся популярностью, действующий по принципу "что прикажете", имеет немного шансов быть избранным. А его поражение — это поражение партии. Так что при подлинных выборах партия кровно заинтересована в том, чтобы ее представляли не марионетки, а люди, чутко ощущающие настроения избирателей, пользующиеся их доверием и уважением.

Тут я хочу вернуться к началу. Во всем, чем до сих пор занимался М.С.Горбачев, — в перестройке экономики, в ускорении, в расширении гласности — у него были предшественники, в каждой из этих сфер что-то такое делалось и раньше. В том, что связано с реформой выборов, предшественников у Горбачева не было. По меньшей мере полвека система сохраняла свою девственную чистоту, чистоту театральной декорации. Так что здесь Генеральному секретарю предстоит начинать с абсолютного нуля. Я сказал бы даже, что с еще более низкой отметки. Но ниже просто не бывает...

Зачем ему это нужно? Всех причин я, понятно, не знаю. Но одна, очень существенная, представляется мне очевидной. От людей, которые с раннего детства и до глубокой старости играют роль статистов, нельзя ожидать ничего путного. Ни перестройки, ни ускорения, ни гласности. От людей, чье собственное достоинство по двадцать раз в год унижают смешной и глупой игрой в выборы, в голосование, в принятие решений, и ожидать можно только игры: в производительность труда, в рост благосостояния, в повышение качества.

Думаю, что М.С.Горбачев, в отличие от всех (или почти всех) своих предшественников, это понял. И это дает нам надежду, что слова о "более глубоких переменах" не останутся словами. Да, нынешние многомандатные округа — лишь маленький шаг в человеческом направлении. Но не будем забывать, с чего Горбачев начинает. В сфере, которая десятками лет считалась неприкасаемой, самое маленькое продвижение вперед — событие. Именно так восприняли нынешние выборы многие люди в самой стране. У меня нет ни права, ни оснований воспринимать это иначе. ●

"БОЖЕ, БЛАГОСЛОВИ ЛАТВИЮ"...

События 14 июня 1987 г., когда по улицам Риги прошла пятитысячная демонстрация, которую еще год назад жестоко разогнали бы с милицией и войсками, имеют свою предысторию. Предыстория эта не столь уж длинная, но именно эта краткость многозначительна: ситуация в стране меняется не по дням, а по часам, и август 86-го значительно отличается от июня 87-го.

Год назад, в июне 1986 г. в латвийском городе Лиепая трое рабочих создали новую организацию, которая приняла название "Хельсинки-86". Название это было тем более многозначительным, что хельсинкское движение в Советском Союзе, казалось, уже давно было разгромлено. Члены Хельсинкских групп — Московской, Украинской, Литовской, Армянской — были либо арестованы, либо вынуждены эмигрировать, сами группы прекратили свою деятельность. Лишь в Тбилиси года два назад братья Гудава пытались оживить деятельность Грузинской Хельсинкской группы, но кончилось это лишь новыми скорыми арестами.

И вот теперь, когда все как будто бы кончилось, — латыши.

Создали группу 36-летний мастер по янтарю и металлу Линард Грантиньш, 42-летний шофер Раймонд Битениекс и 39-летний рабочий Мартин Барис. Первыми документами группы были обращение к М.Горбачеву с призывом к проведению референдума по вопросу о самоопределении Латвии, обращение к ЦК КПСС и ЦК КП Латвии по проблемам русификации Латвии и обращение к гражданам других государств с просьбой поддержать действия группы.

Реакция властей была скорой и привычной. Уже в августе 1986 г. по Лиепая прошла волна обысков, и Грантиньш и Битениекс были арестованы. Началось следствие — разыгрывался стандартный сценарий КГБ, как это было уже сотни и тысячи раз. События вышли из привычной колеи только в январе 1987 г.

Суд над членами группы "Хельсинки-86" был назначен на 19 января, но неожиданно был отложен без объяснения причин. А 22 января Грантиньша и Битениекса освободили: "в связи с изменившимися обстоятельствами" дело против них было прекращено. А еще через несколько дней из лагерей стали один за другим досрочно выходить другие политзаключенные (см. "Страна и мир", № 1, 2 за 1987 г.). Вышел и молодой рабочий рижанин Роланд Силараупс, всего лишь в марте 1986 г. арестованный за требование открытой денонсации пакта Молотов—Риббентроп о разделе сфер влияния с нацистской Германией.

Освобожденные члены группы немедленно заявили, что "Хельсинки-86" возобновляет свою деятельность. К ним присоединился Р.Силараупс, а вслед за ним еще несколько человек: бывшие политзаключенные, отбывшие срок "от звонка до звонка", Альфред Зариньш, Юрис Зиелелис и Хейнис Лама, а также рижанин Эдмунд Цирвилс и житель г. Тукумс Арий Томсон.

Среди новых документов, выпущенных и распространенных возрожденной группой, был призыв к населению Латвии отметить возложением цветов к Монументу Свободы в Риге день 14 июня.

14 июня — траурный день в истории Латвии. В этот день в 1941 году за неделю до начала войны из Латвии в Сибирь были депортированы многие тысячи латышей. Были вывезены все, кто так или иначе "был связан с буржуазным режимом", их жены, дети, близкие и дальние родственники. Эта массовая депортация стала незаживающей раной в памяти латышского народа.

О призыве группы "Хельсинки-86" неожиданно быстро стало известно по всей Латвии.

Стало известно о нем, разумеется, и властям, тем более, что Р.Силараупс и Л.Грантиньш лично явились в ЦК КП Латвии, пытаясь добиться приема у 1-го секретаря ЦК Бориса Пуго и обсудить с ним вопрос о планируемой демонстрации.

Реакция властей на планы группы была удивительной.

тельно умеренной. Ряд активистов группы был призван "на переподготовку" в армию. Л.Грантинш, отказавшийся явиться в военкомат, ибо он имел освобождение от армии, был арестован за "уклонение от призыва". (Вскоре он был приговорен к "детскому" по советским меркам сроку – 6 мес. Л.Грантинш – первый и пока единственный известный нам политзаключенный, арестованный после января этого года.)

Р.Силараупс тем временем не прекращал попыток добиться приема в ЦК, и в конце концов его принял секретарь ЦК по общим вопросам В.Акментинш. Секретарь ЦК сначала пытался убедить Р.Силараупса, что возложение цветов лучше было бы провести где-нибудь в другом месте, а не в центре города, ну, скажем, у монумента памяти 1905 г. Когда же Р.Силараупс напомнил, что речь идет не о 1905, а о 1941 году, собеседник попросил его "позвонить позже". На следующий день, когда Р.Силараупс позвонил, В.Акментинш резко и раздраженно бросил: "можете проводить свою демонстрацию где угодно и когда угодно".

Возложение цветов к Монументу Свободы было назначено на 3 часа дня 14 июня. Однако за несколько дней до этого дня, 10 июня, рижские газеты сообщили, что с 2 до 4 часов у Монумента назначается... праздник велоспорта.

Что ж, времена, видимо, действительно изменились, если для предотвращения демонстрации прибегают не к милиции, а к велосипедистам.

Ввиду "праздника велоспорта" организаторы демонстрации решили начать ее в другом месте, на Бастионной горке в парке в центре Риги, и пройти к Монументу Свободы позднее. К 4 часам дня на Бастионной горке собралась уже порядочная толпа в тысячу человек, и еще столько же собралось вокруг в качестве зрителей. По мере развития событий зрители один за другим стали присоединяться к демонстрантам.

Начался митинг. Первым взял слово член группы "Хельсинки-86" Эдмунд Цирвилис, который призвал к тому, чтобы в Риге был воздвигнут памятник жертвам массовых депортаций. Сменивший его 76-летний Хейнис Лама протестовал против политики русификации Латвии, с тревогой говорил о падении роли латышского языка, который вытесняется русским. Юрис Зиемелис произнес речь в защиту политических заключенных и потребовал немедленного освобождения находящегося в лагере особого режима в Пермской области латышского политзаключенного Гунара Астры. Тут же по рукам пошла петиция в защиту Астры, и начался массовый сбор подписей.

По окончании митинга толпа демонстрантов

двинулась к Монументу Свободы – обелиску в центре Риги, воздвигнутому в 1935 г. в честь независимости Латвии, завоеванной в 1918 г. Во главе шествия шли Роланд Силараупс и дочь Раймонда Битениекса Ева, одетая в латышский национальный костюм. Оба несли в руках букеты белых роз. За ними шла толпа демонстрантов, которая постепенно увеличивалась, достигнув в конце концов пяти тысяч. Букеты, которые несли демонстранты, были перевиты лентами, на них было написано: "Боже, благослови Латвию" (начальные слова гимна независимой Латвии) и "Родина и Свобода" (слова, начертанные у основания Монумента Свободы). Демонстранты несли также большой транспарант с надписью: "Памяти жертв 14 июня".

Вскоре после 6 час. шествие достигло Монумента. После минуты скорбного молчания в честь жертв депортации Силараупс и Битениекс преклонили колена и опустили транспарант на землю. Началось возложение цветов и венков. Оно продолжалось до 8 вечера, но очевидцы сообщают, что отдельные группы людей с цветами в руках подходили к Монументу вплоть до полуночи. Площадь вокруг Монумента, с которой давно уже укатили велосипедисты, была полна людей, наблюдавших за церемонией.

Реакция властей была необычно спокойной. Кроме редких призывов "разойтись", милиция оставалась нейтральной. В разных местах было задержано в результате мелких инцидентов около десятка человек, но, насколько можно судить, все они были вскоре освобождены. Один раз на площади появился микроавтобус с громкоговорителями, из которых несло: "Говорит Рига! Говорит Рига!" Но толпа взорвалась громким пением и голос умолк.

На другой день о демонстрации растерянно сообщили и рижские газеты, подчеркивая, что она "не получила поддержки рижан". Хорошая мина при плохой игре.

Рижская демонстрация, в отличие от ставших уже знаменитыми алма-атинских событий, прошла на редкость организованно и спокойно. Латыши с достоинством напомнили властям, что в числе больных, трагических вопросов, накопившихся в стране, существует и вопрос национальный. Вскоре вслед за ними об этом же напомнили и заполнившие Красную площадь в Москве крымские татары. А еще, где-то рядом растет и крепнет "Память"...

Хочешь или не хочешь, а рано или поздно придется признать существование вопроса, которого не было, и как-то его решать. Точнее, решать не вопрос, а вопросы, подчас очень разные и требующие разных ответов.

14 ИЮНЯ 1941 г.

Нижеследующая заметка написана эстонцем Г.Танном. Автор был еще в детском возрасте вместе с семьей депортирован из Эстонии в Сибирь.

23 августа 1939 г. Советский Союз и нацистская Германия подписали договор о ненападении и секретный протокол, которые известны под названием "пакта Молотов-Риббентроп". Это зажгло Гитлеру зеленый свет для развязывания Второй мировой войны, начавшейся 1 сентября 1939 г. Сталину тоже были развязаны руки. В "сферу влияния" СССР попали территории Румынии и частично Польши, а также Эстония, Латвия и Литва.

По причине их географического положения первыми жертвами советской агрессии стали прибалтийские государства. В июне 1940 г. советские войска оккупировали Эстонию, Латвию и Литву, а в августе того же года эти страны были официально присоединены к Советскому Союзу. В ноябре 1940 г. на прибалтийские страны было распространено советское законодательство. Получило обратную силу не только гражданское, но и уголовное право, действовавшее на всей территории СССР.

Генерал государственной безопасности Иван Серов в приказе номер 001223 от 11 октября 1939 г. отдал распоряжение об аресте и высылки из Эстонии, Латвии и Литвы в Сибирь всех так называемых антисоветских элементов. (Следует обратить внимание на то, что в это время прибалтийские государства не были еще оккупированы Советским Союзом!) Аресты и депортации имели целью уничтожить активные патристические силы этих стран и интеллигенцию и сломить сопротивление народа.

Массовые аресты и депортация начались в ночь с 13 на 14 июня 1941 г. и длились целую неделю. Грузовики, на каждом из которых сидело по 5 вооруженных солдат, двинулись из нескольких центральных точек; это были так называемые "оперативные группы". Руководители групп определяли степень жестокости, которую надлежало применить к депортируемым. Во многих случаях людям давалось не более 5–15 минут на то, чтобы упаковать самые необходимые вещи. Нередко члены оперативных групп попросту грабили свои жертвы. На вокзалах выслаемых уже ждали вагоны для перевозки скота с зарешеченными окнами. Мужчин разлучали с семьями: их отправляли в другие места.

Согласно инструкции, в каждый вагон полагалось грузить от 25 до 30 человек, фактически же

туда набивали по 65–70 человек, так что люди едва могли двигаться. В качестве уборной служило отверстие в днище вагона. Двери были заперты железными брусками.

Как правило, подготовка к транспортировке на станциях длилась несколько дней, и "живой товар" вплоть до отхода поездов стоял в переполненных вагонах под охраной солдат войск НКВД. Среди депортированных были маленькие дети, старики, даже больные. Не было ни воды, ни медицинской помощи. Многие умерли еще до отхода поездов. Еда выдавалась нерегулярно, смертность в пути от голода была велика.

Эта депортация была лишь первой в истории прибалтийских стран. Вторая волна депортаций началась после войны, когда при помощи военной силы было подавлено партизанское движение эстонцев, латышей и литовцев против советской оккупации.

Число убитых и депортированных, как в первый период оккупации 1940–41 гг., так и позднее, в 1944–52 гг., оценивается примерно следующими цифрами: 175 000 эстонцев, 170 000 латышей и 320 000 литовцев. ●

Генрих Х.Танн

"РОДИНА ИЛИ СМЕРТЬ!"

Гнев, отчаяние, возмущение, связанные с наболевшим вопросом о судьбе крымских татар, выплеснулись летом этого года на улицы Москвы. Подобного столица еще не видела, пожалуй, с революционных лет.

Трагедия крымскотатарского народа началась 17–18 мая 1944 г., когда по распоряжению Сталина все крымскотатарское население Крыма, включая женщин и детей, Героев Советского Союза и партизан, коммунистов и комсомольцев, было погружено в телячьи вагоны и вывезено за пределы Крыма, большей частью в Среднюю Азию, Казахстан и на Урал. Крымские татары разделили трагическую судьбу карачаевцев, чеченцев, ингушей, балкарцев, калмыков и ряда других народов. Всего из Крыма было вывезено 422 тысячи человек. О том, в каких условиях проходила транспортировка высланных и их расселение на новых местах, свидетельствуют цифры их смертности. Сами крымские татары оценивают потери населения в 46%. Видимо, это слишком высокая цифра, но даже по официальным данным, которые были представлены в свое время судам, уличавшим татарских активистов в "клевете", за полтора года – с середины 1944 по конец 1945 г. – погиб "всего лишь" каждый пятый крымский татарин. (См. "Страна и мир" № 1–2, 1984 г.)

Демонстрация 14 июня 1987 г. в Риге.
Во главе идут Р.Силараупс и Е.Битениеце.

Р.Силараупс и Е.Битениеце у Монумента
Свободы в Риге. "Памяти жертв 14 июня".

Демонстрация крымских татар на Красной площади 25 июня 1987 г.

Демонстрация общества "Память" в Москве 6 мая 1987 г.

Руководил геноцидом крымских татар член Политбюро ЦК ВКП(б), член Государственного Комитета Обороны, нарком внутренних дел СССР Л.П.Берия.

Многие годы высланные татары, а за ними новое поколение, родившееся уже на местах спецпоселений, борются за возвращение на Родину и восстановление своих поправленных прав.

В борьбе этой принимает участие практически весь народ. Движение имеет своих героев и жертвы – такие, как многолетний узник лагерей Мустафа Джемилев, освобожденный, наконец, в декабре прошлого года, как Муса Мамут, покончивший с собой в Крыму самоосуждением. Президиум Верховного Совета СССР 5 сентября 1967 г. отменил огульные обвинения против крымскотатарского народа, однако на положении самих татар это никак не сказалось: въезд в Крым им был практически по-прежнему закрыт, республика (в отличие от республики Северного Кавказа) восстановлена не была. Татары продолжали свою борьбу. В ней они получили поддержку правозащитников всех национальностей, из которых особую известность получили украинец генерал Петр Григоренко и русский писатель Алексей Костерин.

В июле этого года большие группы крымских татар со всей страны стали стекаться в Москву, требуя встречи с советскими руководителями. 25 июня татарская делегация была принята зам. председателя Президиума Верховного Совета СССР П.Демичевым, однако татар встреча не удовлетворила: П.Демичев лишь обещал передать их требования М.Горбачеву. 6 июля почти сто человек крымских татар вышли на Красную площадь близ мавзолея В.Ленина. Ровно в полдень они подняли над головою плакаты: "Верните наш народ на родину!" и "Восстановите права крымских татар!"

Набежавшие "люди в штатском" вырвали у них плакаты и пытались разогнать демонстрантов, однако те сели на брусчатку мостовой и продолжали громко выкрикивать лозунги. Примерно через 45 мин. появилась милиция и приказала очистить площадь. Татары подчинились и перешли к зданию ЦК КПСС на Старой площади. Там, после не очень настойчивых попыток их разогнать, им объявили, что их вновь примет П.Демичев. Тот обещал делегации из пяти человек, что через месяц на их требования будет дан ответ.

22 июля представителей крымских татар (число которых в столице продолжало увеличиваться) пригласили на беседу в ЦК КПСС. Однако их приняли не М.Горбачев, встречи с которым они давно добивались, и даже не П.Демичев, а второ-

степенные чиновники аппарата ЦК, которые им сообщили, что еще 6 июля (т.е. в день второй встречи с П.Демичевым) была создана комиссия на высшем уровне во главе с председателем Президиума Верховного Совета СССР А.Громыко для рассмотрения крымскотатарского вопроса.

Позднее стало известно (хотя в печать и не попало), что в комиссию входят также члены Политбюро А.Яковлев, В.Чебриков (председатель КГБ), В.Воротников (председатель Совета Министров РСФСР), В.Шербицкий (1-й секретарь ЦК КП Украины), кандидат в члены Политбюро П.Демичев, секретари ЦК А.Лукиянов и Г.Разумовский, 1-й секретарь ЦК КП Узбекистана И.Усманходжаев.

После приема в ЦК в Измайловском парке в Москве собралось около 400 крымских татар. Мнение их было единодушным: создание комиссии – это не тот ответ, который им обещал П.Демичев. Это – всего лишь еще одна оттяжка. К тому же в комиссии, которая, оказывается, давно уже работает без всякой гласности, нет ни одного представителя крымскотатарского народа.

На следующий день, 23 июля, около сотни татар вновь пришли к зданию ЦК, требуя встречи с М.Горбачевым, но безуспешно. Тогда они в организованном порядке направились на Красную площадь, где у собора Василия Блаженного их остановила милиция. Тогда демонстранты, число которых к тому времени превысило 500 человек, сели на мостовую и отказались уйти до удовлетворения их требований.

Милиция закрыла Красную площадь для посетителей. К татарам никого не пропускали и прежде всего – корреспондентов. Лишь после долгих переговоров к ним пропустили несколько соотечественников, принесших демонстрантам хлеб и минеральную воду. Появился некий генерал-майор милиции, убеждавший татар, что они "лишь делают себе хуже" и что возможны "эксцессы со стороны населения". Однако демонстранты продолжали сидеть и ушли лишь в час ночи.

Вечером этого дня, когда татары были еще на Красной площади, центральное телевидение в программе "Время" передало сообщение ТАСС о создании комиссии во главе с А.Громыко. Когда крымские татары узнали о его содержании, произошел взрыв возмущения. Хотя в сообщении впервые публично признавалось, что "акт поголовного выселения крымскотатарского населения не является справедливым", почти половина его была посвящена оправданию "постановления Государственного Комитета Обороны". Сообщение детально описывало "сотрудничество части

татарского населения с немецко-фашистскими оккупантами", нагнетая ужасы описанием "печей, в которых круглосуточно сжигались живые люди".

Это странное и лживое заявление, тем более странное, что власти, казалось бы, хотели до тех пор всячески демонстрировать свою добрую волю, заставило представителей крымскотатарского народа выступить с "Открытым протестом", который, однако, советские средства массовой информации не опубликовали. Мы печатаем его в конце этого репортажа. Мы публикуем также, чтобы оживить память ЦК КПСС, выдержки из забытого постановления Крымского обкома ВКП (б), принятого еще в 1942 г. в ответ на клевету точно такого же сорта.

24 июня, приняв текст "Открытого протеста", крымские татары вновь появились у ЦК КПСС, опять без видимых помех со стороны милиции. Им предложили еще одну встречу с П.Демичевым, от которой они отказались.

25 июня крымские татары, встретившись на Новой площади и обсудив свои планы, двинулись к Красной площади, которая была к тому времени практически блокирована. Около 500 или 600 человек смогли только подойти к Кремлевской стене со стороны собора Василия Блаженного, где они опять уселись на брусчатку. Демонстранты потрясали кулаками над головой, скандируя лозунги: "Родина! Родина!" и "Горбачев! Горбачев"! Над ними были подняты плакаты: "Родина или смерти!", "Демократия и гласность для крымских татар", а также "Позор ТАСС!" – в напоминание о постыдном сообщении последнего.

Милиция действовала с предельной осторожностью, стараясь не применять и не провоцировать насилие. Однако вокруг демонстрантов был установлен глухой кордон.

Количество милиции, оцепившей татар-демонстрантов, постепенно росло, численное превосходство ее постепенно стало подавляющим. На площадь было доставлено большое число автобусов и машин с водометами, которые тоже образовали сплошной барьер вокруг демонстрантов.

За милицейским барьером, примерно в 50 метрах от демонстрантов, собралось около тысячи зрителей. Многие выкрикивали в адрес татар оскорбления, кричали: "Татары – вон!", "Убирайтесь с Красной площади!", "Они нас жгли в печах, а сейчас просятся на курорт!" (явный результат ТАССовского сообщения), "Завтра им ханство подавай!" Интернационализм и дружба народов торжествовали.

Значительное число демонстрантов – около 150 – оставалось на площади всю ночь, остава-

лось и милицейское ограждение. В 8 час. утра на следующий день, в воскресенье, татары возобновили скандирование лозунгов. Демонстрация длилась до 3 часов дня – в общей сложности 21 час. Крымские татары разошлись после того, как была достигнута договоренность о том, что на следующий день их примет А.Громыко. Предложение об этом им передал лично министр внутренних дел СССР А.Власов.

Встреча с А.Громыко состоялась в понедельник и длилась 2,5 часа. Во встрече участвовали также П.Демичев и А.Власов. Крымские татары, которых к тому времени собралось в Москве более 800, выделили делегацию из 21 человека (размер делегации ограничен не был). А.Громыко не дал членам делегации никакого определенного ответа на их требования и убеждал их подождать решения комиссии. Он призывал "не взвинчивать и не подогревать обстановку", что, как сказал А.Громыко, "не в ваших интересах".

На следующий день, 28 июля, татары собрались в Измайловском парке в Москве, чтобы послушать магнитофонную запись встречи и обсудить план дальнейших действий. Число собравшихся достигло почти 900. Было принято единодушное решение остаться в Москве и продолжать протесты. Активисты будут посланы на места проживания крымских татар для информации и разъяснения сложившегося положения. На митинге присутствовали начальник Главного управления милиции г.Москвы генерал-лейтенант Богданов и зам.министра внутренних дел. Они безуспешно пытались убедить татар покинуть столицу. Когда же это не удалось, собравшимся было объявлено, что они могут оставаться в Москве сколько угодно, и демонстрировать сколько угодно: но не на Красной площади и с предварительным уведомлением властей.

В заключение митинга было единодушно принято "Обращение к главам правительств стран мира" с просьбой о поддержке требований крымских татар.

30 июля около 200 татар провели демонстрацию на Пушкинской площади. Милиция не чинила препятствий. Демонстранты разошлись, потому что вскоре начался сильный ливень. Позднее в этот же день крымские татары собрались на очередную встречу в Измайловском парке.

Однако вечером этого дня большинство членов "инициативной группы", руководящей действиями татар, не вернулось на квартиры московских правозащитников, где они до того ночевали. Вскоре выяснилось, что они задержаны и высланы домой в Ташкент по тем предлогом, что они "нарушают паспортные правила". В числе высланных Решат Джемилев, Фуат Аблямин

тов, Бекир Умеров, Сабрие Сеутова. Из 21 члена "инициативной группы" в Москве осталось в тот день только пятеро.

Еще более тревожные сообщения пришли на другой день, 1 августа: власти окружили и выслали из Москвы большую группу татар — около 500 человек — собравшихся на очередную встречу. Это примерно половина прибывших в Москву представителей крымскотатарского народа.

Как стало известно, на 5 августа в Москве осталось лишь шестнадцать татар. Их тоже разыскивает милиция.

Ситуация продолжает оставаться сложной, неясной и тревожной. Большая группа правозащитников разных национальностей выступили в поддержку крымских татар, указывая, что "ситуация обостряется с каждым днем, с каждым часом, приближаясь к кризисному уровню". С призывом удовлетворить требования крымскотатарского народа выступил также ряд видных деятелей советской культуры.

Каковы же намерения властей? Они неясны, однако, похоже, что никаких радикальных мер они принимать не собираются, если не считать, конечно, такими мерами массовые высылки татар из Москвы. Глава АПН Валентин Фалин заявил 4 августа, что в "порядке эксперимента" предполагается поселить в Крыму "возможно 5000" крымских татар, чтобы посмотреть, что из этого получится, "осуществима ли программа переселения". Решение крымского вопроса опять откладывается на годы. Но есть ли эти годы у правительства?

ОТКРЫТЫЙ ПРОТЕСТ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ КРЫМСКО-ТАТАРСКОГО НАРОДА ПО ПОВОДУ СООБЩЕНИЯ ТАСС ОТ 23 ИЮЛЯ 1987 г.

В ЦК КПСС
В Президиум
Верховного Совета СССР

Ознакомившись с содержанием настоящего сообщения, заявляем следующее. Со стороны представителей крымскотатарского народа не было никаких специальных "обращений к зарубежной общественности", так как мы твердо верили в то, что наш национальный вопрос рассматривается и будет решен нашим правительством на основании законных требований нашего народа (хотя мы и имели право на такие обращения на основании статьи 19 Всеобщей декларации прав человека). После обращения представителей крымскотатарского народа к широкой общественности в Москве и к деятелям советской культуры были получены отклики с просьбой восстановить права крымских татар.

Согласно постановлению Государственного комитета обороны от 11 мая 1944 года коренное население Крыма — крымские татары, а также некоторые другие нерусские народы Крыма были не "переселены", а высланы и ограблены, ибо конфискация имущества производится по решению суда, которого не было. Народ был послан на вечное поселение в районы Средней Азии и Урала.

Перед началом войны численность крымских татар составляла 27% от общего числа населения Крымской АССР, а не 19,4% (как утверждается в сообщении ТАСС. — *Ред.*).

Согласно публикациям тех лет в партизанских газетах и листовках "Красный Крым" и "Кызыл Крым" — органах Крымского обкома и Совнаркома сообщалось о сборищах в Симферополе группы лиц, не представляющих народ, так называемого "Мусульманского комитета" из 5–6 человек, в числе которых были и подданные Румынии, Польши и Турции, привезенные с собой оккупантами. Эти люди никак не могли представлять крымскотатарский народ, который их никогда не избирал. Не было также никакого хана Асанова Беляля и никакого съезда. Строки сообщения ТАСС о созыве "мусульманского съезда, на котором было сформировано Крымское правительство во главе с ханом Асановым Белялом", о котором ни один житель Крыма ничего не слышал и которого никто не видел, является целенаправленной дезинформацией и клеветой на весь крымскотатарский народ. Это служит очернению нашего многострадального народа и разжиганию межнациональной розни.

Из каких данных стало известно о численности крымскотатарских добровольческих батальонов и отрядов самообороны, и откуда взялась убежденность в том, что эти формирования состояли из крымских татар? Исторические факты показывают, что эти соединения формировались из числа военнопленных лагеря "Картофельный городок" из лиц разных национальностей, что могут подтвердить живые свидетели тех лет, находящиеся в Москве в числе представителей нашего народа. Следует уточнить, что все эти военные части добровольцев формировались принудительно под руководством оккупационных властей, а не лиц крымскотатарской национальности.

Из сообщения ТАСС складывается мнение, что "86 тысяч мирных жителей Крыма" и "47 тысяч военнопленных" были уничтожены преимущественно с помощью крымских татар, поскольку только их называют в сообщении. А уничтожение 87 татарских деревень (ибо лица других национальностей проживали главным образом в городах) вокруг партизанских лесных массивов производилось только оккупантами.

Материалы судебного процесса в Симферополе над преступниками, которые уничтожали людей в совхозе "Красный", говорят о том, что по обвинительному заключению прошли только два

крымских татарина, а все остальные были лицами других национальностей. Ни о каких "печах", в которых "круглосуточно сжигались живые люди", ничего не говорилось в материалах этого процесса.

Самое чудовищное и коварное обвинение, которое содержится в сообщении ТАСС, заключается в попытке навязать крымским татарам ответственность за уничтожение в совхозе "Красный" украинцев, русских, евреев, греков и цыган — тех братских народов, с которыми крымские татары веками жили в мире и согласии. Кому это нужно, и какие цели оно преследует? О какой дружбе народов можно говорить после подобной фальсификации истории?

Если в выселении крымскотатарского народа были виноваты "суровые условия войны, конкретная обстановка в Крыму и настроения того времени", то какие же настроения мешают сегодня восстановить поправленную справедливость? Невольно возникает мысль, что перечисленные причины выселения коренных жителей Крыма направлены на оправдание лиц, совершивших это преступление, продиктованы этими лицами. В этом ли решение национального вопроса крымских татар?

"Полное восстановление конституционных прав граждан татарской национальности, проживавших в Крыму", сегодня заключается в том, что народ остается на местах высылки, и пока нет никакой речи о восстановлении его национальной целостности.

Мы считаем, что настоящее сообщение ТАСС не только не отвечает чаяниям нашего народа, но еще более усложняет его взаимоотношения с другими братскими народами нашей страны.

Ссылкой на "заявления граждан из числа крымских татар" еще раз подтверждается, что игнорируется сам вопрос о существовании нашего народа и избранных им его представителей в Москве.

Весть о создании правительственной комиссии, возглавляемой главой государства А.А.Громыко, вселила надежду в сердца наших людей, однако факты, приведенные в сообщении ТАСС о нашем народе, зарождают большие сомнения в искренности желания решить проблему крымскотатарского народа соответственно духу народа и на основании его обращения к Генеральному секретарю ЦК КПСС М.С.Горбачеву, документа, принятого на Всесоюзном совещании представителей инициативных групп народа 11—12 апреля 1987 года в Ташкенте.

Требуем публикации нашего открытого протеста на страницах тех газет, где было опубликовано сообщение ТАСС. Москва. 24 июля 1987

ПОСТАНОВЛЕНИЕ КРЫМСКОГО ОБКОМА ВКП (б) от 18 НОЯБРЯ 1942 г. (выдержки)

"Об ошибках, допущенных в оценке поведения крымских татар по отношению к партизанам, о мерах по ликвидации этих ошибок и усилению политической работы среди татарского населения".

Имеющиеся в распоряжении ОК ВКП (б) факты свидетельствуют о том, что татарское население многих деревень не только сочувственно относится к партизанам, но и активно помогало им. Целый ряд татарских деревень горной и предгорной части Крыма долгое время оказывал помощь партизанам (дер. Кокташ, Чермалык, Бешуй, Айланма, Ай-Серез, Шах-Мурза и другие), а десантные части, прибывшие в январе м-це 1942 г. в Судак, целиком снабжались продовольствием окружающими татарскими селами этого района. Отряд Селезнева 4 месяца стоял в районе дер. Бешуй и снабжался продовольствием. Нельзя не отметить и такой факт, характеризующий отношение местного населения к партизанам. В августе месяце 300 человек партизан 1-го района в виду у населения в течение трех суток ожидали лодку на берегу моря, но никто из местных жителей не выдал их, а наоборот, когда отряд проходил и оставлял за собой следы, то чабан-татарин прогнал по следам партизан отару овец с расчетом замести следы партизан...

Анализ фактов, доклады командиров и комиссаров партизанских отрядов и проверка, проведенная на месте, свидетельствуют о том, что утверждение о якобы враждебном отношении большинства татарского населения Крыма к партизанам и что большинство татар перешло на службу к врагу, является необоснованным и политически вредным.

Бывшее руководство центра партизанского движения (т.т. Мокроусов, Мартынов), вместо того, чтобы дать правильную политическую оценку этим фактам, вовремя разоблачить подлую политику немецких оккупантов в отношении татарского населения, ошибочно утверждало, что большинство татар враждебно относится к партизанам, что неправильно и даже вредно ориентировало отдельных руководителей отрядов в этом вопросе...

Осудить как неправильное и политически вредное утверждение о враждебном отношении большинства крымских татар к партизанам и разъяснить, что крымские татары в основной своей массе так же враждебно настроены к немецко-кумынским оккупантам, как все трудящиеся Крыма. ●

ЧЕРНОБЫЛЬ ПЕРЕД СУДОМ

Не везет Чернобылю с гласностью. Катастрофа 26 апреля, которая, казалось, явилась очистительной бурей, открывшей путь гласности, до сих

пор плодами этой гласности не пользуется. Не был опубликован в Советском Союзе — ни полностью, ни в изложениях — отчет советской делегации с анализом катастрофы, подготовленный для совещания экспертов МАГАТЭ в Вене, и на-

Перед судом в Чернобыле. Слева направо: В.Брюханов, А.Дятлов, Н.Фомин

шему журналу (1986 г., № 10) пришлось взять на себя функции обеспечения гласности в этом вопросе, равно как и в описании хода и причин катастрофы по горячим следам событий (1986, № 5). Теперь то же самое нам приходится делать и по отношению к суду над виновниками катастрофы (или теми, кого сочли виновниками), который состоялся в Чернобыле с 7 по 29 июля. Советская пресса хранила о суде полное – или почти полное – молчание: даже список обвиняемых не был сообщен полностью, не говоря уже о каких-либо подробностях процесса.

Суд начался только в июле, хотя он был назначен уже на март. Один из главных обвиняемых, главный инженер Н.Фомин находился в больнице с лучевой болезнью и не мог предстать перед судом. Выписали его из больницы только в конце апреля.

Дело рассматривала выездная сессия Верховного Суда СССР под председательством зам.председателя Верховного Суда Раймонда Бризе. Суд проходил в бело-желтом кирпичном здании Дворца культуры Чернобыля – города-призрака, до сих пор стоящего без жителей в закрытой для посетителей зоне. В зале суда были родственники жертв катастрофы, рабочие АЭС, сотрудники дезактивационных команд. Всех их привозили в специальных автобусах, при входе в здание производился строгий радиационный контроль. Иностранные журналисты – около дюжины – были допущены только на первое и последнее заседание, на чтение обвинительного заключения и приговора. Их тоже доставляли в автобусе под escortом милиции. На все остальные дни судеб-

ного заседания была наброшена занавеса строжайшей секретности.

Перед судом предстали бывшие руководители Чернобыльской АЭС. Трое из них были арестованы через полтора месяца после катастрофы и все это время содержались в тюрьме. Это директор Виктор Брюханов (51 год), главный инженер Николай Фомин (50 лет) и зам. главного инженера Анатолий Дятлов (57 лет). Остальные трое продолжали работать на АЭС, у них была взята подписка о невыезде. Это начальник 2-го реакторного блока Александр Коваленко (45 лет), начальник смены, работавшей в роковую ночь с полуночи до 8 час. утра, Борис Рогожкин (52 года) и государственный инспектор Госатомэнергонадзора СССР Юрий Лаушкин (50 лет).

Все они, кроме Ю.Лаушкина, обвинялись прежде всего по ст. 220 УК Украины: "нарушение правил безопасности на взрывоопасных предприятиях". Статья эта предусматривает наказание в виде заключения на срок до 10 лет (отметим, что аналогичная статья в УК РСФСР предусматривает максимальное наказание всего 7 лет, так что произошли катастрофа, скажем, на Ленинградской АЭС, то...). В.Брюханов и Н.Фомин обвинялись также в "злоупотреблении властью", а Б.Рогожкин также в "халатности". Ю.Лаушкин обвинялся только в "халатности".

Чтение обвинительного заключения продолжалось 3 часа. Главным обвиняемым был, безусловно, В.Брюханов. Ему вменялось в вину то, что он не предпринял никаких мер по эвакуации людей из опасной зоны, отказался ввести в действие план аварийных мероприятий. Люди оста-

вались на местах даже тогда, когда радиация достигла 200 рентген/час. Более того, все новые и новые работники по его распоряжению отправлялись в зону. В.Брюханов делал все возможное, чтобы попытаться скрыть или преуменьшить масштабы катастрофы. Даже в 6 утра, когда с тяжелыми радиационными поражениями было госпитализировано уже 108 человек, он все еще посылал успокоительные рапорты.

Аналогичные, хотя и в меньших масштабах, обвинения были предъявлены другим подсудимым. Зал взорвался возмущением, когда, например, секретарь зачитывал один из пунктов обвинения А.Дятлову: через несколько часов после взрыва он послал четырех рабочих обследовать состояние 4-го блока, не предупредив их об опасности и не снабдив их защитной одеждой. Все четверо умерли.

Ю.Лаушкина обвиняли в том, что он дал разрешение на проведение эксперимента с турбогенератором, запланированного с нарушением правил безопасности.

Все шестеро не признали себя виновными в предъявленных им обвинениях. А.Брюханов, Н.Фомин и А.Дятлов заявили, что признают свою профессиональную вину, но не вину в уголовном смысле. Почти все обвиняемые заявили, что истинная причина катастрофы кроется в порочной конструкции реактора РБМК и реакторного блока — вывод, на котором, впрочем, давно уже сошлись все серьезные наблюдатели (об этом неоднократно писал наш журнал).

Лишь В.Брюханов признал себя частично виновным по второму обвинению — в "злоупотреблении властью". А.Дятлов, поднеся к губам микрофон, твердым голосом заявил о своей невиновности, но затем, после паузы, воскликнул: "Впрочем, при таком количестве человеческих жертв, я не могу сказать, что совсем уж невиновен".

Что происходило во время допроса свидетелей — неизвестно, ибо суд, как уже говорилось, был закрытым. Известно только, что был допрошен 51 человек, из них 13 — жертвы катастрофы. Судья Р.Бризе и народные заседатели выезжали также на 4-й блок АЭС.

Чтение приговора продолжалось 1,5 часа. В нем красочно описана "атмосфера бесконтрольности и безответственности, установившаяся на АЭС", когда люди на дежурствах играли в карты, домино, писали письма, оставляя действующий реактор без всякого присмотра. За последние годы на Чернобыльской АЭС произошло 71 серьезное нарушение правил безопасности, причем о 27 даже не было сообщено.

Подсудимые выслушали приговор бесстрастно, глядя прямо перед собою. Лишь Н.Фомин стоял,

низко опустив голову, обливаясь потом и постоянно протирая очки.

В.Брюханов был приговорен по основной статье — "нарушение правил безопасности" — к максимальному наказанию: 10 лет лагерей общего режима; по статье о "злоупотреблении властью" он получил 5 лет, но они поглощаются первым сроком.

Н.Фомин был приговорен к тем же 10 годам, но по второму обвинению был оправдан.

10 лет дали и третьему главному обвиняемому — А.Дятлову.

Б.Рогожкин получил по основной статье обвинения 5 лет, а по обвинению в "халатности" — 2 года, которые поглощаются первым сроком.

А.Коваленко дали три года, а Ю.Лаушкину — два.

Поскольку приговор вынесен Верховным Судом СССР, кассационному обжалованию он не подлежит. Изменить приговор в порядке помилования может только Президиум Верховного Совета СССР. Заметим, однако, что из амнистии, объявленной 18 июня к 70-летию революции, была специально исключена статья о "нарушении правил безопасности на взрывоопасных предприятиях", — иначе "чернобыльцев", как орденосцев, амнистировали бы еще до суда.

Суд закончился. Виновные наказаны. Но все ли виновные? Ну, нам могут напомнить, что, помимо них, так или иначе наказаны административно еще 67 сотрудников АЭС, 27 человек исключены из партии (в том числе В.Брюханов и Н.Фомин). Но разве и это все?

Подсудимые, безусловно, виноваты, сомнений в этом нет. Но трудно избавиться от впечатления, что они — лишь козлы отпущения, призванные отвлечь внимание от главных виновников, от организаторов и руководителей советской атомной промышленности, от главного, трудно персонифицируемого обвиняемого — всей системы советской экономики, всего советского образа жизни, как он складывался за эти 70 лет, приучающего всех работников, где бы они ни находились, к безынициативности и безответственности, ко лжи перед вышестоящими, к полной незаинтересованности в своем труде.

Чем же еще можно объяснить покров тайны над процессом, как не боязнью того, что все это станет всеобщим достоянием!

Сейчас стало известно, что прошедший суд — первый, но не последний. Должны состояться еще три процесса. На первом будут рассмотрены дела тех, кто ответственен за плохую конструкцию реактора РБМК и реакторного блока. Второй суд займется тем, как была организована эвакуация и медицинская помощь пострадавшим. Наконец третий суд — видимо, самый важ-

ный — будет рассматривать общую систему организации работ и обеспечения безопасности в ядерной промышленности. Ряд советских представителей уже намекнули, что этот третий суд коснется "весьма высокопоставленных лиц".

Что ж, будем надеяться, что "тайна Чернобыля" будет раскрыта хотя бы на этих судах. Будем надеяться, что в советском руководстве есть лица, которые заинтересованы в таком раскрытии, и что этого не произошло до сих пор только из-за сопротивления консервативных сил. Осуществление этих надежд было бы в интересах нашей страны, но, честно говоря, шансы на это сейчас невелики. ●

"ПРАВДА" ПРОТИВ ПЕРЕСТРОЙКИ

Во время визита в Советский Союз в июле с.г. президента ФРГ Рихарда фон Вейцеккера произошел неприятный эпизод: при публикации в "Правде" речи президента, произнесенной им на приеме в Кремле, из нее были выброшены большие куски, в том числе те, где президент обсуждал вопросы германского единства.

В ФРГ это произвело очень неприятное впечатление. Аккредитованные в Москве журналисты тоже немедленно заметили правдинскую цензуру и бросились за разъяснениями. Председатель АПН Валентин Фалин, встретившийся с журналистами, отнюдь не был обескуражен вопросами. Да, сказал он, мы знаем о случившемся. Это исключительный случай, цензурирование речи президента противоречит политике гласности. Это сделали враги перестройки в редакции "Правды", но мы с этим справимся.

И действительно, речь Р. фон Вейцеккера была напечатана вторично, на этот раз в полном виде. Правда, не в "Правде". Гласность осуществила "Неделя", еженедельное приложение к "Известиям". Что касается редакции "Правды", то она, по-видимому, все еще держит круговую оборону и успешно отражает атаки генерального секретаря и его сторонников.

Стало совсем не бессмысленным занятием сопоставлять публикации одних и тех же текстов в "Правде", "Известиях", "Литературной газете", "Коммунисте" и т.д. По тому, как подается тот или иной текст, можно судить о позиции, занятой редакцией.

Что ж, само по себе это вовсе неплохо: по крайней мере у редакций советских газет и журналов появилась *позиция* — нечто такое, чего не было с 20-х годов. Плохо только, что позиция проявляется не в прямо высказанных оценках того или иного выступления, а в характере его цензурирования. Высказывание собственного мнения подменяется утаиванием чужого.

Объектом цензуры может теперь стать кто угодно, отнюдь не только иностранный президент. Вот один пример — из самых недавних и, пожалуй, самых важных.

Новоизбранный член Политбюро и секретарь ЦК КПСС Александр Яковлев, которого все считают правой рукой М.Горбачева, совершил поездку в Калужскую область, где 14 июля он выступил на совещании партийного актива области. Отчет о выступлении А.Яковлева "Правда" опубликовала 16 июля. Тех, кто слышал это выступление по московскому радио в программе "Время" (14 июля в 21 час), поразит то, что в варианте речи, опубликованном в "Правде", отсутствуют самые яркие ее места. Не только яркие, но — и политически, и духовно — наиболее значительные.

Александр Яковлев, в частности сказал — а "Правда" не захотела напечатать:

"Не везде перестройка развинулась в полную силу. Почему же на 70-м году советской власти мы снова заговорили о необходимости революционных преобразований в нашей экономике, социальной сфере и в политике? Почему в нашем обществе, когда мы на несколько поколений отошли от наследия царской России, вдруг обнаружилась серьезная коррозия нравственности? Почему в нашем искусстве, в лучшей его части на протяжении 70-х и начала 80-х годов с такой силой встала проблема самой возможности жить и работать по совести?"

Вопросы непростые. Но если ответить коротко, то корень надо искать в следующем: в целях и средствах их достижения обойденным оказался сам человек, его жизнь, его радости и тревоги, надежды и разочарования, его вера и безверие. Словом, все то, что выражает сущность человеческого бытия.

Жизнь нам напомнила очень строго и очень требовательно: политические и экономические успехи исторически преходящи. Вечен человек! Непреходящее его нравственное начало! Это едва ли не весь спектр главнейших предпосылок здорового общежития: дом и семья, Родина и народ, свобода и долг, честность, порядочность, справедливость, миролюбие и человечность, великодушие, мужество и верность, самопожертвование, любовь, дружба, бескорыстие, природа, хлеб, вода, великая цель, великое слово, великое дело, труд, творчество, ум, талант и т.д. и т.п.

За последние два с половиной года партия сказала людям немало горького. Но все сказанное — правда. Более того, правда, давно уже известная народу. И если сегодня эта правда нарушает привычное спокойствие и душевный комфорт, так это потому, что слишком долго мы ее держали как бы про себя и внутри. Слишком много накопилось такого, о чем надо было говорить в полный голос еще и 10, и 20, и 50 лет назад." ●

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ ГАЗЕТЫ "ТРУД"

Недавно мы прочли в вашей газете (28 апреля 1987 г.) статью Ю.Васильева "Пустой звон", в которой говорится нечто о жизни и смерти Анатолия Тихоновича Марченко. Очень хочется верить, что мы — далеко не первые в этой стране, кто публично оценивает вашу статью как издевательство палачей над памятью жертвы.

Анатолий Марченко (мы не знали его лично) относится к числу тех людей, что стали для нас живыми символами гражданского мужества, голосом безгласных, носителями той неотчуждаемой свободы, того духа прямоты, того высокого понятия о достоинстве человека, — всего того, с чем связана, как мы считаем, *единственная возможность надежды* для нашего общества.

Как писала вдова А.Марченко Лариса Иосифовна Богораз, "Анатолий Марченко погиб в бою". И его смерть — еще один удар по *возможности надежды*. Мы думаем, что о таких людях, как Анатолий Марченко, Андрей Сахаров, Владимир Буковский, Анатолий Корягин следует сказать: именно они вынесли на себе бремя последних двадцати лет нашей истории. Только благодаря жертвенному мужеству участников правозащитного движения была спасена честь нашего народа. Это очень точно выразил А.Д.Сахаров:

"Лозунг "Народ и партия — едины" — не вполне пустые слова. Но из этого же народа вышли защитники прав человека, ставшие против обмана, лицемерия и немоты, вооруженные только авторучками, с готовностью к жертвам и без облегчающей веры в быстрый и эффективный успех. И они сказали свое слово, оно не забудется, за ними моральная сила и логика исторического развития... Их деятельность будет продолжаться в той или иной форме, в том или ином объеме. Дело тут не в арифметике, а в качественном факте прорыва психологического барьера молчания".

И если известные слова Н.Г.Чернышевского "Нация рабов, сверху донизу все рабы" сегодня не вполне справедливы для нашего народа, то потому, что к нему принадлежат и такие люди, как Анатолий Марченко, рабочий и писатель, о котором вы говорите в глумливо-"разоблачительном" тоне:

"Кого выдают лживые радиоголоса за "выдающегося" писателя, публициста? Едва осилил этот человек школу-восьмилетку."

А.Марченко не окончил средней школы. Но его произведения — "кусочек дымящейся совести". Такой, по словам Б.Л.Пастернака, должна быть настоящая книга. Но у вас, конечно, нет совести. Об этом свидетельствует бесстыдная ложь, пропитавшая вашу статью. В ней мы видим *уверенное в своей безнаказанности* глумление над погибшим, который уже не может вам ответить. И поэтому ответить должны мы: ведь нами движет сознание того, что Анатолий Марченко умер *и за нас*, хотя непосредственными мотивами его голодовки (о них вы, конечно, не пишете) были требования прекратить избиения политзаключенных и издеательства над ними и привлечь к ответственности тех, кто избивал его самого. А следовательно, публикация вашей статьи означает для нас наступление того состояния, которое в русской традиции принято выражать словами "не могу молчать".

Так что скажем прямо: речь может идти только о нашей, а не о вашей совести. И люди, часть из которых мы называли, стали вызовом и в то же время утешением для нашей больной и нечистой совести — совести немых свидетелей страшных дел: расправы над афганским народом, подавления всех попыток независимого мышления и действия, преследования и постепенного морального или физического уничтожения тех, кто принял эти попытки.

Мы были свидетелями? — Нет, скорее все же соучастниками — соучастниками тотального конформизма, бесстыдного желания выжить, "жить как все".

"Живи как все" — так и называется последняя книга Анатолия Марченко. Вот и ваша статья — с опозданием на целую жизнь — предлагает А.Марченко жить как все. То

есть так, как живете вы. К этому совету — если отвлечься на минуту от оскорблений, адресованных А.Марченко и его вдове,— сводится моральный пафос вашей статьи.

В частности, вы пишете (опять в "разоблачительном" тоне), как "правоохранительные органы" (то есть КГБ) предлагали жить Марченко, точнее — на каких условиях они предлагали ему *выжить*: "Беснующиеся сейчас за пределами СССР плющи, щаранские, буковские и их покровители почему-то дружно и усердно замалчивают одно весьма важное обстоятельство. А именно то, что семье Марченко, включая его самого, было сказано, что они могут выехать за границу. Но все дело в том, что им он нужен был в заключении, а не на свободе".

На самом деле западные средства массовой информации не раз сообщали о том, что в ноябре 1986 г. КГБ предложил Ларисе Богораз уехать за границу вместе с мужем и сыном по израильской визе (все это обсуждалось тогда же в пресс-центре Венского совещания по проверке выполнения Хельсинкских соглашений, выступали там и представители политической эмиграции из СССР). Но для оценки вашей статьи не менее важно вспомнить и другой общеизвестный факт: впервые такое предложение КГБ сделал непосредственно Анатолию Марченко, и это было в марте 1981 г., незадолго до его последнего ареста. Марченко был поставлен перед альтернативой: эмиграция или максимальный приговор по второй части ст. 70 УК РСФСР (антисоветская агитация и пропаганда), то есть десять лет лишения свободы и пять лет ссылки.

"На счету у Марченко было шесть судимостей", — пишете вы. Да, и к моменту упомянутой "душеспасительной беседы с представителями правоохранительных органов" (если воспользоваться вашим выражением) Анатолий Тихонович уже провел одиннадцать лет в тюрьмах и лагерях и четыре года в ссылке, он был тяжело болен (хронический артрит, нефрит, кроме того, осложнение перенесенного в лагере менингита привело к хроническому двухстороннему отиту и глухоте). И вот, он сделал свой выбор. Понимая, что новые десять лет тюрем и лагерей означают для него смертный приговор. Как мы знаем, "правоохранительные органы" сдержали свое слово.

Анатолий Марченко предпочел умереть здесь, на этой земле. Это случилось 8 декабря 1986 г. в Чистопольской тюрьме, а не в некоей "городской больнице", как уверяете вы. Вот что пишет о смысле жизни и смерти Анатолия Марченко его вдова Лариса Богораз: "Я прошу всех — близких и далеких — не забывать: "дело Марченко" не закрыто. *Всеобщая политическая амнистия, свобода всем политическим заключенным* — за это святое дело Анатолий отдал свою жизнь, за это он голодал последние четыре месяца, за это он и погиб в страшной Чистопольской тюрьме".

Мы думаем, что такая вот решимость *умереть здесь* и за то, за что умер Марченко,— вообще единственная форма "русского патриотизма", которая не поддается никаким шовинистическим или имперски-националистическим извращениям. Нелишне сказать об этом сейчас, когда русский национализм коричневого оттенка так будоражит умы и проявляется — в условиях нынешнего цензурного послабления — и на страницах официальной печати. Если угодно, можно сказать и так: Анатолий Марченко показал, что такое патриотизм. А у вас поднялась рука написать о нем: "...Человек, который предал свою землю и глумился над памятью двадцати миллионов ее павших защитников".

И еще: "Ведь дошел же Марченко до того, что стал оскорблять память наших павших фронтовиков, оправдывать вторжение гитлеровцев в СССР, оголтело превозносить фашизм..." Мы требуем от вас и от вашего "специального корреспондента Ю.Васильева" (мы не знаем, реальное ли это лицо или псевдоним, а потому предпочитаем обращаться к редколлегии) привести хотя бы один текст, где Марченко "оголтело превозносит фашизм" и т.п. Если вы не сделаете этого, то вас следует привлечь к ответственности за клевету, которая по советскому праву относится к преступлениям против личности и определяется как "распространение заведомо ложных позорящих другое лицо измышлений" (ст. 130 УК РСФСР).

Но наше письмо — не частное обвинение и не иск, а лишь выражение некоторой нравственной позиции или, пожалуй, скромнее: ответ на тот плевок в лицо всем нам, который представляет собой ваша статья. Поэтому мы не станем оспаривать каждое из ваших лживых утверждений. Ведь дело не только в искажении отдельных фактов. Задача вашего текста — создание (по законам известного жанра) вполне определенного

образа Марченко — узколобого уголовника и матерого рецидивиста. Все содержание текста — ложь, подтасовка, возмутительное в нравственном отношении и нарушающее норму Конституции цитирование личной переписки — направлено на выполнение этой задачи. Дурнопахнущее заявление В.Машковой помещено с целью опорочить вдову Марченко: она, оказывается, приглашала КГБ "играть в мошенничество"!

Тяжело возвращаться к тексту вашей статьи: он вызывает физическую дурноту. И все же под конец мы должны указать на два места из числа наиболее мерзких.

1. В 1958 г. Анатолий Марченко был осужден "за ночной дебош с поножовщиной в женском общежитии" (как со вкусом пишите вы) не на "два года изоляции от общества", а на *шесть лет*. По этому делу были осуждены еще несколько человек. Но позже была установлена непричастность осужденных к групповой драке. В результате приговор Марченко был пересмотрен и срок заключения снижен *до двух лет*, то есть до уже отбытого фактически. Вот так Марченко "сам пустил под откос свою жизнь. Сломал ее смолоду" (Ю.Васильев). Сейчас некоторые советские публицисты стали называть такую судебную практику "телефонным правом": у них хватило ума и смелости позаимствовать этот богатый ассоциациями термин у правозащитников.

2. Вы, сытые и уверенные в своей безнаказанности, осмелились издеваться над голодовкой Марченко, над этим последним средством борьбы политзаключенного за свои права. С такой же игривой веселостью ваши коллеги отзывались на голодовки заточенного в палате горьковской больницы А.Д.Сахарова, на голодовки, сопровождавшиеся унижительным и садистским по своим методам принудительным кормлением. Очевидно, что голодовка как средство отстаивания своих прав эффективна лишь в условиях возможно более широкой гласности, которую в обоих случаях обеспечивали видные представители западной культуры и общественности ("наши зарубежные недруги"). А что касается числа и веса продуктовых посылок в лагерь и тюрьмы — читайте об этом хотя бы в "Основах исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик". Там, между прочим, написано: "Осужденным, отбывающим лишение свободы в тюрьмах, получение посылок и передач не разрешается" (ст. 25). Анатолий Марченко был осужден на десять лет лагеря *строгого режима*. Заключенные в таком лагере имеют право на одну пятикилограммовую посылку в год после истечения половины срока. В Чистопольскую тюрьму А.Марченко перевели в октябре 1985 г. в качестве наказания. По свидетельству бывших узников, условия строгого режима в Чистопольской тюрьме — это условия постоянного мучительного голода, хронической нехватки того минимума пищи, который необходим для поддержания жизнедеятельности организма. Вот с таких исходных позиций начал А.Марченко в августе 1986 г. свою голодовку. А вам "представители администрации исправительно-трудового учреждения" сообщили "о совсем не голодных ноябрьских днях Марченко".

Так что не взыщите: у нас есть основания считать вас пособниками палачей. Нужно иметь твердокаменную душу, чтобы обращаться в таких делах к свидетельствам тюремщиков, а не узников.

А что касается "образа" Марченко, то мы приведем свидетельство человека, нравственный подвиг которого уже вошел в историю. В одном из своих первых "последышных" интервью А.Д.Сахаров сказал: "Я глубоко потрясен смертью Анатолия Марченко. Он был моим большим другом; это удивительно стойкий, мужественный человек с твердыми принципами. Двадцать лет назад он написал первую в мире книгу о послесталинских лагерях. Мучения, которые он вынес в течение последних двадцати лет, были поистине медленной казнью".

И последнее: мы требуем опубликовать это письмо *целиком* в качестве опровержения заведомо ложных измышлений, содержащихся в статье Ю. Васильева "Пустой звон". Не будучи, однако, до конца уверенными в том, что вы примете это требование, мы делаем наше письмо открытым.

Родина должна знать своих с п е ц и а л ь н ы х корреспондентов.

Москва, 18 мая 1987

Сергей Лезов Елена Вардзигулова
Ольга Боровая Сергей Тищенко
Владимир Прибыловский

От редакции. Настоящее письмо было отправлено адресату. Оно не было опубликовано. Никакого ответа авторы не получили.

"ПОСТЕПЕННОСТЬ ГУБИТ РЕВОЛЮЦИИ"

15 мая 1987 г. в Московском университете по приглашению комитета ВЛКСМ выступил Анатолий Стреляный, писатель и журналист, зав. отделом публицистики по вопросам экономики и науки журнала "Новый мир". После выступления состоялась дискуссия. Неполная запись этой дискуссии распространяется в Самиздате. Мы публикуем ее с небольшими сокращениями.

А.СТРЕЛЯНЫЙ. Противников перестройки много. Статья "Лукавая цифра" — "Новый мир", № 2, 1987 (авторы В.Селюнин, Г.Ханин. — *Ред.*). Нам наплевать, как на нас смотрят за эту статью. Мы пишем не для начальства. Семьдесят лет чудовищного очковтирательства: все не так. На одном совещании меня за эту статью критиковал Горбачев. Мои друзья после этой критики волновались, предлагали свою помощь в трудоустройстве, спрашивали: "Ну что, еще не сняли?" Пока, как видите, работаю и буду печатать, что считаю нужным и важным. Это наша российская беда — смотреть в глаза начальству, понравилось ему или нет, как оно отреагирует на то или на это. Но одна высокопоставленная дама после "Лукавой цифры" позвонила мне и попросила, чтобы автор (один из двух) подготовил те выкладки, которые ему позволили сделать такие выводы. Материал пошел наверх...

Печать брешет десятилетиями, но все равно к ней почтительное отношение, хотя все знают про вранье. Но — надеются, редакции завалены произведениями. Пока печать не будет независимой, предъявлять к ней претензии бессмысленно. Но печать уже делает много. На январском пленуме противники перестройки, не решаясь критиковать Горбачева, критиковали его псевдоним "Печать", которая, дескать, распоясалась, все чернит, перехлестывает. Печать может действовать у нас гласно не сама по себе. То, что есть, — результат отношения нового руководства...

ЗАЛ. Вы считаете, что печать должна быть независимой от партийного руководства?

А.С. Да. Нужна печать, независимая от партбюрократии и государственного аппарата. Независимая печать — та, которая сообщает об убитых и раненых в Афганистане, дает ежедневную сводку о рентгенах в Чернобыле, сообщает о закупках хлеба, присутствует на заседаниях Политбюро и освещает, кто что говорил.

ЗАЛ. Такого не может быть.

А.С. Если вы хотите питаться своим хлебом, а не американским, независимая печать будет.

ЗАЛ. Готовится ли закон о печати?

А.С. Гласности нет, я не знаю ничего. Успехи перестройки пока что выражаются в основном в отличии сегодняшней печати от времен Брежнева. Но и они небольшие.

...Свобода — это не средство. Свобода — это самоцель. В нынешних условиях печать зависит от партийно-государственного бюрократического аппарата.

ЗАЛ. Это чужь!

А.С. Вот видите, какие мы! Англичанин сказал бы: "Извините, я не во всем с вами согласен, у меня другая точка зрения". А вы — вот так, сразу! Но я не против разногласий. Судьбы перестройки зависят от того, размежуемся ли мы. Станем ли мы по разные стороны баррикады.

ЗАЛ. А как вы расцениваете выступление Афанасьева? (Редактор "Правды"; имеет-ся в виду его доклад на VI съезде журналистов СССР. — *Ред.*)

А.С. Ему нужна правда к о н с т р у к т и в н а я. (*Смех.*)

ЗАЛ. Нужна ли партии конфронтация?

А.С. Сегодня уже в самой партии под вывеской "КПСС" существуют две партии. Революционность перестройки заключается в том, что народ должен иметь свободу.

ЗАЛ. Может ли пресса быть полностью независимой? Ленин ведь говорил о руководстве прессой!

А.С. Руководство прессой было необходимо в подполье — и именно об этом говорил Ленин. А сейчас кто вам об этом сказал? Суслов?.. Если бы была независимость

прессы, то Медведев — главный инженер, который десять лет тому назад писал, что нельзя строить атомную под Киевом, и описал катастрофу... — но ему не дали высказаться, зажали рот. А нужна была дискуссия. Против свободной прессы выступают противники перестройки. У них великолепное чутье, и они боятся всего.

ЗАЛ. Преобразования сейчас идут сверху. Что вы думаете об этом?

А.С. Да, сейчас идет революция сверху. Мы поручили одному товарищу подготовить материал для журнала о "революции сверху", от Петра I до Столыпина. Постепенность губит революции.

ЗАЛ. Не слишком ли резко?

А.С. Если мы ничего не сделаем, если мы не совершим скачок, то к концу 90-х годов у нас будет такая же разруха, как после Гражданской войны. Эта зима ударила по городам, и все стало видно, все дыры. Один мой друг, первый секретарь обкома, строит вокруг миллионного города сельские дома. Его спрашивают, зачем. Он молчит и улыбается. А мне говорит: "В эту зиму или в ту?" Вот вопрос, который его мучает по ночам. В случае, если город замерзнет, он будет вывозить людей в село.

ЗАЛ. Правда ли, что редактор "Нового мира" Залыгин во Франции сказал об отмене цензуры?

А.С. Он поспешил. Она есть, только в меньшем объеме. В каждом издательстве — политический редактор. Они милые люди и сочувствуют нам, жалуются на свои трудности. Но у каждого из них есть амбарная книга Совмина, составленная на основе предложений министерств и ведомств, "чего нельзя". Так под маркой "безопасности" они укрывают свою расхлябанность. Уголовник Щелоков, например, дал в перечень запрет критиковать милицеские чины вплоть до сержанта, а министр рыбной промышленности — "нельзя писать об убытии рыбы". Ведомственный империализм: скрыть от народа наболевшие проблемы. Надо публично огласить этот перечень и обсудить. Тайна закупок зерна! От кого? От Америки? Они что — не знают, сколько нам продают? Это и не патриотизм, — это стремление избежать критики.

ЗАЛ. Если пресса даст сведения о числе жертв в Афганистане, этим воспользуется Запад, душманы.

А.С. Эти цифры на Западе известны всем! Их скрывают от нас, а не от душманов. Да, Маркс говорил, что свобода печати — не только благо, но и неудобство. Печатать надо все. Если печать дает информацию, а кто-то с ней не согласен, пусть подает в суд, а мы в публичном суде будем отстаивать свою точку зрения. Будет пена. Но будет и волна. А нам нужна волна, даже если с нею вместе пойдет пена. Издержки будут, без них нельзя. Надо в каждом случае ставить вопрос: кому выгодно замалчивать?

ЗАЛ. Есть ли в соцстранах независимая печать? В Венгрии цензура не предварительная — последующая, карательная. Но им нравится наша система.

А.С. Против свободной печати и за предварительную цензуру выступают администраторы, бюрократы. Они боятся свободы и держат нас за горло...

Статья Попковой в "Новом мире", № 5, 1987, "Где пышнее пироги?". Попкова — противник перестройки. Она не верит в нее и доказывает, что все это полумеры, нельзя соединить рынок с планом, нельзя быть "немного беременной". Или — или. Меня спрашивают, зачем дал материал в печать. Мои друзья раскололись. Одни меня побить готовы, другие говорят "молодец". Я считаю, что правильно. Нам нужна культура полемики. В 6-м номере будет другая точка зрения... (Статья Н.Шмелева "Авансы и долги" — *Ред.*).

ЗАЛ. Будут ли публикации Солженицына?

А.С. Если мы в "Новом мире" не опубликуем Солженицына, это сделают другие журналы.

ЗАЛ. Какова социальная база перестройки?

А.С. Горбачев медлит с расширением социальной базы перестройки, и это ведет к гибели нашего дела и самого Горбачева. Надо размежеваться открыто, сверху донизу. Социальная база перестройки: рабочие высшей квалификации, научно-техническая интеллигенция — частично, часть творческой, гуманитарной интеллигенции, часть низшего слоя партаппарата и хозяйственных руководителей. ●

ЯНВАРСКИЙ (1987 г.) ПЛЕНУМ ЦК КПСС

Доклад для партактива г. Москвы, состоявшийся в Доме политпросвещения при ЦК КПСС в мае с.г. Докладчик — Владимир Иванович Маслов, лектор ЦК КПСС, научный сотрудник Института международного рабочего движения.

При подготовке Пленума планировалось провести его по теме "О кадровой политике". Однако за несколько дней до его открытия в Политбюро сложилось мнение, что этот вопрос для Пленума не подготовлен и выносить его на обсуждение рано. Поэтому была определена другая тема: "О перестройке".

Текст доклада М.С.Горбачева, публиковавшийся в печати, был утвержден Политбюро. Это второй, компромиссный вариант текста. Первый был значительно резче и откровеннее. В частности, в этом первом варианте говорилось о том, что за последние два десятилетия в нашем обществе накапливались кризисные явления. Ранее у нас никогда не признавалось, что при социализме возможны кризисы. Они наступают в том случае, когда правящая партия нарушает общественно-экономические законы развития общества.

В первоначальном варианте доклада М.С.Горбачева отмечалось, что и социалистическая система в целом уже не раз переживала кризисы. Таких кризисов было одиннадцать, в том числе — в Венгрии, Чехословакии, Китае, Албании, 5 кризисов в Польше. В настоящее время кризисные явления, явления деформации социализма наблюдаются в Корейской Народно-демократической республике. Чехословакии и Польше, например, выйти из кризиса помогли мы. Но если у нас кризис углубится и сами мы с ним справиться не сможем, то нам помочь будет некому. Кризис в нашей стране усугубляется еще и тем, что с точки зрения научно-технического прогресса Советский Союз стал второразрядной державой.

На открытии Пленума секретарь ЦК КПСС Яковлев внес предложение: чтобы выступающие чувствовали себя более свободно и не подвергали свои доклады самоцензуре, выступления участников Пленума, кроме доклада М.С.Горбачева, не публиковать. Большинством голосов это предложение было принято.

Поскольку выступление М.С.Горбачева вы все читали, я вкратце остановлюсь на некоторых других выступлениях, которые не публиковались.

Первый секретарь МГК КПСС Ельцин говорил о том, что в нашей стране наблюдается кризис кадров. Образовались династии чиновников, купцов в торговле. Преодолеть коррумпированность в советском обществе можно лишь одним способом — продвигать в управление страной рабочих после их соответствующей подготовки. Необходимо разорвать номенклатурный круг.

С перестройкой дело обстоит не просто. Подавляющее большинство заставить перестроиться невозможно: перегоревшие лампочки вряд ли загорятся вновь. Прошедший год после октябрьского Пленума был лишь годом намеков. Реальных дел практически не было, в большинстве случаев ограничивались полумерами, что приводило порой к печальным последствиям. В частности, в результате того, что с большим опозданием был снят со своего поста Кунаев, возникли эксцессы в Алма-Ате.

Необходимо извлечь урок из Чернобыльской трагедии. Она стала возможной из-за грубых технологических ошибок при строительстве АЭС. А эти ошибки — результат некомпетентного вмешательства высшего руководства. Например, не хватало бетона нужной марки. Вместо того, чтобы ускорить его доставку, высшее начальство распоря-

дилось использовать тот, что был под рукой, — лишь бы завершить строительство к отпущенному сроку.

Проблема компетентности остро стоит и в отношении партийного аппарата. Сколько человек в наших партийных комитетах не справляются со своими функциями? Этот вопрос я хочу задать и т. Горбачеву: сколько таких людей в аппарате ЦК? (Горбачев не отвечает на вопрос). В МК КПСС таких людей 30; сейчас мы их знаем и в ближайшее время от них избавимся.

Министр высшего и среднего специального образования СССР Ягодин говорил о том, что необходимо упразднить систему заочного образования. Эта система не дает ничего, кроме диплома. В общем же наше высшее образование переживает тяжелый кризис. Мы обучаем не так, как надо, и не тех, кого надо, а обучением занимаются не те, кто должен. Это привело к следующим результатам: из 25 миллионов дипломированных специалистов 10 миллионов работают не по специальности; из 6 миллионов дипломированных инженеров по специальности работают лишь 2 миллиона.

Посол СССР в ФРГ Квицинский в своем выступлении подчеркнул необходимость восстановить привлекательность социализма в глазах Запада. Особенно вредит нам дутая статистика. Мы с серьезным видом ссылаемся на нее, не понимая, что на Западе давно ее раскусили и смеются над нами. Дутая статистика — далеко не единственный фактор, вызывающий недоверие к нам и являющийся причиной оттока членов из западных компартий. Преодолеть этот кризис доверия к нам можно лишь одним способом — до конца довести начатый процесс демократизации.

Большая часть выступлений на Пленуме была посвящена ходу перестройки. Обобщая все сказанное на эту тему, необходимо выделить следующие моменты.

После апрельского (1985 г.) Пленума ЦК мы трижды меняли стратегию перестройки. Первоначальная установка — проведение перестройки за счет научно-технического прогресса. Было решено инвестировать средства в реконструкцию устаревших предприятий, а не в строительство новых. Однако решение это натолкнулось на закоснение отдельных предприятий и отраслей и всего хозяйственного механизма в целом.

Реформа хозяйственного механизма стала новой стратегией перестройки. Двумя главными ее направлениями стали самофинансирование и хозрасчет. Однако реформа не удалась, до сих пор она остается только на бумаге. Самофинансирование упирается в жесткую систему планирования и снабжения, а хозрасчет — в политику цен, которые не отражают затрат труда и потребностей общества. Сегодняшние цены являются отражением политики министерств.

И, наконец, еще одно изменение стратегии. Было признано, что единственный способ решения проблем перестройки, — это максимальная демократизация общественной жизни, и прежде всего — в сфере экономики. Надо признать, что и здесь мы столкнулись с немалыми трудностями. К примеру, на 1987 год предполагалось осуществить планирование не сверху, а снизу. Сделать это не удалось. Тем не менее мы продолжаем развитие демократии на производстве. Большую роль в этом процессе должен сыграть Закон о предприятиях и трудовых коллективах. Однако и он в окончательном своем виде оказался не таким радикальным, как проект. В проекте, например, предусматривалось, что предприятие, продукция которого не пользуется спросом и которое не может перестроить свою работу, объявляется банкротом со всеми вытекающими отсюда последствиями. Умеренное направление победило и здесь: принятый закон предусматривает лишь расформирование такого предприятия с обязательным трудоустройством работающих на нем людей.

Возникают проблемы и с введением Закона об индивидуальной трудовой деятельности. Ею уже сейчас выразили желание заниматься 40% трудоспособного населения. У многих из них возникает вполне понятный соблазн: поменьше работать на своем

основном рабочем месте и побольше — индивидуально. Путь к преодолению такой диспропорции пока не ясен.

Одна из самых главных проблем, стоящих сегодня перед нами, — это проблема молодежи. Тех, кому сейчас от 15 до 30, мы потеряли. И в то же время завоевать их необходимо, поскольку кроме них осуществлять перестройку некому. Сделать это можно одним-единственным способом: восстановить советскую власть, которая должна, наконец, прийти на смену власти аппарата. Этой цели будет служить, в частности, совершенствование нашей избирательной системы. Проект нового Закона о выборах будет опубликован в октябре 1987 г.

Вопросы докладчику и ответы В.И.Маслова.

- Каковы в настоящее время функции цензуры?
- В настоящее время цензура официально отменена. Ее функции сохранены лишь для охраны военных тайн. Все остальное отдано под ответственность и на усмотрение главных редакторов. Необходимо добавить, что большая часть спецхранов в ближайшее время будет рассекречена.
- Что вы можете сказать о нынешней расстановке сил в ЦК?
- Я не уполномочен говорить от имени ЦК. Скажу только, что без споров не обходится. Это не означает фракционности. Идет открытая товарищеская дискуссия. Отмечу еще, что в 1988 году будет созвана Всесоюзная партийная конференция. Такая конференция, как вы знаете из Устава партии, созывается для того, в частности, чтобы обсудить разногласия в ЦК.
- Не окажет ли перестройка отрицательное влияние на обороноспособность нашей страны?
- Напротив: если перестройка не будет осуществлена, то положение нашей обороноспособности будет — хуже некуда. Если в самое ближайшее время не осуществляются задуманные перемены, то в 1987–1988 годах равновесие сил будет нарушено в пользу США. ●

МУЗА ДАЛЬНИХ СТРАНСТВИЙ

“...Труд моряков оплачивается в СССР несравненно ниже, чем даже на судах под самыми неприступными флагами, да еще собственной валютой — неконвертируемым рублем. Еще проще с топливом. Нефть своя, ее не надо покупать, и советские суда снабжаются ею по символическим ценам... Можно выгадать на обязательной страховке судов, сводя и эту статью расхода к минимуму. В итоге Советский Союз и другие страны СЭВ взяли верх в конкурентной борьбе на море, круто — на одну треть и даже еще больше — снизив фрахтовые ставки.”

Я позволил себе привести эту длинную цитату из статьи Ю.Чикарлеева “Встречный бой на море” (“Страна и мир”, 1985, № 3) не только потому, что ничего с тех пор не изменилось, но и в связи с тремя новыми публикациями на тему о жизни и труде моряков Морфлота СССР. Я имею в виду статьи, опубликованные в “Известиях”: В.Шмыгановской, “Океан начинается с берега” (12 февраля и 22 июля 1987 г.) и В.Захарько, “Трое сходят на берег...” (3 июля 1987 г.).

1. Сколько получает матрос?

Автор статьи “Океан...” начинает за здравие: “На мировом фрахтовом рынке наши суда заслуженно пользуются высокой репутацией”. Пользуются, не спорю. Но их высокая репутация на фрахтовом рынке достигнута прежде всего низкими фрахтовыми ставками. И это обстоятельство имеет прямое отношение к возрастающей аварийности и падению престижности моряка в СССР. В.Шмыгановский формулирует проблему так: “Заработки и жилье, жилье и заработки — никуда не уйти от этих двух ключевых социальных факторов”. Что ж, потолкуем на эту тему.

Рядового моряка борьба на фрахтовом рынке интересует куда меньше, чем реальная зарплата. Ему незачем ломать голову над фрахтовыми ставками. Он выполняет свою работу на судне, трудится, как вол, и хочет, чтобы его труд соответственно и вознаграждался. Между тем его зарплата как была, так и осталась смехотворно низкой.

Если бы токарь на заводе работал в условиях, при которых приходится работать в море, он получал бы в несколько раз больше. Ему была бы зачтена и работа в праздники и выходные, и ночные часы, и авралы. Учтите при этом, что моряки имеют только один выходной день в неделю, который идет в отгул. Вот почему зарплата матроса — сто рублей в месяц — это что-то совершенно непонятное, ничем не оправданное и не вяжущееся с морским трудом.

Матрос датского торгового флота получает в месяц две тысячи американских долларов, а то и больше, благодаря прогрессивной оплате сверхурочных. Но не будем сравнивать наш гордый рубль с капиталистическим долларом. Месячный заработок матроса на польских судах 15 тысяч злотых (178 рублей), в Румынии — 2500 лей (301 рубль), на Кубе — 400 песо (360 руб.). В.Шмыгановский согласен, что за каторжный труд моряка 100 рублей — не слишком щедрая награда. Однако, добавляет он, «моряки заграничания получают еще и валюту взамен суточных». К сожалению, журналист не совсем точен: суточные, то есть деньги на питание, выплачиваются только в период ремонта, когда судно стоит в доке и камбуз не работает. Выдаются они либо в валюте, либо в советских деньгах — в зависимости от того, дома или за границей ремонтируется судно. Никаких других суточных на советском флоте не платят.

В.Шмыгановский пишет: «Многие годы у нас чуть ли не официально признавалось, что, используя в рамках таможенных правил инвалюту, моряки могут сдавать закупленные за границей вещи в комиссионные магазины и тем самым значительно наращивать свою зарплату». Снова ошибаетесь, коллега. Где это у вас признавалось «чуть ли не официально»? У нас, на советском флоте, всегда официально сообщалось, что валюту мы получаем для проезда в городском транспорте в иностранных портах, для покупки сувениров, пожалуй еще на кино, хотя вообще говоря ходить в кино запрещается. Короче, на культурные нужды. Негоже советскому моряку выходить в город, не имея денег на платный туалет или стакан холодной воды где-нибудь в Африке. Но советский моряк — человек государственный, неизбалованный, поэтому и валюты ему положено немного. Прямо скажем: слезы, а не валюта. Хотите цифры? Пожалуйста: 22,5% от оклада, то есть 35—40 ам.долларов. Истратив эти деньги у «маклаков» — в дешевых магазинах с дефицитными, по советским понятиям, вещами, моряк, вернувшись домой, направляется в комиссионный магазин, — если, конечно, нет возможности «толкнуть» их еще где-нибудь.

2. Готовь сани летом

Поговорим теперь о другом: о безопасности на судах. В духе гласности печать довольно много писала о столкновении «Адмирала Нахимова» и «Петра Васева» в Цемесской бухте, о преступной халатности капитанов обоих кораблей. Но почему-то никто не упомянул о том, каково было техническое состояние теплохода «Нахимов», о его весьма солидном возрасте: 61 год, — больше, чем было когда-то живому Нахимову. Какой чиновник Регистра Союза ССР дал разрешение этой старой калаше выходить в море?

Нужно сказать, что львиную долю судоремонтных работ у нас на флоте составляет так называемый саморемонт. Подчас морякам приходится выполнять своими силами и такие работы, которые официально предписано производить только на заводе. Во время ремонта матрос получает 90% оклада. Часто завод выталкивает судно, не завершив ремонта. Представитель Регистра подписывает необходимые бумаги, его усиленно кормят и поят, после чего судно считается готовым к выходу в море. Делается это для того, чтобы завод получил премию. Директор завода клянцется, что ремонт займет несколько дней. Капитан ждет. На капитана дают из управления: пора, дескать, в море. В итоге в 90 случаях из 100 работу заканчивают сами моряки, нарушая все правила техники безопасности и мореплавания. Вся тяжесть такого ремонта ложится на начальников служб. Старший механик пьет с одним бригадиром, старший электромеханик с другим, старпом с третьим. Провозглашаются тосты за успешное и своевременное завершение ремонта. Это происходит в каютах, а в машинном отделении и на палубе заводские рабочие просят у матросов на бутылку: ведь все считают моряков заграничания миллионерами.

3. Трое сходят на берег

Почему трое? Ответ можно найти в статье В.Захарько, у которого я позаимствовал этот заголовок. Статья весьма симптоматичная, свидетельствующая о том, что новые веяния, гласность и перестройка коснулись и нашего брата. «Не однажды бросалось мне в Варне в глаза, что когда здесь моряки нашего торгового флота, то их обязательно трое.» Оказывается, есть указание: группы, увольняемые на берег, должны обязательно состоять из трех человек, причем тройка ни в коем случае не должна распыляться.

Ну что ж, спасибо журналисту, что хоть заикнулся об этом. И все же — как мало и скупо говорится в статье «Известий» о том, что известно каждому моряку. Сколько недоговорок и умолчаний!

В решении стать моряком, несомненно, играет немалую роль романтика. «Муза дальних странствий», — назвал ее Паустовский. Но первое, с чем сталкивается будущий мореход, — это вопрос о визе. Виз в нашей стране учреждено великое множество, моряку же предстоит «оформить» немного — всего четыре. Виза с правом жительства за границей, когда моряка направляют работать на иностранные суда, например, йеменские. Такую визу и такую работу получить очень трудно, для простого смертного практически невозможно. Далее следует виза № 1 (разрешение бывать во всех странах мира), № 2 (только в социалистических странах), № 3 (работать на судне в чужих водах, но без выхода на берег). Можно полжизни потратить на заполнение одних анкет. Рыцарей «щита и меча» инте-

ресует буквально все, в том числе и то, что никогда не интересовало самого кандидата в моряки. Эта первая встреча с доблестными органами, сам факт, что профессиональный путь моряка начинается со знакомства с этими органами, — сразу накладывает определенный отпечаток на его психику. Но вот, наконец, все позади, виза открыта. Можно гордо везти за границу свою красную книжицу. Не тут-то было. Оказывается, при выходе в иностранный город моряк лишен права иметь при себе свой собственный паспорт! Правда, некоторые страны требуют, чтобы у матроса, находящегося на берегу, был паспорт: например, Франция. В этом случае паспорта выдаются старшему группы, как правило, офицеру. Он и держит их у себя во внутреннем кармане. По возвращении на судно паспорта сдаются первому помощнику капитана по политической части или другому ответственному лицу, у которого они хранятся в сейфе.

Разумеется, невидимое присутствие КГБ на корабле этим не ограничивается. Во многих экипажах царит атмосфера подслушивания, подглядывания, доноительства. Особенно это характерно для судов "выгодных", стоящих на коротких линиях. Я имел счастье (или несчастье) работать на таком судне. Разговаривать свободно из всего экипажа можно было только с двумя моряками. Остальное общение сводилось к приветствиям и коротким деловым репликам. Это был кошмарный рейс. Горький осадок оставляют у моряка и долгожданные выходы на берег в иностранных портах. С крохами валюты, зажатыми в кулаке, граждане первого в мире социалистического государства наперегонки несутся к дешевым магазинам с низкопробным барахлом. Редко кто воспользуется городским транспортом, приходится экономить на всем, чтобы больше осталось на "сувениры". В то же время у них на глазах старший комсостав разъезжает на машинах торговых фирм, заинтересованных в моряках как в потенциальных покупателях. На корабль начальство возвращается навьюченное подарками. "Всем идти в "Чайку"! Там самые дешевые и качественные товары!" — кричал на нашем судне в Сингапуре помполит, сам предварительно посетивший эту "Чайку" и вернувшийся на борт с богатой добычей. На другой день оказалось, что в "Амурском заливе" товары еще дешевле, но уже было поздно. Дисциплина сработала, и в "Чайке" стояла очередь за коврами. "Амурский залив" был объявлен запрещенным магазином, в котором агенты капиталистических разведок готовят провокации против советских моряков.

4. Моряк возвращается на корабль

Была когда-то такая песня: "Не нужен мне берег турецкий..." В самом деле, сколько можно толкаться по магазинам? С ковром под мышкой, моряк возвращается. А там его ждет "самодосмотр". В салоне специальная группа (кого назначают) начинает ворошить покупки, чтобы, не дай Бог, матрос не привез что-нибудь запрещенное — например, "подрывную литературу". Так сами себя и шмонаем. Еще один самодосмотр производится перед заходом судна в родной порт. Эта акция носит уже всеобъемлющий и широкомасштабный характер. Судно делится на участки, и происходит проверка — проще сказать, обыск — на предмет обнаружения контрабанды. Первый помощник капитана по политической части подбрасывает "контрольные пакеты", чтобы проверить — достаточно ли усердно ищут. И, наконец, третий, окончательный досмотр проводится уже нашими родными властями. Тут уж все переборки трещат, как при хорошем шторме!

Позволю себе отступление. Мне хорошо запомнился один ремонт в порту Сингапур. Стояла тропическая жара. Ночной отдых не восстанавливал силы, так как кондиционеры не работали, и казалось, что спишь не в кровати, а в бане. Съехалось все начальство. Как же, ремонт в Сингапуре — валютная командировка, все управление "Антарктика" здесь! Разумеется, прибыли чины, имеющие весьма отдаленное отношение к ремонту. Сидя за столом, заставленным яствами и бутылками, под мощным кондиционером (экономия электроэнергии, за которую надо платить валютой, на этих людей не распространяется), приступили к решению идейно-производственных проблем. Матросу же, чтобы сходить на берег в уборную, надо было ждать, пока соберется не меньше трех человек. Только тогда под руководством офицера можно идти "оправляться".

Однажды греческие матросы пригласили нас на праздник по случаю какого-то национального события. Танкер их стоял рядом с нашим судном. Приглашен был весь экипаж. Моряки гадали: пустят или нет? Греки натягивали тент на корме, к судну подъезжали машины с продовольствием, был накрыт громадный стол, после чего началась жарка баранов на углях. Мнения разошлись: одни говорили, раз готовят такой стол, значит начальство смиростивилось и пустит нас на праздник. Другие возражали: никогда этому не бывать. Так оно и случилось. Человек пятнадцать во главе с капитаном отправились есть баранов. Рабочий день был закончен, и моряки устроились вдоль фальшборта наблюдать за трапезой на греческом танкере. Иные плюнули в сердцах и отправились в постель.

Но тут вмешались сами греки. Они спустились на причал с несколькими ящиками пива и стали кидать нам банки. Они бросают, а мы — ловим. Что поделаешь, пиво-то хочется. Начальство вроде бы не обратило внимания. Но на завтра началось дознание. Главный вопрос был: "Кто ловил? Кто ловил пиво?..."

Владимир Сизко
(Северная Атлантика)

К Л А Н

Очерк-предупреждение

Есть ли цензура в Советском Союзе? В публикуемом нами в этом номере материале о январском пленуме ЦК КПСС Владимир Маслов утверждает, что "она отменена и существует лишь для охраны военных тайн". Анатолий Стреляный в другом материале этого номера высказывает иную точку зрения: в каждом издательстве до сих пор сидит свой "политический редактор". Стреляному, как журналисту-практику, очевидно, виднее.

Но помимо политического редактора, есть и "высшие инстанции", которые продолжают вмешиваться в дела редакций, пусть и в меньшей мере. Примером этого является судьба публикуемого ниже материала. Его автор — специальный корреспондент журнала "Огонек". Материал был уже набран и даже сверстан для №№ 27 и 28 "Огонька" (соответственно 4–11 и 11–18 июля 1987 г.). Однако в последний момент он был снят по распоряжению сверху. Мы публикуем его точно в том виде, в каком он был набран для "Огонька". Ни автор, ни редакция "Огонька" к появлению этого материала на наших страницах непричастны.

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ: НАШИ ДНИ.

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ: УЗБЕКИСТАН.

Преступление на улице Радости

Утром пришла телефонограмма: в городе Янгйюле совершено вооруженное нападение на частный дом. Преступниками похищены автомобиль и две тысячи рублей облигациями. Через час наша дежурная машина уже мчалась по широкому улицам Ташкента, а еще через пятнадцать минут вырвалась на загородное шоссе, ведущее в Янгйюль.

На улице Радости уже стояли белая "Волга" заместителя начальника УВД Ташкентской области майора Алматова и "рафик" криминалистов. Сокрушенно качали головами и тихо переговаривались между собой соседи, тут же бегали чумазые пацаны.

На пороге дома — несколько пар ботинок. Люди заходят в дом, скрипят рассохшимися половицами, что-то спрашивают, уточняют и снова выходят во двор.

Люди говорят вполголоса, много курят, и никто из них не улыбается. Как на похоронах. Впрочем, к счастью, на сей раз обошлось без жертв.

Майор Алматов допрашивает потерпевших и время от времени что-то записывает в свой маленький блокнот. Говорят по-узбекски, и поэтому я мало что понимаю из этого разговора. Разве что по слезам пожилой женщины, сидящей напротив майора Алматова, могу догадаться: то, что случилось этой ночью, действительно было страшно. Рядом с женщиной сидит ее муж. Он все больше молчит, ему не хочется думать о происшедшем.

— Ну, ладно, — говорит Алматов уже по-русски, — мне все ясно. Пойду во двор.

Он уходит, а пожилая женщина и ее неразговорчивый муж в который уж раз рассказывают о минувшей ночи.

— После программы "Время" начали показывать узбекский фильм "Седьмая пуля", — вспоминает мужнина, — очень хороший фильм, про бандитов. Сидим, чай пьем, смотрим. Дочка в соседней комнате спит. Вдруг дверь открывается. Заходят трое. Все в черных масках. У одного в руке пистолет, у другого — винтовка. "Ни с места", — говорят. Потом спрашивают: "Где деньги, деньги давай". Я накануне пенсию получил, в кармане девяносто рублей лежало. Забрали. Потом один жене к горлу нож приставил. Я испугался, что сейчас ее зарежут...

— Нет, он просто пугал, — вмешалась в разговор женщина. — Ему же были нужны деньги. Я сняла с себя золотые серьги и отдала им. Потом достала две тысячи облигациями и тоже отдала. А высокий не унимается, опять деньги требует. Я ему говорю: это все, больше нету — если б были, разве не отдала? Жизнь-то дороже. Тогда высокий спрашивает: "А где твоя дочь? Если не дашь денег, я ее сейчас во двор вынесу и у тебя на глазах на кол посажу". Пошли искать мою дочку. Не нашли. Слава аллаху! Потом он говорит: "Надо тебя утюгом пожечь. Живо все выложишь". Вдруг они заспешили. Связали нам

веревкой руки и ноги, в рот тряпку засунули. А когда уходили, сказали: "Если кому-нибудь расскажешь, из-под земли достанем и все равно убьем". Потом они ушли.

Во дворе возле прокопченного казана стоял майор Алматов и думал о чем-то своем. Неподалеку криминалисты снимали гипсовый слепок со свежего отпечатка кроссовки.

— Ну как дела? — спросил я Алматова.

— Подключили служебную собаку, — пожал плечами Алматов, — собака след не взяла. Однако меры принимаются. Уже работает шесть поисковых групп. О случившемся проинформирован Ташкент, пограничные районы Казахстана и Туркмении. Объявление операция "Перехват".

— Так кто же они — эти трое в масках?

— Банда, — сказал майор Алматов и, сощурившись, посмотрел на яркое азиатское солнце...

Банды?! В наше-то время! Да может ли быть такое? Уж не досужий ли это вымысел, не дурной ли сон?

Нет. Не сон и не вымысел. Одни лишь факты. Десятки, сотни фактов, подтверждающих одно и то же: Среднюю Азию захлестнула волна профессиональной преступности.

Банды

"Это было примерно в полночь. Аслан постучал. Дверь открыл хозяин дома — узбек лет пятидесяти и его сын лет двадцати пяти. Аслан сказал, что мы из милиции. Нас пустили. В доме оказались хозяин, его сын и дочь, старуха, женщина и четырнадцатилетняя племянница. Женщин отвели в соседнюю комнату.

Я ударил девушку, потом ударил старуху и свалил ее на пол. Садык, ударив жену хозяина, свалил ее на пол и стал связывать. Аслан тем временем разговаривал с хозяином дома и сказал ему, что если не отдаст денег, его убьют. Тогда хозяин вынес сетку с деньгами и отдал их нам. Мы вышли из дома, сели в машину и вернулись в Ташкент. В сетке было 16 тысяч".

"Тринадцатое преступление совершили в городе Китаб. Однажды Тайрат подошел ко мне и сказал, что звонил Жума и надо туда выезжать. Собрались и поехали. С собой взяли двух девчат. В Китаб приехали часов в десять вечера. Остановились возле реки. Садык и Марат переоделись в милицейскую форму. Подошли к дому. У Зухриддина в руках наган, а у Садыка пистолет "вальтер". Вошли во двор. На айване спал мужчина. Когда мы подошли к айвану, он проснулся, но Садык ударил его в челюсть. В это время я открыл дверь в комнату, а Зухриддин и Садык потащили мужчину в дом. Дома он пришел в себя. Садык начал его допрашивать: где деньги? Он сказал, что у него нет ничего. Тогда Садык включил примус и потащил мужчину к огню. Он сказал: "Если не дашь денег, сожгу тебе лицо". Зухриддин вытащил наган с полным барабаном и начал угрожать мужчине. Я и Марат тем временем обшаривали комнаты. На полке нашли чемодан и бросили его Зухриддину. В чемодане оказалось 10 тысяч рублей. Зухриддин и Садык связали мужчине руки и ноги, после чего мы ушли".

("Всего бандой Анзорова-Касымова совершено 64 преступления. Из них 25 краж государственного и личного имущества, 14 разбойных нападений и другие преступления. Причинен материальный ущерб государству и гражданам на сумму 258 500 рублей".)

"Преступная группа под руководством Камилова состояла из 15 человек. В октябре 1984 года они совершили нападение на квартиру жителя Ташкента Резника, где завладели 12 000 рублей. 16 июня 1984 года они, вооружившись ножами, напали на квартиру Юлянца в городе Шахриконе, где завладели ценностями на сумму 15 000 рублей".

"Преступной группой Когана путем нападения на квартиру Камалова похищено 10 000 рублей."

"Преступная группа Горкина, вооружившись пистолетом и ножом, проникла в дом Бабаджанова. Ворвавшись в дом, они убили Бабаджанова и находившуюся там Мильнер, забрали 13 700 рублей денег и ценностей на сумму 32 000 рублей".

"Группа Юна, состоявшая из 23 человек, совершила 42 уголовных преступления; банда Болошина, в которую входило 22 человека, совершила 48 тяжких преступлений, в том числе одно убийство".

...Изучая многотомные уголовные дела узбекских гангстеров, я все пытался понять — каков он, сегодняшний профессиональный преступник, что заставило его уйти от нормальной жизни и вступить в вооруженную банду... Большая часть арестованных бандитов по решению суда приговорена к длительным срокам наказания, которое они отбывают в дальних колониях страны, иные уже казнены. Однако обобщенный образ современного бандита все же сложился в моем сознании.

Среди профессиональных преступников вы не найдете ни одного пятидесятилетнего, а уж тем более шестидесятилетнего человека. Двадцать и тридцать лет — наиболее расхожий возраст участников бандитских формирований. Это и немудрено: для того, чтобы умело нападать и ловко обороняться, нужны крепкие мускулы и юношеская сноровка. Недаром же многие бандиты прекрасно владели приемами рукопашного боя, отлично стреляли, умели пользоваться ножом и мастерски водили машину. В прежней своей жизни, до вступления в банду, они, как правило, не конфликтовали с законом, и буквально единицы отбыли срок наказания в исправительно-трудовых учреждениях. Некоторые, как, например, главарь одной из самых многочисленных банд Болошин, состояли членами партии. О комсомольцах уж я и не говорю — их было большинство. Многие, очень многие бандиты в свое время получили среднее образование, а некоторые даже высшее.

Что же заставило этих в общем-то благополучных людей сплотиться в вооруженные банды и пойти на самые жестокие преступления?

В наступлении — “белые воротнички”

— Бисми аллахи ар-рахман, ар-рахим!

Был час дневного намаза.

Старый узбек в белой чалме провел ладонями по своему коричневому высохшему лицу и поклонился далекой Мекке.

Вокруг на тысячи голосов бранился восточный базар. Пахло поджаренной на углях бараниной и человеческим потом. Продавец тюбетеек прихлебывал зеленый чай, под жарким ветром пустынь колыхались пестрые женские платья, ловко кромсали редьку пожилые корейки, где-то звонко заливалась Алла Пугачева и ей вторили записанные на контрабандные кассеты заунывные арабские песни...

Суббота. Разгар дня.

Он увязался за мной сразу же, как только я влился в многоликую базарную толпу, — худенький, щуплый, совсем еще мальчик: модная майка с ликом Мэрилин Монро, на шее — золотая цепочка с золотым же мусульманским полумесяцем. Он нагнал меня возле лавки сапожника и поманил в сторону.

— Джинсы надо? — спросил щуплый.

Я похлопал себя по обтянутым коттоном ногам, дескать, не надо.

— Видео? Сигареты? Диски? Гавайские рубашки? Чего надо?

— Ничего не хочу. А ты?

Он осклабился гнилыми зубами:

— Не понимаешь? Деньги!

И тут же скрылся в толпе.

Вспомним недавнее прошлое, вспомним радужные сводки тех лет, воспевавшие гостеприимную землю и ее руководителей... Вспомним “хлопковые процессы”, которые, подобно электрическому разряду, повергли общественность в состояние крепкого шока. Вспомним, наконец, областных и республиканских вождей — этих эмиров с партийными билетами в кармане, на протяжении многих лет разрушавших узбекскую экономику и мораль. Вспомним — и подумаем: а к чему, собственно, все они стремились, что избрали своей путеводной звездой? Ответ прост: они, как и щуплый базарный фарцовщик, жаждали только одного — денег. Да еще, пожалуй, власти. Ибо власть в те времена тоже приносила доход.

Проезжая по одной из ташкентских улиц, заметил огромную надпись: “Золотые руки создают “белое золото”. Авторы этого “шедевра” агитпропа, видно, и сами не подозревали, как близко были от истины, — ведь и руки, и хлопок на самом деле оказались золотыми. В прямом смысле этого слова.

Позволю себе напомнить лишь некоторые цифры. В 1982—1983 годах недостача хлопка-сырца по республике составила 1,6 миллиона тонн; за взятки и хищения по "хлопковым делам" осуждено более 500 руководителей и других должностных лиц; сумма зарплат, выплаченной за фактически не сданный хлопок-сырец, составила свыше одного миллиона рублей. И еще две цифры — самые, на мой взгляд, важные. Хлопковые магнаты нанесли ущерб в два миллиарда рублей, из которых один миллиард похитили.

Это что касается хлопка. А если учесть миллионные и, не побоюсь этого слова, миллиардные хищения в сфере республиканской торговли, бытового обслуживания и шелкового производства, к которым только подступаются следственные органы, смело можно сказать: умели делать деньги... Только вот в чем вопрос: куда они все девались?

Чтобы ответить на него, совсем не обязательно производить сложные финансовые калькуляции. Все и без того яснее ясного. Большая доля похищенных миллиардов шла на подкуп разного уровня должностных лиц, другая же оседала в глубоких карманах расхитителей, и третья — вновь вкладывалась в дело.

Из года в год под гром литавр и победные рапорты в Узбекистане росла и крепла мощная каста советских миллионеров. Среди них генеральный директор Папского агропромышленного объединения, депутат Верховного Совета СССР, член ЦК компартии Узбекистана, Герой Социалистического Труда Одилов, директор Бухарского горпромторга Кудратов, директор Уитепинского хлебозавода Джизакской области Муминов и сотни других.

Но это были, так сказать, магнаты легального бизнеса. Большую же часть преступников в белых воротничках составляли и продолжают составлять мелкие предприниматели...

Пройдитесь как-нибудь по Ташкенту, зайдите в старую часть города, посетите многочисленные базары, загляните в торговые ряды, и вы сразу заметите, сколько же здесь всевозможных магазинчиков, лавочек, мастерских, шашлычных и кафе. Тут вам предложат крепкий черный кофе и пиалу зеленого чая, модные туфли и супермодные штаны, бижутерию, солнцезащитные очки, национальные ножи и наваристый лагман. Словом, чего пожелаете, то и предложат. Кто-то скажет: вот как все это хорошо — закон об индивидуальной трудовой деятельности в действии. Однако это не так, ибо "закон" здесь был принят задолго до мая нынешнего года. Свой закон, негласный...

Как-то раз я поинтересовался у одного узбекского товарища, сколько примерно в республике предприятий по выпуску неучтенной продукции. Товарищ работал в прокуратуре и, как я полагал, должен был знать такие цифры. Но он только развел руками: "Не знаю, дорогой, честное слово. Трудно сказать. А вообще с этим делом многие связаны. У кого-то своя шашлычная, кто-то джинсы шьет".

— Своя? — не понял я.

— Ну да, фактически так. У него, например, тридцать тысяч плана. Он делает тридцать две тысячи, а остальное, все что сверх, берет себе. Их "цеховиками" называют. Много их у нас.

— Ты имеешь в виду кооперативные предприятия?

— Что ты! Государственные.

"В обороте всевозможных дельцов и крупных расхитителей появились огромные суммы денег, которые стали вкладываться в нелегально существующие цеха для дополнительного извлечения нетрудовых доходов".

Частнопредпринимательская деятельность в тех или иных формах существовала в республике давно. Порою "цеховиков" привлекали к уголовной ответственности, но чаще просто не обращали на них никакого внимания. А потом к началу восьмидесятых годов, когда коррупция и взяточничество, подобно раковым метастазам, опутали многие отрасли, "цеховики" словно бы обрели второе рождение.

Именно в это время появились первые вооруженные банды. И не случайно. Ибо именно "цеховики" и разного рода "дельцы" были той благодатной средой, из которой интенсивно выкачивали капиталы гангстеры.

Потерпевшие, что бы с ними не произошло, всегда вызывают жалость. Во всяком случае сострадание. Однако многие люди, проходившие в качестве потерпевших по де-

лам о бандах, вызывают к себе двойное отношение. С одной стороны, конечно же, жалко: у одного унесли десять тысяч, другого ограбили на пятьдесят. С другой же стороны, возникает вполне закономерный вопрос: а откуда, собственно, все эти тысячи?

Но стоит только внимательно присмотреться и хотя бы перелистать анкетные данные самих потерпевших, сразу же многое проясняется. Ведь абсолютное большинство пострадавших от рук бандитов занимали весьма ответственные должности в сфере торговли, бытового обслуживания, сельского хозяйства и общественного питания. Среди них немало директоров магазинов, ресторанов, кафе, заведующих складами и базами. Некоторые, как выяснило следствие, замешаны в темных делах, а потому в своих показаниях намеренно занижали суммы похищенного во время ночных налетов. На них-то прежде всего и нацелили свое внимание вооруженные бандитские формирования.

Тумашунис Сергей Викторович, не удовлетворяясь трудовыми доходами, поставил перед собой цель в жизни — любыми средствами разбогатеть. Отслужив в вооруженных силах, Тумашунис остался жить в тех местах, мечтая создать вооруженную банду, и спустя некоторое время начал подбирать в нее людей. Так он познакомился с ранее судимым Одиловым Мураджомом, отбывающим наказание в спецкомендатуре г. Чирчика. Вместе с Одиловым был разработан план вооруженных нападений на ответственных работников в сфере торговли. Кроме этого, ими был разработан план нападения на директора Чирчикского мясокомбината и директора Чирчикторга.

Когда Сергея Тумашуниса спросили, почему именно этих людей избрал он в качестве объектов нападения, главарь ответил: "Мне говорили, что они живут на "левые" доходы, говорили, что у них хранится много денег. Вот я и хотел их взять". В 1984 году "цеховики" Узбекистана переживали самые неприятные времена, потому как буквально на собственной шкуре испытали всю тяжесть и ужас бандитского террора. В подавляющем числе случаев объектами нападений были как раз преступники в белых воротничках.

Во время судебных процессов главари разбойных банд так или иначе пытались найти хоть какое-то моральное оправдание своим преступным деяниям. И что удивительно: многие из них находили такое оправдание в одном и том же довольно затасканном тезисе: мол, да, мы грабили, но грабили-то преступников, а значит, никакого ущерба государству не наносили, наоборот — восстанавливали социальную справедливость. Впрочем, тезис этот был рассчитан на сентиментальную публику. Ибо даже неспециалист понимал: похищенные деньги бандиты, как правило, делили между собой, а не тратили их на благотворительные нужды. Что же касается государственного ущерба, то он заключался в сращивании "белых воротничков" с преступным миром и проникновении преступного мира в сферу деятельности "белых воротничков".

"В оборот дельцов вводились все новые суммы добытых преступным путем денег. Данный факт стал причиной сращивания уголовников с дельцами, "цеховиками" и крупными расхитителями. Уголовная среда потянулась к дельцам, преследуя корыстные цели наживы, и наоборот — дельцы к уголовникам для использования их за щедрое вознаграждение в целях обеспечения охраны, личной и имущественной безопасности, разбора конфликтных ситуаций и борьбы с такими же дельцами-конкурентами, их запугивания или уstraшения".

Именно магнаты нелегального бизнеса при поддержке отдельных партийных и хозяйственных руководителей республики стали организаторами и главарями "беловоротничковой" преступности.

"Лидеры преступного мира в последующем сами включались в изготовление и сбыт неучтенной продукции, начали вкладывать свои деньги в нелегальные производства, получая отчисления от их прибылей. Они определили формы процентных отчислений от доходов расхитителей, гарантируя им безопасность".

В конце семидесятых годов на своем "краснодарском съезде" лидеры преступного мира приняли неслыханное доселе решение о взимании пятнадцатипроцентных отчислений с нелегальных цехов, выпускающих неучтенную продукцию. Естественно, решение негласное, а потому многие и многие "цеховики" были немало удивлены, когда к ним вдруг стали захаживать странного вида молодые люди. Это происходило примерно так.

В один прекрасный или, наоборот, ненастный день на пороге заведения какого-нибудь Саида Ахметовича, специализирующегося на выпуске "левых" ботинок, появилась группа людей. Они без приглашения рассаживались в кресла, закуривали и начинали вести разговор. Дескать, мы давно наблюдаем за вами, дорогой Саид Ахметович, и отлично знаем, чем вы тут занимаетесь. Чего скрывать, дорогой, ведь вы же просто находка для ОБХСС, а потому предлагаем следующее: работайте себе на здоровье и впредь, ни о чем не печальтесь, однако зную часть ваших доходов, будьте любезны, раз в месяц — на стол. Если же вами вдруг и в самом деле заинтересуется милиция, мы, будьте спокойны, это дело замнем, ну, а коли все же посадят — будете жить в прекрасной колонии, в хорошем бараке. И то до первой амнистии. Если же вы, уважаемый, откажетесь от нашего предложения, вас ожидают очень крупные неприятности. В ближайшее время вами займутся органы, а суд накинёт срок, что называется, на полную катушку. Кстати, у вас есть дети и молодая жена? Мы не можем гарантировать их безопасности. Так что выбирайте, уважаемый Саид-ака.

После подобного разговора любой, даже самый стойкий делец, как правило, соглашался на условия гангстеров. Может быть, не сразу, так, во всяком случае, какое-то время спустя, воочию ощущал, что угрозы бандитов вовсе не пустые слова, что они и в самом деле обладают мощными разветвленными связями.

В скором времени наиболее опытные и умные "цеховики" поняли, что отношения с гангстерами лучше не портить, а, наоборот, следует привлечь их к своему делу, дабы, с одной стороны, обезопасить себя и свое имущество от нападений залетных гангстеров, а с другой — влиять на несговорчивых должников и конкурентов. И прежде всего это поняли магнаты "беловоротничковой" преступности, ибо только они имели достаточно средств, чтобы нанять убийцу или ангажировать телохранителя.

"Директор совхоза "Пахтакор" Кашкадарьинской области Азимов за 60 000 рублей нанял наемных убийц братьев Азизовых и Целани для расправы с бывшим кассиром Саидовым и другими лицами, давшими показания о хищении Азимовым денег в сумме свыше полумиллиона рублей. 1 апреля 1985 г., предварительно получив в виде аванса 20 000 рублей, наемные убийцы бросили гранату в машину, где находились Саидов и Бабаев, а видя, что граната не взорвалась, произвели в нее выстрелы из обрезов".

"Один из членов банды Болошина совместно с двумя соучастниками совершил по указанию начальника управления общественного питания Ташкентской области Раджапова убийство гражданина Мирдадаева, получив за это 30 000 рублей, поджог дома сотрудника ОБХСС, готовились обезобразить лицо заместителю министра торговли. Впоследствии Раджапов был сам убит наемными убийцами".

...Солнце жарит всюю, а здесь, в камере ташкентской тюрьмы, холодный полумрак. Он сидит напротив меня и курит пахучую индийскую сигарету. Его зовут Хасан. Двадцать восемь лет. Наемный убийца. По распоряжению прокурора Калининского района города Ташкента Шухрата Курбанова он с братом утопил межрегионального спекулянта И.Артеменко. Хасан долго рассказывал мне, как они готовились к этому делу, как за час до убийства пили вино и ели жареное мясо, как, наконец, топили, а потом прятали труп в мутной речке Байнал-Минал. Одного не мог мне объяснить двадцативосьмилетний убийца — почему он оказался за решеткой только сейчас, а не три года назад, когда совершил свое грязное преступление. Почему столь долго и столь безнаказанно грохотали тут ружейные выстрелы и взрывы гранат?

О том, что сорокалетний командир полка дорожно-патрульной службы ГАИ города Ташкента Шаимкул Джанзаков — взяточник, знали или, во всяком случае, догадывались многие. Знали, что за назначение его на эту должность он щедро заплатил начальнику Ташкентского ГАИ полковнику Салахитдинову, знали, что и сам Джанзаков не прочь был содрать солидный куш за продвижение по службе того или иного своего подчиненного. Многие знали об этом, но все же предпочитали молчать. Многие, но не все.

Начальник отдела дорожно-патрульной службы ташкентского ГАИ Юлдашев был одним из тех, кто не мог молчать, видя, как коррупция и взятки, подобно ржавчине, разъедают и обезображивают лик столичной автоинспекции. В распоряжении Юлдашева было немало фактов, изобличающих в должностных преступлениях как руководителей ташкентского ГАИ, так и его рядовых сотрудников. О них он сообщил в МВД и ЦК

республики, но все письма и докладные, как это водится, возвращались к начальству Юлдашева. Правда, письма эти были без подписи.

Однако Шаимкул Джанзаков ясно чувствовал, откуда дует ветер. Отношения с Юлдашевым у него давно испортились, а потому он был просто уверен, что именно Юлдашев был автором многочисленных анонимок.

В августе восемьдесят третьего освободилась должность начальника ГАИ. Поговаривали, что "наверху" на это место прочат всего лишь две кандидатуры, двух непримиримых врагов: Юлдашева и Джанзакова. И тогда Джанзаков решил избавиться от своего конкурента.

Погожим осенним днем он вызвал в свой кабинет старшего лейтенанта Нурмухамедова и строго конфиденциально сообщил о задуманном. К сказанному добавил, что ликвидация Юлдашева одобрена в управлении внутренних дел, следы будут скрыты, а дело оформлено как дорожно-транспортное происшествие. Попросил: найди мне надежного человека. Вскоре Нурмухамедов такого нашел. Им оказался дважды судимый Ибрагимов. Но прошло несколько дней, и Ибрагимов, опасаясь ответственности за "мокрое" дело, отказался. "О нашем разговоре молчи", — приказал Джанзаков Нурмухамедову и принялся подыскивать новую кандидатуру. Ему повезло: ликвидировать Юлдашева вызвались командир взвода полка ДПС УГАИ УВД старший лейтенант Саиданвар Камбаритдинов и бывший милиционер, а ныне слесарь Ташкентского трамвайно-троллейбусного управления Худаер Жаманов.

5 октября Джанзакова назначают начальником Ташкентского УГАИ, а вслед за этим на него вновь поступают две анонимки, вскрывающие множественные злоупотребления новоявленного начальника. Сомнений нет: это Юлдашев добивается его дискредитации. Звонок Камбаритдинову: "Ускорьте дело".

За несколько дней до покушения старший лейтенант Камбаритдинов купил охотничью двухстволку и патроны, которые снарядил пулями от пистолета системы Макарова.

Вечером двадцатого декабря подполковник Юлдашев на своей служебной машине отъехал от здания госавтоинспекции. Следом за ним двинулись и прочно "сели на хвост" частные "Жигули". За рулем — старший лейтенант Камбаритдинов. На заднем сидении — Худаер Жаманов с ружьем наизготовку. Выехав на Фархадскую улицу, Камбаритдинов прибавил скорости, Худаер опустил боковое стекло и выставил ствол наружу. В какое-то мгновение машины поравнялись, и тогда на пустынной улице прогремели выстрелы. Взвизгнули тормоза. Взорвал мотор. Прибывшие на место происшествия санитары вынули из машины окровавленное тело подполковника Юлдашева и осторожно перенесли в реанимобиль. Однако ни кислородная маска, ни внутримышечные инъекции спасти Юлдашева не смогли. Две пули пробили ему голову и проникли в мозг. Подполковник Юлдашев скончался, не приходя в сознание.

Выстрелы, прогремевшие на Фархадской улице 20 декабря 1983 года, подобно бомбе с часовым механизмом, прозвучат еще раз год спустя, когда вскроются и получат огласку сотни и даже тысячи фактов взяточничества, произвола и насилия в органах внутренних дел Узбекской ССР. Именно тогда — всего лишь год спустя — убийство подполковника Юлдашева обретет новый резонанс, станет тем надтреснутым зеркалом, в котором отразится вся уродливость, все пороки и язвы правоохранительных органов республики.

"За 1984 год в органы прокуратуры Узбекской ССР поступило 13 557 заявлений от граждан о нарушениях законности, произволе и противоправных действиях работников милиции. В этом же году в производстве следователей прокуратуры находилось 267 уголовных дел на 283 работников милиции".

Все эти многочисленные жалобы и уголовные дела были не чем иным, как следствием политики министерства внутренних дел республики, вернее так: следствием его аполитичности. Ныне арестованы бывший министр Узбекистана Яхьяев, начальник УБХСС республики Юлдашев и почти вся коллегия министерства; не от хорошей жизни покончил с собой преемник Яхьяева Эргашев, и отнюдь не праведные пути привели в тюремные камеры 98 процентов бывших руководителей областных управлений внутренних дел.

К сожалению, во власти взятки оказалась не одна лишь милиция. Шальные деньги просочились в органы прокуратуры, в суды и в адвокатуру, в тюрьмы и даже в колонии усиленного режима.

Имея большие деньги, не составляло порой никакого труда возбудить или, наоборот, "замазать" любое — вплоть до убийства — уголовное дело, беспрепятственно бежать из тюрьмы и переправить партию наркотика в колонию. Деньги решали все. Правосудие погрязло в коррупции и, вместо того, чтобы защищать от посягательств права и законные интересы граждан, подчас вставало на сторону тугих кошельков, на службу преступного мира.

"Фактически, если можно так выразиться, правоохранительная система оказалась несколько расшатанной, точнее, не нацеленной на решительную борьбу с преступностью. В конкретных делах это проявлялось в фактах сращивания некоторых работников правоохранительных органов с преступниками, использовании служебной информации для их ориентирования и расшифровки планируемых мер. Так, бандитская группа под руководством Анзорова, совершившая в 1983—1985 годах на территории города Ташкента, Ташкентской области и Северо-Осетинской АССР 64 тяжких преступлений, просуществовала до момента разоблачения из-за предательства интересов службы старшим оперуполномоченным управления уголовного розыска УВД г.Ташкента майором милиции Шариповым, который в мае 1984 года за взятку в сумме 10 000 рублей укрыв имевшиеся материалы об участии одного из участников банды в краже личного имущества. Шарипов осужден. Анзоров приговорен к исключительной мере наказания — расстрелу".

Пособничество бандитам и сокрытие — естественно, не бесплатно — их преступлений не могли не привести к последствиям, которые даже трудно было предположить. Некоторые банды стали пополняться блюстителями порядка. Нет, не тайными осведомителями, а на сей раз верными солдатами преступного мира.

Вот как вспоминают об этом члены вооруженной банды Шавката Шамшаддинова, созданной в 1984 году и действовавшей на территории Андижанской области Узбекистана.

Э.Аветисова, заведующая лабораторией Андижанского молочного завода (крупная расхитительница; в отношении Аветисовой и других сотрудников завода в настоящее время ведется следствие, ими похищено около 2 000 000 рублей): "...С мужем Аветисовым В.Г. жила плохо. Он употреблял спиртное, курил анашу, издевался надо мной. В связи с невозможностью продолжать совместную жизнь решила убить его. В мае 1984 года, когда ко мне пришел Рахимов, работавший заместителем начальника Ленинского РОВД Андижанской области, сказала ему о своих намерениях. Он меня успокоил и сказал: что-нибудь придумает. Он сказал, что мне позвонит один человек. Ему можно верить".

Ш.Шамшаддинов (главарь банды): "Фазылжан Рахимов, которого знал хорошо, как-то попросил меня убить мужа Э.Аветисовой по кличке "Звездочет" и дал мне ее домашний телефон. Позвонил. Мы встретились с ней возле аптеки в городе Андижане. Она приехала на машине марки "Нива". Аветисова рассказала, что муж издевается над ней, и попросила убить его. Она дала мне сверток, в котором было 20 000 рублей. Я согласился. Получив деньги, пришел к Рахимову, которому сказал, что Аветисова за убийство мужа дала 20 000 рублей, а он ответил, что теперь надо исполнять".

Коровяковский (член банды): "13 июля я переоделся в старые одежды Шамшаддинова и вместе с ним поехал на работу к Аветисову. Наконец увидели его, и я в соответствии с планом попросил Аветисова помочь мне отремонтировать мотоцикл. Он начал разбирать карбюратор моего мотоцикла. У меня была сумка, а в ней — обрез. У Шамшаддинова пистолет системы Марголина. Я испугался убить Аветисова. Тогда сзади подошел Шамшаддинов и выстрелил ему в затылок в упор. Он упал. Тогда мы перенесли его в кусты. За участие в убийстве получил от Шамшаддинова три с половиной тысячи".

Э.Аветисова: "13 июля мне позвонил Шавкат и сказал: "Теперь мы с тобой в расчете. Я убил твоего мужа". После этого Рахимов получил от меня 10 000 рублей, а потом еще 3 000 для передачи Шамшаддинову за убийство мужа".

Если Фазылжан Рахимов, как правило, выполнял роль юридического консультанта

банды и лишь время от времени исполнял посреднические обязанности между главарями и представителями "беловоротничковой" преступности, то некоторые милиционеры-предатели довольствовались в банде даже рядовыми должностями. К примеру, группа бутлегеров под руководством Х.Абдуллаева, занимавшаяся хищениями, незаконными перевозками и сбытом спиртного, имела в своем распоряжении старшего инспектора паспортного отдела МВД Кара-Калпакской АССР Жансымбаева, который только затем был и нужен, чтобы беспрепятственно провозить грузы через посты ГАИ. В банде Юна, контролировавшей сбыт и производство наркотиков в шести районах республики, состояли на службе целых четыре милиционера. Эти требовались лишь для того, чтобы припугнуть и "официально" конфисковать у сбытчика припрятанную партию товара. Впрочем, примеры можно приводить и приводить.

Кто есть кто?

Ближе к вечеру ресторан постепенно наполняется людьми. Шипящей струей бьет из тяжелых бутылок замороженное шампанское, лоснится жиром жареное мясо, в воздухе витает сладковатый дымок контрабандных сигарет, настраивает свои инструменты рок-ансамбль. На первый взгляд вокруг меня самые обычные люди, но если присмотреться повнимательнее, прислушаться к их разговорам, сразу становится ясно, кто есть кто.

Вот две совсем юные проститутки — лет семнадцати-восемнадцати, миндалевидные глаза, губы с синтетическим блеском — вяло переговариваются с набриллиантиненным сутенером; вот шумно бражничает компания фарцовщиков (достаточно молоды, плей-боевские очечки, тенниски "012", кроссовки "айк"), а вот медленно потягивают дорогой коньяк профессиональные игроки (массивные перстни на пальцах, блеск золотых цепочек на волосатой груди, тяжелый взгляд). Иногда сюда заходят мелкие уголовники, слегка подкуренные наркоманы, "ломщики" чеков и "наперсточки".

Многие знают друг друга давно: при встрече широко улыбаются золотыми ртами, обнимаются и легонько похлопывают по спине. Иные познакомились только сейчас.

Рассказывают, что при желании здесь можно заключить крупную сделку на приличную партию опиума, договориться о покупке валюты и краденного. Если спросить любого из ресторанных завсегдатаев, как он живет, чувствует ли себя независимым и вполне свободным человеком, все они, как правило, ответят утвердительно — нет проблем.

Но это неправда, вернее, стремление выдать желаемое за действительное. Если уж не все из них, то, во всяком случае, большинство находится в жесточайшей кабале у банд. Свидетельствуют об этом и документы.

"В последнее время банды взяли под свой контроль практически все сферы нетрудовых доходов. Им платят долю азартные игроки (каталы), сбытчики наркотиков, проститутки, карманные и квартирные воры. Карточные шулера обыгрывают "дельцов", "цеховиков", расхитителей, взяточников и межрегиональных спекулянтов. В карты выигрывают суммы, исчисляемые шестизначными цифрами. Вся игра построена на жульничестве и мошенничестве. Кроме этого, на почве азартных игр и несвоевременного погашения долгов стали совершаться различные тяжкие преступления. Только в первом квартале текущего года на территории республики на этой почве совершено более 60 преступлений, в том числе ряд убийств и разбойных нападений".

Для шантажа и вымогательства преступники применяют довольно сложные приемы выслеживания своих жертв, изучают их склонности и привычки. Они прибегают к помощи проституток для заманивания в притоны и фотографирования в непристойном виде. Помимо этого, проститутки, выражаясь жаргонным языком, дают "наколки" о материальной обеспеченности своих клиентов. Имеют место случаи, когда в разврат и азартные игры втягивают детей лиц, занимающих ответственное служебное положение, затем, после организованного "проигрыша", втягивают в совершение преступлений. После чего принимают меры к использованию влияния их родителей.

По сути дела, "странные люди" из ресторана и есть та самая, как ее называют юристы, антисоциальная среда, где куются стойкие кадры уголовного мира, а для банд — молодое поколение. Ибо именно они — все эти шулера и проститутки, сутенеры и каталы — занимают самую нижнюю ступеньку в иерархической лестнице преступных синдикатов. И как правило, никто из них не знал тех, кто стоял выше.

Выше стояли боевики и телохранители босса.

”Я, Касымов Абдукарим, 1961 год рождения, окончив в 1978 году десять классов, поступил на работу на керамическую фабрику. В 1979 году ушел на военную службу, а отслужив, поступил работать на стадион ”Спартак” инструктором.

Начиная с 1976 года я посещал секцию бокса под руководством тренера Мурадани.

Как-то летом я познакомился с ходившим со мной на тренировки Ходжаевым Садыком. Он сказал, что у него среди ребят авторитет и есть товарищи-воры, что с ними он совершает кражи. Летом того же года он познакомил меня со своим товарищем Ханбаевым Айбеком.

В 1983 году я познакомился с товарищем Садыка Асланом. В том же году, собрав меня, Садыка и своего русского товарища Ваню, Аслан сказал, что в городе Уренгое есть место, где можно взять хорошие деньги...”

Неисповедимы пути в банду. Но чаще всего так оно и было, как вспоминает об этом бывший боевик, а затем правая рука главаря вооруженной банды Анзорова. Десятки вербовщиков рыщут по ташкентским ресторанам и спортивным секциям в поисках молодых, сильных, падких до денег и удовольствий парней. Отыскав, знакомят с боссом, и тот, дабы проверить новичка на стойкость, отправляет его на задание. И они шли. Шли по разным причинам. Одному до нарезки нужен был японский магнитофон, другому — вернуть карточный долг, у третьего в кармане никогда не было больше тысячи, а ему сулили целых пять. Словом, у каждого свое.

А когда обезумевшая от страха жертва безропотно выкладывала перед ними пачки купюр и драгоценности, они и вовсе дурели от столь просто доставшейся добычи.

Обратной дороги нет. Теперь, что бы ни случилось, все они повязаны общим делом, а предателя настигает жестокая месть сообщников. Таков закон банды.

”На машине Хонбабаева я, он и Анзоров приехали в район станции метро ”Дружба народов”, где Анзоров увидел Ляна и сказал, что должен с ним поговорить. Он пригласил Ляна в машину, а сам сел за руль. Вскоре мы приехали на кукурузное поле. Было уже темно. Анзоров вышел из машины и вместе с Ляном отошел в сторону. Когда я подошел к ним, Анзоров попросил принести обрез, что я и сделал. Анзоров стал требовать, чтобы Лян на коленях просил у него прощения, но тот отказался. Тогда Анзоров выстрелил ему в грудь. А когда Лян упал, выстрелил ему в голову... Мне показалось, что Лян жив, о чем сообщил Анзорову. Анзоров дал мне обрез и сказал, чтобы я его прикончил. Подойдя к Ляну, я выстрелил...”

О людях, возглавляющих преступные синдикаты, и их ближайших советниках, к сожалению, известно очень мало, ибо босс никогда не действует в открытую. Для этого у него имеется целая армия крупных и мелких посредников, готовых в любой момент исполнить приказ своего командира.

Если ”воровской король” образца пятидесятых годов, нигде не работая, носил на голове потертую кепочку, парусиновые туфли, а меж зубов — золотую фикса, то ”король” восьмидесятых своему далекому предшественнику не чета. Он, как правило, числится на какой-нибудь захудалой работенке (чтобы не привлекли за тунеядство), разъезжает на дорогой машине, вкусно обедает в лучших ресторанах, наркотиков и оружия не хранит. У него все чисто, полное алиби. Плюс профессиональное знание уголовного кодекса. Попробуй подкорми. Даже при наличии компрометирующих неопровержимых материалов упрятать главаря за решетку — серьезная проблема, ибо не найдется ни одного гангстера, который бы свидетельствовал против своего босса. В бандах царил ”обет молчания”. За нарушение обета — смерть.

”В настоящее время (данные 1985 года) в Ташкенте существует около 20 преступных кланов. Ташкент, области и районы республики поделены ими на зоны влияния, что подчас приводит к столкновению между группировками. Для установления своего престижа в антиобщественной среде главари кланов поддерживают тесную связь с лицами из числа ”воров в законе”. По их инициативе созданы общеворовские кассы (”общаки”), которые содержат лидеры группировок города Ташкента. Эти кассы используются для оказания помощи осужденным в местах лишения свободы (в том числе по доставке наркотиков) и подкупа должностных лиц. Более того, лидеры осуществляют все разборы и споры, связанные с выколачиванием путем пыток и истязаний долгов у лиц, проигравших в азартные игры крупные суммы денег (до 300 000

рублей и более). Отмечается, что местные организованные группировки перенимают опыт преступной деятельности мафии”.

Мафии?!

Опасность № 1

Эдуарда Алексеевича Дидоренко срочным порядком вызвали в Москву прямо из отпуска. После короткой беседы предложили ехать в Узбекистан на укрепление. Вскоре его назначили первым заместителем министра внутренних дел этой республики. Сегодня именно он координирует усилия подчиненного ему аппарата в борьбе с организованной преступностью.

Вечер. Яркое азиатское солнце стигнуло в лабиринтах современных ташкентских кварталов. А нашему разговору все не видно конца.

— Всего несколько лет назад такие слова, как рэкет, бутлегерство, киднэппинг, мафия, можно было встретить разве что в детективных романах и фильмах типа нашумевшего “Спрута”, — размышляет про себя Эдуард Алексеевич, — теперь же сталкиваемся с этим чуть ли не каждый день... На каком-то этапе мы вдруг поняли, что дальше так продолжаться не может. Тактику и стратегию борьбы с преступностью необходимо менять, а главный удар нанести по организованной ее части, ибо именно в руках лидеров сходятся воедино все разветвленные связи преступного мира. Вот тогда-то и было принято решение освободить часть наших работников от повседневной “текучки” и объединить их в специальное подразделение по борьбе с организованной преступностью, которое будет действовать в рамках управления уголовного розыска. Отделение по борьбе с организованной преступностью действует в министерстве уже больше полутора лет. За это время его сотрудники составили объемистые досье на бывших и ныне действующих лидеров преступных кланов, их подручных и исполнителей. Благодаря этому теперь хорошо известна механика образования бандитских групп, их структура и характер антисоциальной деятельности.

Идет работа. Обычная, будничная. Однако факт создания спецотделения по борьбе с организованной преступностью, согласитесь, уже сам по себе — тревожный симптом.

Было время — многие наши пороки мы предпочитали замалчивать, опускать глаза долу, когда речь шла о неприятных для нас вещах. А уж коль скоро замалчивали, то тут же находили себе удобоваримую оправдательную позицию: мол, не говорим, потому как этого у нас нет. Мало того, быть не должно. Так зачем же зря копы ломать, к чему бить в набатный колокол, а главное — предпринимать хоть какие-то усилия в борьбе с несуществующим злом... Таким вот образом мы в буквальном смысле этого слова прохлопали появление и рост проституции, опиумный бум, да и организованную преступность, пожалуй, тоже. Даже сейчас, когда на площадях и дорогах Узбекистана нет-нет да и вспыхивают легкие перестрелки, когда организованная преступность очевидна и доказана документально, я не раз слышал начальствующие голоса, отрицающие ее существование, — мол, все это сильно преувеличено. Почему? — спрашивал я себя. Зачем это им нужно? Потом понял, в чем дело. Всякого рода отрицатели-бюрократы, вырядившись в демократические одежды перестройки, прежде всего боятся лишней работы, которая, и это несомненно, свалится на их грешные головы вместе с новоявленной проблемой. Но более всего боятся они другого — ответственности. Ведь это именно они, а не кто-то иной, просмотрели, прохлопали, промолчали. Именно они.

...Когда я работал над этим материалом, мне в руки попал весьма интересный документ, а именно воззвание воровских авторитетов к “честной уголовной братии”. В этом воззвании, между прочим, сообщалось буквально следующее: *“В нашем деле надо использовать еще и то обстоятельство, что в стране отрицается существование организованной преступности”*.

Так на чью же мельницу льют воду ответственные молчуны?

Посмотрим же правде в глаза. Это горькая правда. Коррупция и беззаконие породили в Средней Азии организованную преступность, отрыгнули на свет божий сплоченные кланы профессиональных преступников.

Беда грядет!

Грядет и протягивает к нам свои щупальца!

ВОПРОС, КОТОРОГО НЕ БЫЛО

Блаженные времена. СССР на стройке: зажигаются огни Днепрогэса, встают корпуса Магнитки, самолеты с красными звездами осваивают Арктику, старый ребусник сочиняет шараду на модное слово "индустриализация". В литературном поезде, идущем к Восточной Магистральной, советский журналист Паламидов беседует с мистером Бурманом. Американца (как и нынче) больше всего интересует в СССР еврейский вопрос.

— У нас такого вопроса уже нет, — объясняет Паламидов.

— Но ведь в России есть евреи?

— Есть.

— Значит, есть и вопрос?

— Нет. Евреи есть, а вопроса нету.

Неужто в начале тридцатых, когда Ильф и Петров написали "Золотого тельца", вопроса и в самом деле не было? Сомнительно. Как-то бедный ребусник сочинил для другого модного слова "теплофикация" строку: "А третий слог, досуг имея, узнает всяк фамилию еврея." И что вы думаете? Шараду не взяли. Если бы всяк, кто имеет досуг, должен был угадать фамилию француза или, положим, перса, — дело другое. А еврея...

И правильно: нежелательные ассоциации. Стоило уважаемому Митричу из Вороньей слободки услышать про айсберг, и он мгновенно зажегся: "Айсберг! Это мы понять можем. Десять лет как жизни нет. Все Айсберги, Вайсберги, Айзенберги, всякие там Рабиновичи".

Ладно, оставим тяжкий еврейский вопрос. Десять лет — слишком малый срок, чтобы разгрести все завалы прошлого. Вот и затаился этот проклятый вопрос в щелях общества. А другие вопросы? Нет, в то замечательное время национальных вопросов вообще не было. Ни украинского — хотя украинцы, безусловно, были. Ни белорусского, ни грузинского, ни татарского. Ничего этого не было и быть не могло, поскольку революция дала на них исчерпывающий ответ. Интернационализм, дружба народов.

1. Уроки рыбной ловли.

Небывшее становится бывшим.

Восьмой съезд писателей прочно вошел в историю. Не страстным осуждением "проекта века": идею поворота северных рек громили не только писатели. И не призывами к гласности "без берегов", речь-то ведь шла всего лишь о том, чтобы берег не торчал у писателя перед глазами, не застилал горизонт. Писательский съезд шагнул в историю в ту минуту, когда полупочтенный Сергей Михалков заговорил о рассказе В.Астафьева "Ловля пескарей в Грузии". Момент и в самом деле был исторический. Небывшее стало бывшим, вдруг обнаружилось, что благополучно похороненный вопрос жив и здоров.

Ну, не совсем вдруг. Что-то такое мы слышали про национальные волнения в Эстонии и в Целинограде, про аресты на Украине. Но пока об этом говорилось шопотом, мы вольны были верить и не верить. Теперь это было сказано публично.

От камня, брошенного в воду, волны бегут не только вперед, но и в стороны, и назад. Всего через несколько лет после того, как был написан "Золотой теле-

нок”, по бескрайним просторам Сибири и Дальнего Востока замелькали телячьи вагоны. Поезда застревали на станциях, и толпа глазела на задранные теплушки, на красноармейцев с винтовками, овчарок. Теплушки взрывались криком: “Воды!”, в зарешеченных окнах появлялись скуластые детские лица. Ругань, лязг затворов, лай.

Даже мы, мальчишки, знали, что это корейцы и везут их в Казахстан. Но зачем? Мир для нас делился на красных и белых, трудящихся и эксплуататоров. Корейцы, жившие на Дальнем Востоке, были трудящимися — значит, красными. О них писали газеты. Рыболовецкие артели, корейские колхозы, лук и соя, легендарный женишень. Кто же эти враги, которым добродушные красноармейцы не разрешают передать воду?

“Никакие они не корейцы, — сказал проходивший командир. — Замаскированные японцы.” В это как-то трудно было поверить (откуда столько японцев?), но мы успокоились. Японцы были по ту сторону барьера: банзай, тесаки, самураи...

К концу войны появились особые народы — народы-изменники. Чеченцы и ингуши, крымские татары, калмыки, балкарцы. О немцах Поволжья и говорить нечего. Никакого отношения к национальному вопросу они, конечно, не имели. Просто среди этих людей было много пособников фашизма. Так что, наверное, им самим было удобнее жить не в Поволжье, не на Кавказе или в Крыму, а в Казахстане — подальше от тех, кто хотел превратить их в пособников.

Потом, после войны, были понтийские греки, были, наконец, безродные космополиты. К тому времени мы уже привыкли и нелепых вопросов не задавали. Греки вполне могли стать пособниками других греков, из Греции, или фашиста Тито. А космополиты были пособниками всех сразу: и международного сионизма, и буржуазного Израиля, и американских империалистов. Космополиты отрицали все: преимущество отечественных “зилов”, приоритет Можайского, достоинства пьес о новаторах, особую прелесть российских ухабистых дорог...

Дружбе народов это, понятно, ничем не грозило. Очищаясь от греков, космополитов, литовцев, западных украинцев, мы еще больше укрепляли дружбу народов, утверждали свое право называться интернационалистами.

Так неужто какие-то пескари?.. Ну, Астафьев неудачно выразился, грузины обиделись, а Михалков и Троепольский извинялись, не желая раздувать в общем-то мелкий, глубоко нетипичный конфликт. Однако заветное слово “национальный” уже было сказано вслух. И пошло-поехало. Оказалось, у всех есть претензии. У украинцев: что-то нехорошее происходит с родным языком в театрах, детских садах, школах. У латышей: напряженная демографическая ситуация, престиж родного языка падает, вопрос, кого издавать в Латвии, решается почему-то в Москве. У армян: жителей Закавказья в кино и литературе изображают гротескно; дошло до того, что некий юморист “попытался создать среднеарифметический образ среднеазиата-кавказца”.

Но самое поразительное, что претензии обнаружились и у русских. На изничтожение исконных русских деревень пожаловался Василий Белов. Об особой форме дискриминации русских поведал съезду Валентин Распутин. “И уж совсем младенцем я оказался в национальном вопросе. Я касаюсь деликатной и, похоже, запретной для русского человека темы...”

Семьдесят лет строилось светлое здание Дружбы Народов, семьдесят лет кипел котел, сплавливая русских, украинцев, казахов, грузин в новую историческую общность — советский народ. А теперь выясняется, что нации сохранились и чувствуют себя в этом здании неуютно. И не только те народы, которых сплотила навеки великая Русь, но и сами русские. Как-то знакомый специалист по внешней торговле втолковывал мне загадочную механику СЭВ, Совета экономической взаимопомощи. “Представляете, — говорил он, — сотрудничество в рамках СЭВ невыгодно абсолютно всем участникам организации, все они несут потери. Возможна, по-вашему, такая ситуация?” Я сказал, что сомневаюсь. Ан нет: возможна.

Присмотримся внимательнее к тому пассажи в "Ловле пескарей", который так возмутил грузин. "Как обломанный, занозистый сучок на дереве человеческом, торчит он по всем российским базарам, вплоть до Мурманска и Норильска, с пренебрежением обдирая доверчивый северный народ подгнившим фруктом или мятыми полумертвыми цветами. Жадный, безграмотный, из тех, кого в России уничижительно зовут "копеечная душа", везде он распоясан, везде с растопыренными карманами, от немытых рук залоснившимися, везде он швыряет деньги, но дома усчитывает жену, детей, родителей в медяках, развел он автомобилеманию, пресмыкание перед импортом, зачем-то, видать, для соблюдения моды, возит за собой жирных детей, и в гостиницах можно увидеть четырехпудового одышливого Гогию, восьми лет от роду, всунутого в джинсы, с сонными глазами, утонувшими среди лоснящихся щек".

Не станем спорить, насколько близко к реальности подобное описание, в любом случае оно тенденциозно. Писатель Астафьев смотрит на "спекулянта" ненавидящими глазами российского обывателя. Понятно, среди торгующих на базаре есть и узбеки, и азербайджанцы, и даже русские, но обывательская молва свела их в среднеарифметический образ "грузина". Из широкой, но еще частной формулы "спекулянт — грузин" почти автоматически выводится другая, уже вовсе общая: "грузин — спекулянт".

Писатель Астафьев понимает, что уж эта формула никак не укладывается в традиционную схему дружбы народов. Поэтому он слегка подстраховался, заметив мимоходом, что этого всем надоевшего типа, этот занозистый сучок на дереве человеческом "и грузином-то не поворачивается язык назвать". Еще недавно оговорки было бы достаточно, чтобы соплеменники Гогии утерлись и смолчали. Попробуй-ка прилюдно обвинить русского писателя в национализме! Но то ли времена нынче либеральные, то ли писатель перешел некую черту. Разразился скандал.

Странное дело. Ни фарсовый князь Гигиенишвили, ни пишущая машинка с сомнительным "турецким" акцентом никого, кажется, не задела: именно в Грузии "Золотой теленок" необычайно популярен. А печальный, почти трагический рассказ Астафьева вызвал взрыв. Неисповедимы пути литературы.

Нет. Не о литературе (во всяком случае, не только о литературе) идет речь. Совсем не обязательно быть Марксом, чтобы реально оценить описанную Астафьевым ситуацию. Самый доверчивый северный народ не станет платить втридорога за подгнивший фрукт, если в магазине можно купить свежий, да еще по умеренной цене. Проблема, очевидно, в том, что ни цветов, ни фруктов в магазине нет. Государство, у которого возможностей вроде бы побольше, чем у родителей Гогии, фрукты и цветы на Север не завозит. Кто в этом виноват, грузины?

Так же ясно, почему далекие южные фрукты попадают на север подгнившими и стоят дорого. Тому, кто везет их с юга, приходится платить многим. Не только "Аэрофлоту", но и начальству — и южному, и северному. Но и при этом полет может длиться неделями: авиационное ведомство функционирует не лучше других. Конечно, есть еще прибыль. Но разве "доверчивый" народ у себя на севере работает бесплатно? Разве не для того он приехал на север, чтобы заработать побольше?

Смешно думать, что писатель этого не понимает, что он искренне верит, будто во всем — в высоких ценах на базаре, в автомобилемании, в пресмыкании перед импортом — виноваты грузины! А если сам он не верит, но уверяет нас, читателей, то это уже серьезно. За семьдесят лет советской власти столько взрывного материала накопилось в народе, что не дай Бог поднести — не факел, спичку.

Разумеется, не в одних грузинах дело. Грузины, как мы говорили, образ собирательный, среднестатистический. В бедах России, утверждает автор "Ловли", виноваты инородцы. И местные, и те, что по другую сторону границы. Особенно американцы. "То цветочек с овсом, то колорадский жучок с картошкой, то варроатоз на пчел, то картиночку с голыми бабами-вампирами, то нашлепка на фирменные штаны переучившемуся волосатому придурку с надписью отдельного батальона, спа-

лившего живьем детей в Сонгми, — буржуи ничего нам даром не дают, все с умыслом.”

Винить в наших бедах заграничных буржуев или даже собственных инородцев, понятно, безопаснее, чем советскую власть. Но я не думаю, чтобы Астафьев руководствовался столь примитивными соображениями. Все тут сложнее. Многие, очень многие отождествляют советскую власть с властью русских. Так что тот, кто сегодня ткнет пальцем в советскую власть, рискует попасть в русский народ. Не знаю, насколько привлекает Астафьева нынешний режим. Однако русский народ он любит, — кто в этом усомнится!

2. К вопросу о киргизах, оказавшихся казахами.

Лавки и стулья.

Инженеров человеческих душ нередко упрекали в том, что, замкнувшись в писательском треугольнике (ЦДЛ, поликлиника, Дом творчества), они утратили связь с жизнью страны, перестали ощущать ее напряженный пульс. Ничего подобного. Сейчас уже просто не верится, что года полтора назад национального вопроса официально не было, что это именно писатели сказали, что он существует.

Самое яркое свидетельство его остроты — события в Алма-Ате. Тут важно не то, сколько машин было перевернуто и сколько людей ранено. Важна исходная — да и конечная — ситуация. Снятый со своего поста секретарь ЦК КП Казахстана Кунаев был баем, а бай, по определению Ильфа и Петрова, плохой человек. Даже очень плохой. Это был советский бай — самодовольный, наглый, циничный, свободный от ограничений, которые когда-то налагали на бая религия, традиции, обычаи народа.

Конечно, плохо было везде. Однако в Казахстане было хуже, чем везде. Хуже с жильем, с продуктами питания и товарами, с поступлением в университет, с продвижением по службе. Тысячи и тысячи казахов должны были молиться Богу, чтобы этот идол с кривой усмешкой рухнул. Они и молились. Ровно до того момента, как стало ясно: на место этого сатрапа назначен человек по имени Колбин.

Вряд ли кто-нибудь в Казахстане знал, кто такой этот Колбин. Уже по одному этому от него можно было ждать перемен к лучшему — тем более, что хуже было некуда. Но любые здравые соображения мгновенно отступили перед ужасающим фактом. Колбин — русский.

Даже если бы ничего больше не было, одна только эта история заставила бы о многом задуматься. Специалисты по национальному вопросу срочно ищут причины: формализм в пропаганде, подмена интернационального воспитания громкими фразами, ножницы между словом и делом, политическая незрелость молодежи, деятельность подстрекателей. А думать надо совсем о другом: о провале национального политики. Провале тем более наглядном, что произошел он в Казахстане — республике, где сами казахи в меньшинстве, а их национальные чувства только пробуждаются. Созданный первоначально как Киргизская АССР Казахстан лишь в 1936 году был преобразован в союзную республику. Может быть, именно отсутствием опыта национального самоутверждения объясняется взрывная реакция в Алма-Ате. Характерно, что и якуты, у которых не было этого опыта, пытались решить национальный вопрос кулаками.

Прибалтийцы, украинцы, грузины, крымские татары хорошо знают, что так просто вопрос не решается. Демонстрации в Риге и в Москве, о которых подробно рассказано в этом номере, поражают своей организованностью. Никаких эксцессов. Все в рамках правил. И в то же время абсолютная четкость позиций. Направление рижской демонстрации — монумент Свободы. Требования: воздвигнуть памятник депортированным латышам, прекратить политику русификации и преследование инакомыслящих. Национальные костюмы. Венки и букеты с лентами, на которых написаны первые слова гимна независимой Латвии...

Если в рижской демонстрации участвовали многие тысячи людей, то в демонстрации крымских татар на Красной площади — "лишь" несколько сот. Однако разница тут только количественная. Просто латыши демонстрировали у себя дома, а крымские татары, у которых "дома" нет, — в Москве. В силе их национального чувства, в готовности вести борьбу вряд ли кто сомневается.

И в других местах дело обстоит совсем не так благополучно. Националистические группы в Армении, аресты активных мусульман в Узбекистане, особо жестокое преследование националистов на Украине, столкновения в Чечено-Ингушетии... Есть и менее заметные, но тоже достаточно серьезные признаки. До конца пятидесятых все переписи показывали постоянный рост числа людей, переселяющихся в Среднюю Азию из России. Затем начался отлив. С 1959 года процент русских во всех республиках Средней Азии и Кавказа непрерывно падает: люди чутко улавливают изменения в атмосфере (подробнее об этом — "Страна и мир", № 2, 1987 г.).

До недавнего времени о подобных тенденциях писали лишь в специальной литературе. Но сейчас обстановка такова, что кое-какие факты выплеснулись в массовую печать. 28 марта "Правда" напечатала большую статью члена-корреспондента АН СССР О.Трубачева "Славяне. Язык и история". Материал на столь академическую тему начинается совсем не академически. Из автономной республики Северного Кавказа приехала в Москву женщина, которую обеспокоило "более чем скромное положение русских в этих национальных краях". "Ее основная мысль, — констатирует автор, — не расходится с научно фундированными представлениями экономистов и социологов."

Да что там Кавказ. Выясняется, что даже в столице нашей Родины русский человек не чувствует себя спокойно. "Чего только не услышишь, причем не по секрету, а прилюдно на шумном перекрестке, — пишет в редакцию читательница-москвичка, — что "Слово о полку Игореве" — подделка, что русский язык — протатаренный... что и русские-то — не русские, а некое "смешение", что "до Петра Первого был мрак, лавок даже не было, верней, лавки-то были, а вот стульев не было". Эти горе-проповедники порой даже не скрывают своего сожаления, что слепая судьба обрекла их говорить на русском языке."

Комментарии ученого откровенно анекдотичны. Все дело в том, что русских заела... скромность. "Увы, эта поговорка "скромность заела", — на полном серьезе рассуждает Трубачев, — кажется, специально придумана самими русскими про себя самих".

Тут можно было бы сослаться на другие пословицы: о старухе и прорухе или насчет коня, который о четырех ногах. Но статья академика, прежде чем ее напечатали, наверняка прошла немало инстанций. Так что факт ее появления в "Правде" о многом свидетельствует. И прежде всего — о растерянности, даже панике в верхах, о полной неподготовленности этих верхов к восприятию реальности, созданной существованием в стране "национального вопроса".

Только в июне советское руководство — притом на самом высоком уровне — дважды пыталось как-то осмыслить эту проблему. В начале месяца второй секретарь ЦК КПСС Е.К.Лигачев, выступая на совещании в Грузии, уделил национальному вопросу необычайно много времени. Однако единственная его оригинальная мысль свелась к тому, что "как известно, противоречия свойственны всякому развитию, неизбежны они и в сфере национальных отношений". Объяснил... Рецепты? Рост "национальных отрядов рабочего класса" "целесообразность расширить участие республики и прежде всего ее молодежи в освоении новых районов страны, в частности Сибири и Дальнего Востока", "целенаправленное формирование национально-русского двуязычия".

Затем вопрос о волнениях в Алма-Ате обсуждался на заседании Политбюро. Выяснилось, что "прежнее руководство допустило извращения в реализации национальной политики". "Партийные комитеты существенно ослабили работу по интернациональному и патриотическому воспитанию... Любое проявление шовинизма и национа-

лизма, национальной замкнутости и чванства должно рассматриваться как посягательство на наше величайшее завоевание — братскую дружбу народов". Наконец, "интернационализм на деле должен проявляться прежде всего в наращивании вклада Казахстана в единый народнохозяйственный комплекс страны".

Если в этом подходе можно усмотреть нечто новое, то лишь в очередности слов "шовинизм и национализм". В партийном жаргоне такая очередность означает, что главную опасность власти усматривают все-таки в русском национализме (шовинизме), что события в Казахстане отразили какие-то глубинные процессы, присущие не одной этой республике. Просто здесь они протекали острее, ибо казахи сильнее других ощутили, что в своем родном доме они оказались в меньшинстве.

С другой стороны, и русский народ как будто не удовлетворен своим положением "первого среди равных". И не только, повторю еще раз, в Средней Азии и на Кавказе, но даже в Москве. Характерно, что именно в Москве возникло получившее ныне чуть ли не мировую известность национальное историко-патриотическое объединение "Память", а основные его претензии относятся как раз к тому, что происходило и происходит в столице.

Думаю, незачем анализировать политическую платформу "Памяти", — тут все ясно. Отмечу лишь моменты, которые как-то остались в тени. Первый: в претензиях, предъявленных "Памятью" от имени русского народа, есть немало справедливого. Это признают и авторы критической статьи "Куда уводит Память", напечатанной 3 июня в "Известиях". "На вечерах, — пишет газета, — не ставилось практически ни одного вопроса, который задолго до этого не ставился бы учеными, писателями, общественностью. Ставили широко и остро в печати, в письмах к руководству партии и страны, самим этим руководством на самых различных форумах, совещаниях". Вполне вероятно, что так оно и есть. Но ведь то, что вопросы эти ставились многими, как раз и доказывают, что они важны и актуальны.

Второе. Важнейшая отличительная черта объединения — демагогия. Демагогия недвусмысленная, открытая, кричащая. В одной руке — томик Ленина, лозунги перестройки, ссылки на империализм, ЦРУ, сионистов; в другой — иконы, портретики царской семьи и Столыпина, знамена России... Разумеется, все газеты, писавшие о "Памяти", не жалели резких слов. Однако — странное дело — почти во всех газетных статьях ощущалась какая-то скованность. И это понятно. Советским газетам, может быть, впервые за всю их историю, пришлось иметь дело с собственной демагогией. До предела упрощенной, вульгарной, ставящей точки над *i* там, где их лучше бы и не ставить, но — собственной. Сионисты, ЦРУ, великая Русь и ее анонимные противники, темные силы, противящиеся перестройке, — это было и есть. Вспомним. "Наш враг нас разгадал. Их не пугает наша ядерная мощь. Они не начнут войну. Их волнует одно: если у нас разовьется демократия, если у нас получится, то мы выиграем. Поэтому они начали кампанию против нашего руководства любыми средствами, вплоть до террора". Это, простите, не "Память", это сказал М.С.Горбачев в прошлом году в беседе с писателями.

И, заметьте, ему не возражали. Как не возражают и авторам статей о происках сионистов в Афганистане. Никто не спрашивает, откуда взялись сионисты в стране, где всего 18 (восемнадцать) евреев? Что они там делают? С какой целью? А так как эти вопросы не возникают, то можно ли сомневаться в намерении сионистов взорвать Москву с помощью линий метро, проложенных по приказу сионистского агента Лазаря Кагановича?..

И третье. Деятельность "Памяти" разворачивалась постепенно. В конце прошлого и начале нынешнего года объединение устроило серию тематических вечеров, на которых и докладчик, и слушатели несли чистый бред. Власти молчали. И вот в начале мая в центре Москвы, у Манежа, активисты "Памяти" провели демонстрацию. Милиция не вмешивалась. Народ, атаковавший трех евреев-отказников с самодельным плакатиком: "Отпусти народ мой", тоже безмолвствовал. "Участников демонстрации, — уважительно сообщают "Известия", — в тот день принял в Моссо-

вете кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь МГК партии Б.Н.Ельцин и ответил на их вопросы”.

Эпоха гласности? Странно, однако, что до самого последнего времени ни мне, ни моим друзьям ни разу не попадались на глаза сообщения о приеме высоким начальством кого бы то ни было из инакомыслящих. А ведь в чем состояло инакомыслие? Одни критиковали положение в экономике и выступали за перестройку. Другие добились соблюдения конституции (советской, не американской). Третьи — самые радикальные — призывали к революционным переменам. Все эти люди (предшественники Горбачева?) пострадали за свои убеждения. Было бы, наверное, только справедливо, если бы их тоже кто-то принял, выслушал, ответил на вопросы. Увы.

Похоже, что советскому руководству (включая нынешнее) неформальное объединение “Память” чем-то ближе, чем правозащитники и иные диссиденты, позволившие себе хотя бы на полмиллиметра опередить прогресс. Чем же, интересно, ближе: демагогией, интересом к истории, требованием пересмотреть доктрину дружбы народов?

3. Откуда он, голый человек на голой земле?

Диалектика власти и порабощения

Конечно, создателем всех доктрин официально считается Карл Маркс. Но высказывания классика по национальному вопросу приводятся редко. То, что покойный не жаловал евреев, чехов, румын, — полбеда, это, знаете ли, даже и неплохо. Однако русских он, черт возьми, тоже не жаловал; приведенные нами слова читательницы-москвички по поводу “смещения” и допетровского “мрака” вполне могли быть сказаны Марксом. Основоположник был не то чтобы расистом, упаси Бог, но испытывал отчетливые симпатии к одним народам и антипатии — к другим. Народы, как и классы, делились для него на революционные и реакционные, склонные и не склонные к пролетарской революции. Последних он недолюбливал и уверял, что им суждено исчезнуть.

Так что творцом ленинской национальной политики был не Маркс, а “чудесный грузин”. Правда, когда дошло до дела, этого кудесника пришлось изрядно корректировать. Инородцы, как справедливо заметил Ленин, вообще часто пересаливают по части великорусскости. Сам Владимир Ильич этим не грешил. Для него мир был окрашен не в национальные, а в четкие классовые цвета. Ленину принадлежит идея и о двух культурах в каждой национальной культуре.

Как известно, в оценке национального характера Октябрьской революции есть две крайние точки зрения. Согласно одной, революция была по преимуществу делом “инородцев”, которые силой навязали русскому народу чуждую ему западную модель. Другая позиция исходит из того, что советский строй — явление специфически русское, и государственная политика по отношению к инородцам была естественным продолжением и развитием колониальной политики государства российского.

При желании каждую из этих (по видимости — полярных) точек зрения можно подкрепить массой доказательств. Скажем, непропорционально большой процент нерусских (евреев, поляков, латышей, китайцев и пр.) среди вождей и активных участников революции, гонения на православную церковь, безжалостное уничтожение памятников русской старины. Доводы из другого ряда: захват Украины, Средней Азии, Закавказья войсками, в которых преобладали русские, выпячивание русского народа как “первого среди равных”, кровавая русификация, искоренение ислама, иудаизма и пр.

В действительности советская национальная политика не укладывалась ни в одну из этих схем. Во-первых, потому, что хотя национальный аспект, безусловно, присутствовал в революции, он никогда не был в ней главным. Октябрьская революция,

нравится нам это или нет, была явлением социальным. Ее участники (и сторонники, и противники) мыслили в иных категориях. Попытки приписать им сегодняшние национальные страсти так же нелепы, как рассуждения о "классовом чувстве" Спартак...

Во-вторых, советская национальная политика была настолько густо окрашена демагогией, что многие элементы демагогии стали составной частью самой политики, — по крайней мере именно так их воспринимали многие из тех, кто проводил ее в жизнь. Наконец, сама эта политика на разных этапах советской истории не оставалась неизменной. Если вначале в ней преобладали, условно говоря, интернациональные мотивы, то позднее акценты были заметно смещены в сторону "социализма с русским лицом".

Конечно, зигзаги национальной политики зависели от многих факторов — в том числе и от личных пристрастий очередного вождя. Однако определяющим моментом всегда оставалась власть, задача ее сохранения в руках класса, который стал господствующим. Класс этот был интернациональным; уже по одному этому чисто национальные задачи не были для него главными. Они всегда были подчинены верховной цели. И если конкретная направленность политики менялась, то эти перемены носили скорее тактический характер. Если на каком-то этапе власть видела свою основную задачу в разрушении русских национальных традиций и охотно использовала в борьбе с ними любых "инородцев", то позднее она опиралась на эти самые традиции в войне с немецким национал-социализмом, в защите режима от западных влияний, от центробежных сил внутри самой империи.

Знание этой "диалектики" позволяет понять сложную, порой причудливую механику советской национальной политики, отделить главное в ней от частного, случайного, субъективного. Строю нужен был человек атомизированный, голый человек на голой земле. Человек, лишенный всяких связей: с внешним миром (со своей землей, со своей лавкой), со своим классом, с прошлым, с культурными и религиозными традициями. Естественно, что в период коллективизации и индустриализации новая власть сосредоточила основные усилия в национальной сфере на борьбе со всем русским. В конце концов именно русские были теснее других связаны с прежним порядком вещей, с землей. Они были в дореволюционной России господствующей нацией; русская история и культура были в стране определяющими, православие было официальной религией государства, русский язык — единственным государственным языком.

Борьба эта была не просто жестокой, но нередко и бессмысленной. Сама формула "двух культур" оставляла неограниченный простор для произвола. У людей же, возглавивших борьбу, фанатизм обычно сочетался с невежеством. Статуя царя представлялась им символом самодержавия, церковь — курительной опиума для народа. Конечно, к разрушению памятников русской старины приложили руку люди разных национальностей — включая и евреев, и поляков, и латышей. Но нелепо искать в их действиях подавленные национальные комплексы или изощренную мстительность. Чего нет, того нет. Все было проще и обыденнее, а может быть, и страшнее; такова была политическая установка, логика утверждения власти.

Конечно, установка эта относилась не только к русской культуре. До революции в России (не считая Бухарского эмирата и Хивинского ханства) было 26 тысяч мечетей; сейчас их 450. У меня нет данных о количестве синагог. Но кто же не знает, как синагоги превращались в конюшни, склады, в театры, во что угодно, — если их просто не сносили. Да, еврейские и мусульманские памятники не разрушались. Но только потому, что их не было...

Начало нового этапа советской национальной политики датируется довольно точно: 1934—1936 гг. Напомню, что в августе 1934 года были написаны "Замечания товарищей Сталина, Кирова и Жданова по поводу школьных учебников по истории СССР и новой истории"; в январе 1936 г. они были опубликованы. Думается, тридцать четвертый год — дата не случайная. К тому времени стало ясно, что национа-

лизм Гитлера себя оправдал, что эта по видимости примитивная демагогия обладает ни с чем не сравнимой притягательностью. Две родственные (и потому враждебные) системы всегда работали по принципу сообщающихся сосудов. Было бы странно, если бы Иосиф Виссарионович не использовал передовой опыт братской партии.

Понятно, это произошло не сразу. Не так-то просто было перечеркнуть интернационализм и концепцию двух культур, заменив их апологией всего русского. Даже в годы войны национализм оставался по преимуществу оборонительным. Но уже в первые послевоенные годы он приобрел наступательный заряд. Именно тогда Шамиль превратился из вождя национально-освободительного движения в вульгарного агента турок и англичан, а Россия стала родиной слонов.

И опять-таки не стоит усматривать здесь внезапный всплеск любви к России. И Сталин в роли поборника русского духа, и Бухарин в роли противника — все это одинаково гротескно. Речь идет о другом: об изменении тактики. Если герой известного анекдота колебался вместе с линией партии, то сама эта линия колебалась сообразно с потребностями момента. Некогда главную опасность представляли силы, связывающие русский народ с его прошлым, — с историей, культурой, традициями; теперь центр тяжести переместился: народы, выведенные властью из культурного небытия, обрели собственные амбиции, им стало тесно в жестких рамках "дружбы".

В рамках русской империи? Вопрос поставлен не вполне корректно. Есть много признаков того, что с некоторых пор власти непрочь поставить знак равенства между советским и русским. Эта политика продиктована, по-моему, не столько идеологией, сколько соображениями практическими, утилитарными. Империи не нужны люди, чересчур отягощенные собственным языком, привязанностью к месту рождения, к религии, к культуре. Технически удобнее, чтобы все они говорили на одном языке и были готовы без вздохов и сожаления свободно перемещаться по всему пространству страны, а если понадобится — и дальше. Естественно, что этим общим языком должен быть русский. Не потому, что он — русский, а не казахский, а потому, что исторически этот язык на всей территории империи распространен больше других.

Однако, коль скоро выбор состоялся, власти и здесь не могут допустить никакого инакомыслия, никакого отклонения от генеральной линии. Почему, собственно, украинцы держатся за украинский язык, а азербайджанцы предпочитают арабский или, на худой конец, латинский алфавит? С позиции практических нужд империи это вредно, с политической точки зрения — подозрительно и опасно. Так что для советской власти русификация — не самоцель, а средство. Средство оторвать человека от его национальных, культурных и религиозных корней. Средство советизации.

Парадокс в том, что демагогия влияет на ее носителей: изначально безнациональная власть русифицируется. Разумеется, не в том смысле, что она становится русской, начинает выражать интересы русского народа. Просто ей, теряющей идеологическую опору, очень хочется идентифицировать себя с чем-то прочным, устойчивым, вечным. Огромный народ с его многовековой историей — вполне подходящий объект для такой идентификации.

4. Древнее искусство ворожбы.

Назначение не состоялось

Появление историко-патриотического общества "Память" связывают с гласностью. По времени так оно и есть: в нынешней разноголосице голос "Памяти" звучит почти естественно. Ясно, однако, что идеология, которая только теперь заявила о себе громко, сформировалась достаточно давно, в шестидесятые годы. Ясно и другое: с самого начала эта линия пользовалась неофициальной, но достаточно мощной поддержкой в верхах.

Я понимаю, что любое серьезное обозначение этого бреда — "линия", "идеология" звучит комично. И тем не менее мы, несомненно, имеем дело с определенной позицией. Уже не первый год советскому руководству предлагают принять на вооружение идеологию русского национализма.

Своя логика тут, несомненно, есть. Марксизм-ленинизм выдохся. И не только как теория (это бы еще полбеды), но и как идея, способная кого-то объединить, вдохновить, вести. Это стало ясно в первые же дни войны. Обнаружилось, что призраки прошлого — Александр Невский, Суворов, Кутузов — для народа куда реальнее, чем светлое настоящее и великолепное будущее.

Так что, повторяю, мысль заменить знамя новым (или старым) совсем не кажется дикой. Подобная замена позволила бы решить и ряд частных, но тоже существенных проблем. Скажем, крови, пролитой за годы советской власти. Все грехи можно за просто списать на западную идеологию, на тех же евреев, поляков, грузин и прочих, которые навязали нам глубоко чуждые русскому народу идеи, нравы, обычаи; осуществляли террор; разрушали церкви, испоганили матушку-Москву; внедрили торгашество, потребительство. Словом, вконец околпачили "доверчивый северный народ".

Конечно, спустить один флаг и поднять совсем другой и просто, и непросто. Но сторонники замены, надо отдать им справедливость, вовсе не торопятся и не требуют крутых поворотов. Они согласны ждать, они проявляют готовность к компромиссам, они понимают, что поворот должен быть плавным. То же общество "Память" — при всей своей примитивности — выработало недурную модель сосуществования идеологий. Ленин и царская семья, лозунги в поддержку перестройки и Георгий Победоносец, гласность и бесчисленные враги: ЦРУ, сионисты, масоны...

Пропорции гибкие. Если понадобится, одно можно выпатить, другое затушевать. Эти люди отнюдь не фанатики. Они учитывают расстановку сил. В руках у партии все: милиция, КГБ, армия, мощный пропагандистский аппарат. А у патриотов? Пока только лозунги, смутная идея взаимопроникновения, сращивания социализма с национализмом. Социализм с русским лицом.

Кто-то наверху явно ворожит этой публике. Не раз и не два журнал "Наш современник" печатал статьи, прямо ревизующие узловые моменты идеологии: оценку Радищева, декабристов, Пушкина. И что же? "Сам" Суслов мягко пожурил журнал проказников, кого-то освободили от должности и перевели на новую — с повышением. И раскритикованный за искажение истории Пикуль, слава Богу, не пропал. В порядке компенсации за критику ему преподнесли скромный орден. После этого еще смеют кричать, что мы не гуманисты!

А вот тем, кто выступал против патриотов, фатально не везло. "Новый мир" Твардовского долго дразнил гусей, позволяя себе показывать те стороны нашей жизни, о которых тогда, при тех нормах гласности, полагалось помалкивать. Власть долго гневалась, шипела, делала угрожающие жесты. А переполнила чашу терпения капля совсем другого состава. Журнал напечатал вполне правоверную статью А.Дементьева, где автор критиковал национализм с марксистских позиций. Количество, в полном соответствии с Энгельсом, мгновенно перешло в качество. Старый "Новый мир" приказал долго жить.

Еще выразительнее эпизод с А.Н.Яковлевым, который в начале семидесятых был первым заместителем заведующего отделом пропаганды ЦК. Был и перестал быть: в 1973 году его неожиданно назначили послом в Канаду. Конечно, посол — не лифтер. Но и не первый зам. Знающие люди говорили, что ничего неожиданного тут не было. Незадолго до этого Яковлев опубликовал в двух номерах "Литературной газеты" статью с анализом "националистических отступлений" от марксизма. Статью большую, безукоризненно аргументированную, с полным набором цитат из классиков. Спорить было невозможно, и Яковлев отправился за океан.

Тот, кто ожидал, что прямо вслед за этим произойдет "смена вех", разумеется, ошибся. Не то чтобы Брежнев и К^о верили в марксизм, но это была привычная,

испытанная идеология, и они выросли в представлении, что в нее надлежит верить. Учитывалось, наверное, и вполне практическое соображение. Апостолы национализма держались лояльно. Чувствовалось, однако: стоит подпустить их к власти, и сам Леонид Ильич поедет послом в Уганду...

В 1985 году Яковлев стал заведующим отдела пропаганды, позднее секретарем ЦК, кандидатом в члены и, наконец, членом Политбюро. Но это вовсе не означало, что партия, наконец, сделала выбор в пользу ортодоксального марксизма. Вернее будет сказать, что розыгрыш этой козырной карты признан пока несвоевременным, вариант решено сохранить про запас, на всякий пожарный случай. Не этим ли следует объяснить деликатность властей? С теми, кто их действительно не устраивает, они ведь и сейчас не церемонятся.

Это мнение разделяют многие. На дискуссии в Центральном экономико-математическом институте АН СССР некоторые из выступавших допускали возможность провала перестройки, но не с возвращением к застою а ля Брежнев, а с переходом к неосталинизму. "В качестве первых признаков такой возможности, — читаем мы в первом номере информационного бюллетеня "Гласности", — отмечается организация и активизация — прежде всех других общественных групп — национал-шовинистов. Заметим, что именно им разрешены собрания в зданиях райкомов, в Колонном зале. Не здесь ли формируется идеологическая основа для будущей реакции?"

5. Сколько можно стоять на голове?

Следует ли из всего сказанного, что автор решительно отвергает Георгия Победоносца, предпочитая ему мухинскую чету с серпом и молотом? Нет, дело вообще не в символах. Пожалуй, даже в серпе с молотом я не вижу ничего худого — символика труда. Дело, наверное, в том, какой смысл люди вкладывают в тот или иной символ, какую программу они предлагают. Что и говорить, опыт с серпом и молотом у нас ужасный. А что предлагают нам взамен: возврат к ценностям дореволюционной России? Думаю, что такой возврат невозможен, это утопия. Попытки же осуществить утопию всегда кончались трагически. Особенно в многонациональной стране, где пресловутый национальный вопрос и без того запутан до предела.

Все было бы проще, если бы советская национальная политика укладывалась в одну из привычных схем — скажем, колониальную. Но она не укладывается. Видимое преобладание на командных постах русских, общая политика русификации и пр. странном образом сочетаются с преимущественным развитием окраин, льготами для национальностей, с тем, что, грубо говоря, в Грузии народу живется легче, чем в самой России.

Нет, это не колониальная политика, а какая-то другая, и в любезные нашему сердцу схемы она не вменяется. Вообще то, что мы видим и знаем, — лишь малая часть айсберга, ибо на протяжении десятков лет на самую эту тему было наложено строжайшее табу. Я не случайно начал с цитат из "Золотого тельника". Еще в двадцать девятом году еврея можно было назвать евреем, а не лицом еврейской национальности; симпатичного американца — сионистом; можно было спокойно цитировать Митрича: "Айсберги! Вайсберги! Десять лет как жизни нет..." Ныне, в эпоху гласности, о таком вольнодумстве и помыслить страшно. Вот и приходится писателю Астафьеву изливать свои чувства в частных письмах, а другому писателю, Распутину, — извиняться за то, что он касается темы, "запретной для русского человека".

А почему, собственно, запретной? Потому что плоды этой политики оказались удивительно горькими. Для всех: для казахов, грузин, евреев, русских. Все чувствуют себя обделенными, у всех есть основания для обид и претензий. В том числе и взаимных. Кто делал революцию? Кто воевал в гражданскую войну? Кто раскулачивал, кто сажал? Кого сажали? А делали, воевали, раскулачивали, а затем садились в тюрьму представители всех народов: Россия страна многонациональная.

И еще один, может быть, самый тяжкий вопрос: что делать? В самой стране этот вопрос вслух не обсуждают, обсуждают его в эмиграции. "Единая и неделимая", — твердят одни. "Всем отделиться", — требуют другие. Однако прежде чем решать, надо бы, наверное, здраво рассудить, что к чему. Высказать взаимные обиды, проанализировать обстановку, понять, как вышло, что совместная жизнь народов, издревле живущих рядом, для всех стала адом. Или, кроме плохого, было и хорошее? Если да, то зачем же его терять?

С этого, с открытого обсуждения национальных проблем, по-моему, и следует начинать. Ограничение должно быть только одно (установленное, кстати, законом): запрет разжигать расовую и национальную ненависть. Я не думаю, что условие это невыполнимо. Если, к примеру, Виктор Астафьев считает, что комментировать Толстого и Достоевского должны русские, — пусть его. Тем более, что он не оригинален: нечто в этом роде утверждал Владимир Жаботинский.

Без такой открытой дискуссии все мы обречены на блуждание в темном лесу. Известно, например, как сильны сепаратистские настроения в Северной Ирландии и чего добиваются баски. А насколько сильны такие настроения у грузин и к чему стремятся казахи? Боюсь, что этого никто не знает. Все мы оказались в плену общих слов, смутных эмоций, глухой, не находящей выхода ненависти. Даже самый вроде бы информированный из нас человек, М.С.Горбачев, демонстрирует в этом вопросе фантастическое невежество. Не так давно он объявил, например, что в цивилизованном обществе не должно быть места ни сионизму, ни антисемитизму. Сионизм, насколько мне известно, — это программа создания (теперь, очевидно, сохранения) еврейского национального государства; антисемитизм — ненависть к евреям. Что тут общего? С тем же успехом Михаил Сергеевич мог бы сказать, что в цивилизованном обществе нет места ни для бузины в огороде, ни для дядьки в Киеве.

Я понимаю, что обсуждение национальной проблемы будет нелегким: за годы глухого молчания накопилось столько взрывчатого материала, что разговор вряд ли удастся удержать в рамках академической дискуссии. Но какие, скажите, проблемы не вызывают накала страстей. Деятельность ЧК—ОГПУ—НКВД—МГБ? Коллективизация? Экономика? Проблемы экологии?

За семьдесят лет насильственного внедрения утопии самые разные вопросы были поставлены с ног на голову. Вернуть их в нормальное положение невероятно трудно. И все-таки делать эту работу надо, ибо сколько же можно стоять на голове?..

Ася ИГНАТЕНОК (Мюнхен)

БУНТ В ГАРЕМЕ

Попробуйте сказать кому-нибудь, что коренное население Грузии или, скажем, Литвы отказывается читать газеты на своем национальном языке и требует подписки на центральные русскоязычные издания; вас поднимут на смех. Куда легче поверить, что на "Правду" подписывают "добровольно-принудительно", в виде обязательного дописка к газете на родном языке.

А вот в Белоруссии — наоборот. Большинство белорусов, во всяком случае, в городах, предпочитает "Советскую Белоруссию" и "Знамя юности" (на русском языке) белорусским газетам "Звезда" и "Чырвоная змена", которые довольствуются ролью "довеска". Возникает сразу два вопроса: во-первых, почему белорусы отрекаются от своего языка — и, по-видимому, от национального самосознания, и во-вторых, почему советская власть силком заставляет их все-таки принимать какую-то дозу национальной "микстуры"? Если не вдаваться в исследование исторического процесса, а взять его "готовый результат", на первый вопрос ответить нетрудно: белорусский язык сегодня белорусам просто не нужен. Обучение в городах, от детских садов до университетов,

— на русском языке: родной белорусский в школах изучают как иностранный и по возможности (например, дети военнослужащих) стараются от его изучения освободиться; все делопроизводство в учреждениях, вся техническая документация, научная жизнь, издания мировой литературы — на русском. Даже большинство вывесок. Русский язык выгоден, хороший русский язык — престижен, необходим для карьеры.

Естественной средой, где не задумываясь говорят по-белорусски, остается деревня. Но деревня стремится в город; в 1975 году городское население республики впервые перевалило за 50%. В деревне человек, говорящий по-русски, — "городской", "непростой": аристократ. И наоборот, горожанин, говорящий по-белорусски, — "деревенский", что значит: простой, необразованный, отсталый. И вот — на пути к совершенству — большинство горожан уже не знает родного языка и говорит на смешанном русско-белорусском, который приезжие из России наивно принимают за "туземный" и часто делают вывод, что белорусский язык — это испорченный русский, русский с ошибками и грубым акцентом, а белорусского языка как такового просто нет.

Более того, средний слой белорусского населения, приученный к абсолютной необходимости русского языка (и русской культуры) в практической жизни, соблазненный сходством двух языков, легко поддается соблазну самоидентификации с русским народом: вначале безоговорочное признание всего русского лучшим и высшим, чем белорусское и всякое другое национальное в Советском Союзе, затем утрата национального самосознания, и в конце концов — с высоты своей "русскости" — пренебрежение к другим народностям СССР. То есть быть русским — престижно. То есть налицо явная русификация, ассимиляция в чистом виде.

Таков "готовый результат" исторического процесса, и высокие московские власти могут по праву гордиться этим результатом, считая Белоруссию образцово-показательной республикой: "национальной по форме и социалистической по содержанию". Социалистической по содержанию — то есть до предела русифицированной, льнущей к имперской метрополии, к нации господ, и в то же время по форме — только по форме! — сохраняющей видимость национальной республики, что так удачно камуфлирует национальную политику Москвы. Чтобы сохранить эту видимость, много не нужно: несколько белорусских школ и театров; издание белорусских авторов на родном языке; часть времени вещают по-белорусски радио и телевидение; ну и наконец, та самая "добровольно-принудительная" подписка на белорусские газеты и журналы, при помощи которой власти стремятся продемонстрировать кипучую национальную жизнь в республике. Мало вам? С точки зрения властей — вполне достаточно даже для оправдания отдельного членства БССР в Организации Объединенных Наций...

И все же остается вопрос, один из самых щекотливых вопросов "марксистско-ленинской национальной политики". В самом ли деле ассимиляция белорусов — следствие добровольного народного волеизъявления? Действительно ли белорусы "сами не желают учить своих детей в белорусских школах", — тезис, аналогичный тому, который был использован как предлог для ликвидации еврейской культуры в СССР? Или же — центральная московская власть бдит и в корне пресекает всякие попытки белорусского народа вывести национальное сознание за пределы санкционированной "формы"?

На этот вопрос красноречиво отвечает недавняя рецензия журнала "Коммунист Белоруссии" (№ 5, 1986) на книгу белорусского историка К.И.Тарасова "Память о легендах. Белорусской старины голоса и лица", — рецензия, которая, собственно, и побуждает меня высказаться.

Книга Тарасова, как сообщается в рецензии, "броско" оформлена; "она вызвала интерес как у массового читателя, так и среди ученых... на прилавках магазинов долго не залежалась", и белорусские историки на страницах солидных республиканских изданий, слегка покритиковав, все-таки дружно ее одобрили. Добавим, что книга Тарасова была издана необычайно высоким для такого рода литературы тиражом — 30 тысяч экземпляров. Другими словами, есть все основания полагать, что белорусская общественность — и молчаливое большинство, и обладающее административной властью меньшинство — автора поддерживает, идеи его разделяет или по крайней мере доброжелательно ими интересуется. В том числе и специалисты по белорусской истории, которой эта книга посвящена.

Но вот кому вся эта история чрезвычайно не понравилась, так это журналу "Коммунист Белоруссии" — а может, не журналу, а руководящим "коммунистам Белоруссии", а может, и не Белоруссии... В рецензии ощущается некорректный привкус раздражения, заставляющий предполагать, что академическое исследование историка трактуется политрукотством как диссидентский бунт.

Диссидентских — особенно националистических — выступлений в Белоруссии, по сравнению с другими республиками, почти нет. Но и здесь есть еще одна среда, помимо деревни, где говорят по-белорусски и где дорожат национальным самосознанием. Это творческая, особенно гуманитарная, интеллигенция, которая постепенно, на протяжении примерно 15 последних лет, приобретает все большее влияние. Они и есть белорусские диссиденты; для них просто разговаривать по-белорусски в автобусе — уже вызов властям и ассимилянтам, — все равно что слушать на улице "Голос Америки".

Разрозненные и достаточно робкие проявления белорусского национализма присутствуют в книгах современных белорусских прозаиков — Быкова, Короткевича и других, в стихах молодых поэтов, которые по наивности и вдохновению позволяют себе больше, чем маститые, и подвергаются внушениям на страницах литературно-критических журналов. Но за историка К.Тарасова взялся не научный, а директивно-политический журнал: события глубокой старины вдруг оказались исключительно злободневными, а историческая наука — мишенью политической идеологии.

"Одним из главных недостатков книги "Память о легендах", — пишет "Коммунист Белоруссии", — является фактическое отрицание единства происхождения белорусского и русского народов, стремление доказать, что белорусская народность возникла независимо от общности восточно-славянских племен, объединенных в древнерусском Киевском государстве". Тарасов, говорится в статье, "взялся перепевать зады разного рода фальсификаций истории и националистических извращений". Такая формулировка в годы охоты на "нацдемов" равнялась бы смертному приговору.

Что же хранится, по Тарасову, в народной "памяти о легендах"?

— Указания на то, что украинская и белорусская народности сложились независимо от великорусской еще до возникновения Киевской Руси, которая, таким образом, не была "колыбелью будущих трех народов". Киев был украинской столицей, а у белорусов были свои города — Полоцк, Туров, Минск, которые уже во времена крещения Руси вели самостоятельную политику: воевали, объединялись в княжества и, самое главное, активно не желали состоять в одном государстве с восточными "братьями-славянами".

— После создания в 1569 году Речи Посполитой, куда вошла и Белоруссия в составе Великого княжества Литовского, Россия вела непрерывные войны, стремясь захватить белорусские земли и навязать белорусам православие вместо созданной в 1596 г. униатской церкви. Когда в XVIII веке Белоруссия была присоединена к Российскому государству, ее положение заметно ухудшилось. Ни о какой прогрессивности этого аншлюса не могло быть и речи, потому что Россия была отсталой, в ней господствовали произвол и жестокость; русские войска грабили белорусское население, тогда как польские короли его защищали; Россия отторгла часть исторически белорусских земель, среди которых — "как напрашивается вывод из неясных текстовых формулировок" Тарасова — были даже Смоленск, Брянск и Новгород-Северский.

Такова, согласно рецензии, крамольная версия белорусского историка. В официальной же "советской исторической науке давно утвердилась общая концепция" совершенно иного рода. А именно (мы продолжаем цитату): "На основе восточно-славянских племен сперва сложилась единая древнерусская народность со своим единым Киевским государством (IX—XII вв.). Великорусская же, украинская и белорусская народности возникли... после распада единой Киевской Руси. По новейшим данным советской исторической науки, белорусская народность сложилась в XIV—XVI вв." И далее автор рецензии привычно декларирует советские прописи: едва родившись, не успев как следует оглядеться в новом и страшном мире, она моментально осознала социальный, национальный и религиозный (католический) гнет, а также свою неразрывную историческую связь с русским народом — и стала бунтовать, требуя отпустить ее под крылышко батюшки-царя: "Народные массы Белоруссии видели единственный выход из своего

невыносимого положения под гнетом Речи Посполитой в воссоединении с Русским государством”.

Да ведь все это — дела давно минувших дней, скажете вы, что же сегодня-то из этого следует? А вот что.

Если белорусы всю свою историю либо были с русскими, либо сильно тяготели к ним, то и сегодня они должны гордиться не своей национальной стариной, а общим — с великим русским народом — историческим прошлым.

Если войны России против Речи Посполитой в XVI—XVII веках за белорусские земли отвечали национальным чаяниям белорусов, то войны эти “были исторически оправданы и носили прогрессивный характер”, как разъясняет “Коммунист Белоруссии”. Так что и сегодняшнее состояние Белоруссии в качестве одной из “сестер старшего брата” (или, может быть, точнее — одной из жен в его гареме?) есть продолжение исторической традиции и полное осуществление вековых народных чаяний.

И наоборот: если Тарасов прав, если общего исторического достояния не было, то какая же за него может быть гордость? И если Белоруссию никогда не влекло к семейным узам с русскими, то что она делает в “братской семье народов” сегодня? Тем более что она заплатила за присоединение еще и своими территориями...

Концепция официального журнала полностью отвечает советской великодержавной политике: полное и безусловное оправдание всех былых захватов. Не позволяя историкам даже усомниться в справедливости этой политики, хотя свести их роль к придумыванию благовидно звучащих оправданий империалистической экспансии, причем беззастенчиво именуют такой подход (цитирую рецензию) “умением владеть ленинской методологией анализа социальных процессов”.

В статье “Коммуниста Белоруссии” эта концепция приводит к полному отрицанию исторической самостоятельности белорусского народа. До XIV—XVI веков “общее национальное достояние” с русскими; в XVI—XVII века — борьба за возвращение в лоно России; в XVIII в., наконец-то, присоединение к русскому народу, и далее в том же духе — до наших дней. Выходит, что белорусов как нации вовсе не было никогда, а стало быть — и нет! Так стоит ли удивляться столь смелой — и успешной — ассимиляторской политике государства в этой республике? В течение 70 лет народ уговаривают, что он — почти что призрак, и если бы не советская власть, которая все же поддерживает его национальную самостоятельность, то белорусы давно бы исчезли или даже вовсе не возникли бы никогда. Феноменальное великодушие: украсть у народа и прошлое, и настоящее, запретить даже “память о легендах”, позволить ему лишь теоретическое существование и при этом еще принимать позу оскорбленного благодетеля.

Конечно, если белорусы в самом деле произошли от русских, как Ева из ребра Адама, то по всем божеским законам они связаны неразрывно и навеки. Сказано же в Библии: “...и к мужу твоему влечение твое”.

Однако в последние столетия наблюдаются необратимые изменения в этике супружеских отношений. Случаются нарушения заповеди, бывает, что жена желает жить отдельно или что “влечение ее” не к мужу...

В дружном гареме советских народов происходит бунт. Книга Константина Тарасова вполне беспристрастно фиксирует это на примере Белорусской ССР. Белоруссия устами своего историка объявила, что она желает жить сама по себе, что никакого супружеского счастья не было, а был насильственный захват и сущее притворство. ●

ЛОВУШКА ДЛЯ ФИЛА ДОНАХЬЮ

Открытое письмо американскому телеобозревателю

Уважаемый г-н Донахью!

В феврале 1987 года газета “Известия” опубликовала обширное интервью с вами и вашим советским коллегой Владимиром Познером. Высказывания Познера меня не удивили: они вполне предсказуемы. Но вот ваша позиция, позиция профессионального

американского тележурналиста, явилась для меня неожиданностью, коей я и хочу с вами поделиться.

Прежде всего — проблема подбора советских участников телемостов. Судя по тому, что в беседе с корреспондентами "Известий" вы дважды останавливаетесь на ней, опровергая мнение некоторых американцев, полагающих, будто советскую аудиторию подбирает КГБ, — проблема эта весьма существенна для вашего авторитета в США. Иное дело у нас: даже если перед началом каждого телемоста диктор уведомлял бы нас о том, что все советские участники прошли соответствующую проверку в "компетентных органах", это никак не сказалось бы ни на популярности вашего друга-оппонента, ни на его гонорах. Однако в США, насколько я могу себе представить, ситуация в корне другая, и потому я беру на себя смелость успокоить американских телезрителей и одновременно подтвердить ваши слова: вы действительно вольны в выборе советских участников. Тем не менее — объективности ради — мне представляется важным обратить ваше внимание на два обстоятельства.

Во-первых: между тем, как вы, г-н Донахью, произвели свой беспристрастный отбор, и началом очередного телемоста проходит достаточно времени. Достаточно для того, чтобы "компетентные органы" провели с отобранными соответствующую разъяснительную работу. Если бы вы чуть лучше знали нашу действительность, такое предположение не показалось бы вам чрезмерным.

Вообще же в этом отношении вы находитесь в худшем положении, нежели ваш советский коллега: свою юность Познер провел в США (кстати, в краткой известинской справке "Кто есть кто", в которой приводятся основные вехи ваших биографий, этот факт почему-то даже не упомянут). И хотя жил он там не так уж недавно и не слишком долго, однако вполне достаточно для уяснения, пожалуй, главной особенности, присущей большинству американцев. Их критическое отношение к собственному правительству — тенденция столь давняя, а ощущение себя гражданином США столь самодостаточно, что позволяет им высказываться даже о своем президенте безо всякого пиетета, часто весьма иронично, а то и зло. Причем мнение свое — по причине все той же самодостаточности — американцы не считают нужным скрывать от кого бы то ни было. Даже от враждебных иностранцев, коими, по нашему мнению, как раз мы, советские люди, и являемся. Поэтому Познеру нет нужды заниматься тщательным отбором американских участников телемостов: он и без того знает, что их мнение по обсуждаемым проблемам будет откровенным, а главное — *независимым*.

У вас же, г-н Донахью, положение иное и, надо сказать, незавидное. Ибо наша традиция — совсем другая. Именно ее, эту древнюю русскую традицию, я имею в виду, говоря о втором обстоятельстве, которое вам стоило бы учитывать при отборе советских участников телемостов. Издавна мои соотечественники относились к иностранцам с враждебной подозрительностью, а уж о том, чтобы предстать перед ними в невыгодном свете, не могло быть и речи. Об этой нашей традиции вы, г-н Донахью, могли бы прочесть в трудах практически всех русских историков, от Карамзина до Ключевского, а также у многих русских писателей. Если же их произведения для вас почему-либо недоступны, ту же традицию вы легко могли бы обнаружить в работах многих западных публицистов прошлого (от Джильса Флетчера до маркиза де Кюстина) и настоящего. И тогда вы бы поняли, что ваша "объективность", — за нее в ходе беседы с корреспондентами "Известий" вас постоянно похвалает Познер, — эта "объективность" как раз и ведет к ловушке, в которую, по словам "некоторых американцев", вас "заманивают". Чтобы понять это, от вас требовалось немного: хоть немного знать нашу историю и нашу нынешнюю действительность. Знание это позволило бы вам быть *предвзятым*, поскольку именно профессиональная журналистская предвзятость — отнюдь не в негативном значении этого слова — заставила бы вас потрудиться и найти для участия в телемостах тех (пусть немногих) советских людей, кто не во всем и не всегда "за". Тех, кто не

побойтся бесед с представителями "компетентных органов" (кстати, я вовсе не утверждаю, что такие беседы непременно) и кого груз наших традиций не подавил окончательно. А ведь такие есть, уверяю вас! И вы, г-н Донахью, просто обязаны были проявить свою *предвзятость*, с тем чтобы отыскать их, ибо только в таком случае вы продемонстрировали бы *подлинную объективность*. Отказавшись от таких поисков, вы сделали свой первый шаг к ловушке.

Надо сказать, что из всех телемостов более всего мне понравилась передача с участием — уже с советской стороны! — семьи Локшиных. Вы были энергичны, напористы, а ваше желание выяснить мнение детей о решении Локшина лично мне кажется оправданным: в конце концов Локшин-старший свой выбор сделал. Причем хорош он или плох, этот выбор, но сделан он был явно по политическим мотивам, поскольку на земле пока еще осталось немало нейтральных стран, куда можно перебраться, не желая жить в США. В этой ситуации точка зрения детей Локшиных хотя и предсказуема ("комплекс Павлика Морозова" вряд ли широко распространен на их родине), однако сочувственного интереса не лишена.

За этот вполне понятный интерес вам пришлось расплачиваться, г-н Донахью, в "Известиях" вы весьма жалко оправдываетесь, унижая тем самым и себя, и тех американцев, кто вместе с вами участвовал в беседе с Локшиными. Да, вы правы: американская аудитория была агрессивной, а чета Локшиных пыталась "оградить своих детей" от ее вопросов (традиционно советская черта воспитания: максимально лишить детей самостоятельности, не дать им возможности высказать свое мнение, чтобы они не сказали ничего лишнего). Но почему за это нужно оправдываться? Разве цель телемостов — притворные улыбки и похлопывание друг друга по плечам?

Да и вообще все напечатанное от вашего имени в "Известиях" выглядит довольно жалким. Вы в обороне, вы оправдываетесь. Не знаю, известен ли вам один из основных законов советской прессы: любая беседа должна быть завизирована ее участниками. Вероятно, и вы читали интервью с вами еще в рукописи. Вот только — как? Русского вы не знаете (Познер и в этом отношении — в более выгодной ситуации). Кто-нибудь переводил вам текст? Вероятно, все тот же Познер? А ведь перевод — штука тонкая, нюансов тут множество: незначительное смещение акцентов — вольное или невольное, — и вместо уверенного в себе американского тележурналиста перед советским читателем предстает Фил Донахью, каким он вряд ли понравился бы американцам — заискивающим, чуть ли не кающимся, только тем и озабоченным, чтобы произвести хорошее впечатление на богатого и влиятельного родственника. Большая фотография, коей открывается в "Известиях" ваш "Диалог о диалоге", лишь подтверждает вашу необъяснимую зависимость от Гостелерадио. Неужто вы сами ее отобрали и одобрили? Познер на ней, с указующим перстом, направленным в ваш живот, — весь обвинение и укор, а вы, прижав руку к груди, — само подобострастие.

Как вы думаете, г-н Донахью: понравилась бы эта фотография вашим соотечественникам, доведись им ее увидеть? Кстати, у нас в Москве ходит упорный слух, будто Познер был особенно настойчив в том, чтобы именно вы были его партнером по телемостам, и не соглашался ни на кого другого. Так ли это? И если так, то чем, по-вашему, это объяснить?

Но допустим, фотографию вы заранее не видели, а за русский перевод вашей части "Диалога..." ответственности не несете. Однако свалить все на недобросовестность перевода вам было бы все-таки непросто, поскольку из текста совершенно очевидно ваше стремление к максимальной лояльности, граничащей с конформизмом. Создается даже впечатление, будто вы с Познером получаете зарплату в одном окошке. Вероятно, даже вашему советскому коллеге стало неловко за отсутствие с вашей стороны хотя бы видимости несогласия с мнением "советской общественности". Во всяком случае, Познер пытается за вас привести явно недостающую в "Диалоге..." долю критicismа по отно-

шению к СССР: он говорит о том, что "был шокирован", когда в письмах советских телезрителей по поводу программы с участием Локшиных "впервые столкнулся с настоящим антиамериканизмом". Этот антиамериканизм, считает Познер, — результат того, что люди "получают определенную, конкретную долю информации. Одного вида информации больше, чем другого". И в данном случае, утверждает Познер (в полном соответствии с духом нашего перестроечного времени и с поступившими на сей счет руководящими указаниями), "это наша ошибка, ошибка советских журналистов".

Как же все-таки легко вас провести, г-н Донахью! Такой вот красивой, многозначительной фразой, за которой, по западным, привычным для вас меркам, — основы независимой прессы, а по нашим — фикция. Ибо различных видов информации у нас нет, она у нас одна, единая, раз и навсегда определенная "генеральным курсом". И вместо того, чтобы поддакивать Познеру, вы бы лучше внимательно просмотрели любой советский журнал или газету. Вы бы обнаружили, что антиамериканизм, которым якобы так возмущен Познер, является у нас ведущим принципом освещения всех внешнеполитических событий. Ну, вот хотя бы тот же номер "Известий" с "Диалогом о диалоге": из 30 материалов на внешнеполитические темы (в том числе о событиях в соцстранах) 12 так или иначе касаются Соединенных Штатов. И все двенадцать — *все!* — пронизаны антиамериканизмом. Та же тенденция определяет внешнеполитическую тематику прочих наших средств массовой информации.

Откровенно говоря, решение Локшиных перебраться в СССР кажется мне идиотизмом. Такого же мнения (я знаю это) придерживаются многие мои соотечественники. Отыскать их и поговорить с ними вы, г-н Донахью, не сумели. А жаль. Но в конце концов эмиграция Локшиных — их личное дело. Личное дело людей, имеющих свободу решения и выбора. А возмущение американцев этим решением и реакция на это возмущение моих сограждан меня не удивляют: я давно пришел к выводу, что в психологии обывателей двух наших держав много общего. Это общее определяется воздействием на психику эпитета "великий": "великое государство", "великий народ", "великая миссия" — выражения из пропагандистского лексикона обеих стран.

Безусловно, есть и отличия. В частности, при явно гипертрофированном чувстве патриотизма, свойственном жителям обеих наших "сверхдержав", американской его разновидности сопутствует критическое отношение к недостаткам своего общества и отсутствие страха перед тем, что об этих недостатках узнают "посторонние". Вот недавний пример: некто Джо Маури, безработный из Нью-Йорка, был гидом советской съемочной группы и весьма зло комментировал некоторые аспекты американской жизни. Фильм "Человек с Пятой авеню" уже несколько раз показывался советским телезрителям, Джо Маури побывал у нас в гостях и вернулся на родину, причем все обошлось без каких бы то ни было "санкций" со стороны американских властей. И хотя неприязненное к себе отношение многих американцев он, вероятно, ощутил в достаточной мере (американцы и тут похожи на нас), тем не менее Джо Маури, ни на кого не оглядываясь, сделал то, что считал нужным.

А теперь, г-н Донахью, попробуйте представить себя участником аналогичных событий. Судя по известинской преамбуле, вы на сей раз приехали в СССР, чтобы подготовить для американского телевидения несколько фильмов о нашей стране. В них, утверждаете вы, "я рассчитываю поделиться со своими зрителями некоторыми впечатлениями о вашей жизни, культуре, о политических проблемах — от семейных до проблемы прав человека". И вот допустим, что вам повезло, и для своих фильмов вы нашли "советского Джо Маури" — моего соотечественника, который согласился стать вашим гидом и показать вам кое-какие уголки советской действительности: квартиры для "простых советских людей" (сравнимые разве что со знаменитыми у нас американскими трущобами) — и великолепные жилые дома в старинных переулках самого центра Москвы (дома эти либо обнесены веселенькими заборчиками — довольно, впрочем, вы-

сокими, — либо без них, но в любом случае и днем, и ночью ходят вокруг них неприемлемые молодые люди); убожество магазинов — и роскошь (по нашим меркам, разумеется) распределителей и "Березок"; нищета народного здравоохранения — и просторные больничные палаты с одной, максимум двумя широкими кроватями в каждой, с цветными телевизорами и "индивидуальными" медсестрами... Словом, контрастов, на которые так падки дорвавшиеся до Америки советские журналисты, у нас хватает. Впрочем, можно обойтись и без назойливых контрастов. Я думаю, американским телезрителям были бы любопытны казенность официальных собраний, скудость нашей духовной жизни, особенно заметная в провинции, тупость и хамство нашего чиновничества на любых его уровнях... Короче говоря, достойного внимания у нас много, не только ВДНХ и балет. И если бы вам, г-н Донахью, удалось найти у нас такого гида, который показал бы нас не только с парадного входа (а это, уверяю вас, хотя и трудно, но все-таки возможно; во всяком случае ненамного труднее, чем советской съемочной группе отыскать Джо Маури), то — как вы полагаете — что бы с ним стало?

Ответить на этот вопрос легко. Однако ответ — из области предположений, и потому от него можно уклониться. Но вот вы с гордостью перечисляете вопросы, которые были заданы американцами советской аудитории: "о южнокорейском самолете, об Афганистане, Польше, о правах человека, об отказниках, о диссидентах..." И что же? Многие ли были ответов, в которых выражалось — не осуждение, нет, — но хотя бы несогласие с действиями советского правительства?

Ни одного!

Неужто такое единодушие не наводит вас на грустные размышления, г-н Донахью? К примеру, ситуация с южнокорейским самолетом: не стало ли вам страшно после ответов моих соотечественников, оправдывающих убийство ни в чем не повинных людей во имя каких бы то ни было "государственных интересов"? После этого оправдания, более того, после обещаний и далее в аналогичных ситуациях действовать так же, — о чем вообще можно разговаривать с нами?..

К счастью, повторяю, есть среди нас люди, думающие иначе. Их немного, но они есть. И в том, что американская телеаудитория не увидела и не услышала их, получив таким образом полное право судить о нас как о варварах, не стесненных общечеловеческой нравственностью, — в этом значительная доля и вашей вины, г-н Донахью.

Путь к ловушке обычно недолог, и в известинском "Диалоге..." вы успеваете пройти его полностью. Вот что вы преподносите нашим читателям "на закуску": "Однажды речь зашла об отказниках — людях, которым не дают возможности уехать из вашей страны. Вопрос непростой для Советского Союза. И вот я спросил Владимира (Познера) во время передачи: почему вы не дадите им возможности уехать? И он сказал: "Я согласен. Пускай едут, если им не нравится здесь. Пусть уезжают. Если бы это зависело от меня, я бы им позволил уехать". А именно такого рода ответы формируют наши отношения".

Вы ошибаетесь, г-н Донахью: отношения формируют не ответы, а поступки. Но главное даже не в том, что вы удовлетворились красивой словесной эквилибристикой. Вам даже в голову не пришло полюбопытствовать: почему, собственно, поехать куда-то и вернуться должно быть проблемой в стране, считающей себя цивилизованной? Не задав этого вопроса себе и Познеру, вы продемонстрировали тем самым вполне социалистический образ мышления. Поэтому ваше несогласие с теми американцами, которые говорили вам: "тебя заманивают в ловушку", — наивно. *Вы уже в ловушке.* ●

И выбраться из нее непросто.

Публикуемая ниже заметка перепечатана нами из вышедшего в свет в начале июля в Москве первого номера независимого информационного бюллетеня "Гласность" (см. "Страна и мир", № 3, 1987). Бюллетень не получил официального разрешения на издание, однако не был и запрещен. Номер выпущен тиражом 50 экз.

Автор заметки — один из редакторов "Гласности", бывший политзаключенный, экономист, публицист. О нем см. "Страна и мир", № 4, 1985 г.

В ЧЕМ СУТЬ СПОРА ЭЙДЕЛЬМАНА И АСТАФЬЕВА

Письма эти¹ стали важным событием в движении современной русской общественной мысли, и уже за это спасибо — одному автору, и второму — за их прямоту, гражданскую открытость. Но показали нам эти письма не только мысли и характер авторов, — за письмами увиделось нам нечто более важное, чем частная переписка двух разгневанных писателей, увиделась тяжелая болезнь времени.

Что первое бросается в глаза? Полное отсутствие хотя бы простейших демократических навыков — и в образе мысли, и в поведении. Подумать только, с какой стати Н.Эйдельман обращается с личным письмом к В.Астафьеву, которому, очевидно, не симпатизирует, от которого никак не может ожидать понимания, ни, хотя бы, доброго слова? Что это: намеренная провокация? Не думаю. Причина, видимо, иная: письма Н.Эйдельмана — наблевшая потребность публичного обсуждения важных проблем русского общественного сознания, проблем понимания русской истории. Потребность есть, а где их обсуждать, эти проблемы? Напечатает ли "Литературная газета" по этим проблемам хоть бы что-то на том же уровне искренности и гражданской заинтересованности, какой видим в письмах? Или "Вопросы истории", быть может? Кто напечатает?

Напечатает какая-нибудь газета или какой журнал письмо В.Астафьева с его болью, преображенной в нечетко осознанное, а значит взброс пущенное — но все-таки и так действенное, как бы наугад бьющее раздражение? Кто напечатает?

За этой "сварой в трех письмах" просматривается иной, пока не вполне состоявшийся, — да и негде ему состояться, — но такой нужный, такой важный разговор о путях русской истории, разговор, который и останется бесплодным и раздраженным спором, пока не станет предъявленным обществу фактом существования двух мировоззренческих систем — систем, предъявленных обществу для гласного обсуждения, для осознания, для принятия или непринятия каждой — каждым, из которого только общество и состоит.

Суть спора, конечно, не в тех нескольких частных, более или менее серьезных поворотах писательской мысли В.Астафьева возле национальных особенностей современного общественного поведения.

Нет, и в постановке темы Эйдельманом, и в ответе Астафьева просматривается куда более серьезный вопрос. Вот как он обозначен у Эйдельмана (со ссылкой на Герцена): "...нельзя освободить народ внешне более, чем он свободен изнутри... Что касается всех личных, общественных, народных несчастий, то чем сильнее и страшнее они, тем в большей степени их первоисток находится внутри, а не снаружи." И судя по ответу Астафьева, именно эти строки задели его сильнее всего, именно на них он отвечает и напоминанием о царевубийстве (детоубийстве!), и его афоризм: "Мы, русские, еще не потеряли памяти и мы все еще народ Большой, и нас еще мало убить, но надо и повалить..."

Иначе говоря, вопрос поставлен так: точно ли первоисток бед, пережитых русским народом в нынешнем веке, находятся "внутри" или они, первоисток эти, первопричины, были привнесены извне и душе русского народа, русскому национальному сознанию были и остаются чужды.

Такова суть полемики — и надо бы ее не в частных письмах обсуждать, воровски передавая из рук в руки, а в широкой — самой широкой — печати. Но где там! Уже и в "Правде" (статья Ал. Михайлова) последовал окрик: как, мол, посмели предать гласности болезную проблему! И напрасно! Проблема существует независимо от того, хотят этого разрезающие чиновники или нет. И должна она быть вынесена в общественное сознание, осознана, поскольку, оставаясь в общественном под-сознании, проблема эта только вредит здоровью общества.

Лев Тимофеев (Москва)

¹ Опубликовано в самиздатском журнале "Часы" № 65 и в журнале "Страна и мир" № 12, 1986 г. — Прим. "Гласности".

СТРАСТИ ПО ГЛАЗУНОВУ

Слово *кич*, перешедшее из немецкого языка в английский, русский и некоторые другие языки, в современных толковых словарях определяется как обозначение изделий, обладающих внешними признаками художественных произведений, но внутренне чуждых искусству; этим словом называют также имитацию художественного творчества, отсутствие эстетической дистанции между мастером и потребителем, мнимое искусство, обращенное непосредственно к массовому потребителю и сознательно ориентированное на то, чтобы доставить ему сентиментальное удовольствие. Особую и находящую широкий отклик у неискушенной публики разновидность кича представляет национально-героическая и национально-мистическая живопись (и пластика), которая обычно приобретает статус официального и "народного" искусства авторитарных и тоталитарных режимов.

Здесь нет необходимости подробно говорить о творчестве Ильи Сергеевича Глазунова, одного из самых популярных и влиятельных советских художников, чьи произведения могут считаться образцом жанра, о котором идет речь. Несмотря на это или, вернее, благодаря этому дискуссия о Глазунове продолжается не одно десятилетие. Либерализация культурной жизни в СССР, по-видимому, способствовала более отчетливому размежеванию взглядов на художественную, общественную и коммерческую деятельность живописца, кисти которого принадлежат и многочисленные полотна на историко-национальную и религиозную тему, и портреты деятелей советского государства, выполненные в сходной манере. Размежевание это, как и следовало ожидать, более или менее совпадает с противостоянием либерально-демократических тенденций и современного русского национализма.

Публикуемые ниже материалы весьма ярко иллюстрируют это противостояние. Статья "Лгущее искусство или лгущая критика?" принадлежит В.Н.Осипову, в прошлом видному диссиденту, проделавшему путь от неомарксизма к национализму. Владимир Осипов родился в 1938 году. В возрасте 23 лет он был арестован за участие в антисоветской организации, отбыл семь лет лагерей строгого режима, в 1971–74 гг. выпускал самиздатские журналы "Вече" и "Земля" (об этом периоде его деятельности см. воспоминания Г.Померанца "На повороте" в нашем журнале, № 1–2, 1985). Затем он был вновь арестован, отбыл 8-летнее заключение и после освобождения поселился в Тарусе, где состоит под административным надзором и работает на фабрике.

Выступление Вл.Осипова представляет собой ответ на критику творений Глазунова. Легко заметить, что спор идет скорее о мировоззрении, об идеологии художника и его поклонников, нежели собственно об искусстве. В минувшем году советская печать поместила много статей в защиту Глазунова и против него. В дни, когда перед московским Манежем стояли длинные очереди желающих попасть на выставку картин Ильи Глазунова, газета ЦК КПСС "Советская культура" напечатала статью искусствоведа В.Кисунько, в которой читатели тоже увидели не столько эстетический анализ творчества художника, сколько критику — достаточно осторожную — его общественно-политических взглядов. Вскоре после появления этой статьи, 21 июля, о Глазунове высказалась "Правда". Статья за подписью В.Григорьев (автором ее был, как стало известно, сам главный редактор В.Г.Афанасьев) реабилитировала народно-почвенного живописца с позиций, близких взглядам В.Осипова. Когда выставка закрылась, И.С.Глазунов получил знак особого начальственного благоволения: в его квартиру, увешанную иконами и портретами членов царской семьи, была доставлена визитная карточка Раисы Горбачевой с ее автографом. Глазунов, в свою очередь, покровительствует обществу "Память", известному своими выступлениями в защиту "ленинской культурной политики" и против Сатаны.

Об авторе второй статьи, публикуемой нами, редакция сведений не имеет. Текст получен из Самиздата.

Владимир ОСИПОВ

ЛГУЩЕЕ ИСКУССТВО ИЛИ ЛГУЩАЯ КРИТИКА?

В "Московском художнике", газете малотиражной и до сей поры незаметной, 22 августа 1986 года выступили вооруженные дубинами искусствоведы: В.Костин, В.Мейланд, М.Чегодаева. Дорогу им проторил В.Кисунько. Его статья в "Советской культуре" (10.07.1986) — черная перчатка русскому национальному самосознанию. "Неизменную сомнительность концепции" обнаружил Кисунько в творчестве И.С.Глазунова. Сам критик "предпочитает первоисточники мотивам, проблемы — жонглированию ими". Заявлено с апломбом: сам Кисунько, видите ли, решает проблемы всерьез, по-умному (есть такое ходячее выражение), а Глазунов, дескать, не дорос до уровня. Первоисточники! Может быть, храм Христа Спасителя ему дороже? Или те памятники, что отстаивал Глазу-

нов? Илларионово "Слово о законе и благодати"? Любителям первоисточников так "предпочтительно" это "Слово", что оно по сей день не опубликовано на современном языке. И потом, что — мотив и что — первоисточник? Вся живопись можно назвать мотивом. Все искусство. Одни библейские мотивы занимают половину музеев. "Он (Глазунов. — В.О.) распознал нарастающий вал интереса к отечественной истории..." Художник *способствовал* в огромной степени нарастанию указанного интереса. В числе первых он повел борьбу за сбережение памятников истории и культуры. Заслуга Глазунова на ниве возрождения, как и заслуга Солоухина, Лихачева, "молодогвардейцев" рубежа 60—70-х годов, не вызывает сомнений. Ни одно его выступление в печати ("калейдоскоп безудержной рекламы") не обходится без напоминания о гбнущих памятниках или озабоченности разгулом бездарности. В "безудержной" рекламе России художнику действительно не откажешь. Но кисуньки, они не русофобы. Они только против "кваса", против живого и жертвенного чувства. Все, что идет от преданности Отечеству, для них — "псевдо". Не нравится им якобы "только" псевдо-Русь. А настоящую — подавай? Это как настоящую: без народа? Что эта чернь! Им хоть ГУМ подпирать, хоть Манеж. Прямо по Гете: "Что суетится народ, что кричит? — Прокормиться он хочет". Долгие очереди к картинам Глазунова наглядно показывают, что художник этот не по одному лишь званию, как некоторые, а воистину народный. И это так страшит Чегодаеву, что она живописцу и в живописи отказывает. Наскоки художественных критиков на Глазунова сродни полубазытым нападкам литературных критиков (с циркулем и отвесом) на Достоевского. Те же тоже отказывали великому писателю в мастерстве. У Глазунова и Достоевского то общее, что оба горят поглотившей их идеей, и это пламя так вырывается из полотен одного и романов другого, что кого не опалит огонь, не тронет и форма. Впрочем, нападают чаще не праздные формалисты, а четко знающие свою историческую задачу мастеровые. Они понаторели в словах. Пикассова "Герника" с нездоровым любопытством к развязой плоти, по мнению таких же "эстетов", — шедевр, а "Возвращение блудного сына" с высоким духовным смыслом и истинной болью — "клубничка". Юона любит народ, а Глазунова — массы. У Дейнеки и Сикейроса есть "плоть" живописи, а у Глазунова, оказывается, "нет". И откуда у таких выпренных эстетов столько вдруг плотоядности?!

Почти в тех же выражениях в другом веке другие критики поносили Крамского. По свидетельству В.В.Стасова, "знатоки фальсификации" писали, что портреты Крамского "блещут отсутствием... выразительности изображения", что среди его полотен "нет ни одной почти картины", что талант художника иссяк, обратившись "в подчиненную роль исполнителя заказов". А как почтительно Кисунько величает Корина в противовес Глазунову. Да будь Корин жив, расклевали бы его всей группой Кисунько, Мейланд и Чегодаева! Отняли бы и талант, и ум, и способность к рисованию. А пока хвалят, потому что "неизменной сомнительностью концепции" он не опасен, ибо лучшие творения Корина одиноко ютятся в обыкновенной квартире, неведомые ни народу, ни массам. Впрочем, Костин и Мейланд знаменательно проговорились: "Очень тяжелый осадок остается от фактической дискредитации прогрессивных времен "эстрадной" поэзии, к которым Корзухин произвольно приобщает Глазунова". Выходит, дело вовсе не в "массовой культуре"! Операция "Ы": сначала отбросить Глазунова в "массовую культуру", а если кто примет это за чистую монету (как наивный Корзухин), то внести "исправление", лишив Глазунова всякого места в искусстве. (Кстати, кто у нас пишет энциклопедии? Почему "эстрадный" поэт А.Вознесенский есть в БСЭ, а Илья Сергеевич Глазунов в ней отсутствует?) И пусть проповедуют вселенский надлом, относительность долга, безвредность и трин-траву, такое "массовое искусство" они оправдают и благословят.

Поразителен накал ненависти к великому русскому художнику! "Страсти по Глазунову". Аргументация практически отсутствует, в наличии одна скучная монотонная брань. Задача проста: чернить неустанно, что-нибудь да останется в ушах. Вот так: "Очень смущает и та легкость необыкновенная, с которой автор сталкивает "романтическую метафорику" Глазунова с искусством Головина, Добужинского, Сомова..." Это Костин и Мейланд одергивают Корзухина, пытавшегося сказать что-то положительное о Глазунове. Чего стоит, например, одно лежащее на поверхности сравнение "эклектичного глазуновского "Прощания" с картиной..." Вот так, походя, небрежно: "эклектично-

го"! Корзухин, по мнению критиков, пытается "пространно разглагольствовать о "почвенности" и "самобытно-национальном, простонародном сознании"...". Когда за круглым столом секции критики и искусствознания МОСХ РСФСР (29 июля 1986 г.) восхваляют ту тенденцию в искусстве последнего столетия, которую сами же именуют "прогрессивной, высокопрофессиональной, космополитически-планетарной", то они не разглагольствуют, а глаголят. Да тут страсти не по Глазунову, а по Костину-Мейланду! В поисках авторитета "критика" извлекла из частного письма Фаворского какой-то женщине мнение по поводу выставки И.С.Глазунова 1964 года: "Есть искусство не только ложное, но и лгущее". Было бы лучше для чести покойного ксилографа не извлекать из архива сие крылатое выражение с посвистом летучей мыши. Теперь геростратова известность Фаворского оспорила в нем (пусть скромного) художника. Но для хулителей Глазунова крылатое выражение это — *Deus ex machina* греческой трагедии (для искусственного разрешения конфликта): "Именно так и воспринимается нами душераздирающая патетика творчества Глазунова".

"Сергий Радонежский", "Господин Великий Новгород", "Портрет Н.В.Гоголя", "Русский Икар", "Легенда о царевиче Дмитрие", "Борис Годунов", "Загорск", "Русская земля", "Летописец", "Два князя", цикл работ о Куликовской битве, иллюстрации к Мельникову-Печерскому и Достоевскому — все это не может оставить равнодушным человека ищущего, думающего, стремящегося определить свое отношение к духовным ценностям. И в то же время все это — "душераздирающая патетика" для тех, кто, подобно Троцкому, проклявшему русский патриотизм, при всяком удобном случае изрыгает на него (прямо и косвенно) каскад ненависти. Таков и пасквиль С.Шевчука ("Вечерний Ленинград" от 13 октября 1986 г.), особо разгневанного присутствием Христа и русских подвижников на полотнах Глазунова. Столетиями, по его мнению, русские жили в дикости и невежестве. И это пишется о России на русском языке, для русских читателей! Творчество Глазунова в ее исторической национальной панораме органично включает в себя прошлое и настоящее России. Сергий Радонежский естественно соседствует с героиней "Вечера на БАМе" — тоже прямодушное и нелюбезное служение Отечеству. Разъединить эти образы идейно и стилистически — вот задача тех, кому Родина — не мать. У кого вместо Родины — "космополитически-планетарная" химера. Именно так расценили, в частности, пасквиль Шевчука сотни ленинградцев, засыпавших редакцию "Вечерки" гневными письмами за оскорбление национального достоинства.

Костин и Мейланд сетуют на портреты Глазунова: "В них нет даже намека на острые и точные характеристики. Все они словно подернуты лъстивым романтическим флером". Поиск духовно прекрасных лиц действительно характерен для художника. В этом поиске сковозит тоска живописца по России совершенной, по идеалу. Его картины, включая портреты, увлекают к той широте, немеркантильности и правдоискательству, каковые были исторически свойственны нашему народу. "Нацией воров и пьяниц" назвал русских Андрей Синявский. Что ж, если писать портреты, полные "острых и точных характеристик", то, может быть, писать их сквозь очки Синявского? За это ратуют Костин, Мейланд и Чегодаева?

Характерно единство в ненависти к Глазунову лиц, казалось бы, полярно противоположных взглядов. Искусствовед Голомшток в передаче по "Свободе" бичует Глазунова с псевдoliberalальных позиций, а Костин и Мейланд с псевдогражданской трибуны призывают дать Глазунову "должную общественную оценку", которую Чегодаева и дает: "просто реакционный "кич".". Что же связывает ревнителя абстракционизма Голомштока и стойких соцреалистов (по должности) в обход политического штатетника?

Раннего Глазунова с его изображением внутреннего личного мира, интимных взаимоотношений, одиночества в многолюдном городе, корили за "мелкотемье", отход от важных социальных целей. Но по крайней мере его не обвиняли в отсутствии мастерства или псевдочеловечности. Стоило художнику масштабнo обратиться к теме России, как сразу выросли судьи и прокуроры, вынесшие свой безапелляционный приговор: это — не художник. Святая простота немеет: как язык поворачивается называть белое черным?! Ничего, поворачивается — и довольно бойко. При этом против мнения других искусствоведов, равно как и против мнения сотен тысяч зрителей, — высокомерная спесь. Чегодаева итожит обвинительное заключение: "Итак, перед нами непреложный

факт: многие сотни зрителей усмотрели в творчестве данного художника ценнейшие качества — духовность, красоту, обращение к философско-нравственным проблемам, чувство России, внимание к русской художественной традиции и т.п." Нет, дескать, у Глазунова ни красоты, ни духовности, ни чувства России. Было время, когда это чувство приходилось таить. Теперь это время прошло. И потому сегодняшние вышибалы бьют не за русскость, а за якобы псевдопатриотизм. "Сверххрускими патриотами" именует Мейланд тех, кто не следует Шагалу, Фальку, Малевичу, кто держится исторических корней и традиций ("Московский художник", 24 октября 1986 г.). И бьют уже всех подряд: И.Глазунова, К.Васильева, А.Шилова... Между прочим, Чегодаева, оценивая "Возвращение блудного сына", пренебрежительно бросает: "Позади Христа — 'праведная Русь': Толстой, Достоевский..." (Кстати, где она там Толстого узрела?) Праведная Русь не по вкусу. Вот в чем загвоздка. С этого бы и начинать. А не мудрить по поводу "массовой культуры". Коль пошла такая пьянка, не добавит ли "до кучи" Есенина и Твардовского, этих любимцев народа или — в переводе Чегодаевой — массы? Ведь они куда популярнее и доступнее, чем Фет и Блок. И не предложить ли украинцам перевести в тот же разряд прославленного Шевченко?

Антиглазуновское ополчение сознает значимость и высоту Глазунова. Потому и воюют ретиво, не переводя дыхания. Извратить, высмеять, оболгать, унижить, охаять любимым способом: "реакционер", "черносотенец", "приспособленец", "просоветчик", "бездарность", "делец", — хула фабрикуется для использования любой социальной группой у нас и на Западе, хула на любой вкус. Это упорное и длительное ожесточение теперь вооружилось гласностью и, пользуясь моментом, атакует всеми средствами. Чувствуется одна дирижерская палочка. Публикации в "Московском художнике", "Советской культуре", "Вечернем Ленинграде", "Смене", смешки в телепередаче "Вокруг смеха", "смелые" уличные демонстрации ("Глазунов — вон из Ленинграда!", "Вон из Союза художников!"), вопли на специально организованных заседаниях критиков — все это подчинено единой цели: морально убить Глазунова, уничтожить влияние самобытно-национального творчества художника и всей его многогранной деятельности. На одном из таких заседаний (упоминавшийся выше круглый стол критиков МОСХ РСФСР 29 июля 1986 г.) экс-редактор журнала "Творчество" Ю.Нехорошев объявил Глазунова "идолом", сотворенным неразвитым вкусом народа, а сотрудник ВНИИ искусствоведения А.Якимович, автор теории двух тенденций в современном искусстве ("прогрессивной", космополитически-планетарной, и патриотической, именуемой им "узко-националистической"), связал творчество Глазунова с фашистским искусством. Совсем зарпортовались, — выходит, "Правда" защищает фашиста?! Одиноким А.Д.Корзухин, вызванный на ковер китами искусствоведения, отбиваясь от нападков за робко положительную статью о Глазунове, был заглушен воинственными криками с мест и лишен слова. Так понимают эти "антифашисты" провозглашенную гласность. Гласность для себя, намордник — для патриотов. Редакция журнала "Вечерний Ленинград", поместившая грубый смердяковский опус С.Шевчука, не только не извинилась перед читателями, но и еще готовит пилюлю: "обсуждение" этого опуса, — репетируя подобранных ораторов. А.Чегодаева и К^о перешли к активной лекционной пропаганде против художника. Уместно заметить, что ей вполне способствует снобистская уклончивость некоторых интеллигентов, имеющих "особое" (от либеральной моды) мнение о художественных средствах Глазунова.

Один ленинградский ученый (доктор медицинских наук Л.Л.Гречишкин), возмущенный пасквилем Шевчука, напомнил редакции "Вечернего Ленинграда", что "досужие критики все хоронят и хоронят художника Глазунова, все уверяют нас, что это массовая культура, что это искажение истории и действительности, — а он вот уже 30 лет продолжает творить, оставаясь верным себе, и народ все идет и идет на его выставки..." А на глумливое отношение Шевчука к религии предков ленинградец ответил с достоинством настоящего патриота: "И не пугают нас христианские образы на его картинах".

Они пугают только глушую критику. "квалифицированную", космополитически-планетарную, как она сама себя создает. Успешную за последние полтора-два десятилетия овладеть ключевыми позициями в русском искусстве, которое она и не любит, и не понимает. ●

БЕРИСЬ ЗА КИСТЬ, СПАСАЙ РОССИЮ!

Бытовые зарисовки и чуть-чуть теории

Стихийным бедствием кочует по России шовинизм, омрачает бодрую горбачевскую "эпоху возрождения". Противодействие этой черной силе почти незаметно. Но и тогда, когда оно вдруг возникает, — незамедлительно следует верховное одергивание, и газета "Правда" со свойственной ей партийной принципиальностью журит провинившегося, клеймя, например, частную переписку Н.Эйделямана "отвратительной эпистолярной гапоновщиной".

Точно так же, только несколькими месяцами раньше, бдительная "Правда" отреагировала на весьма сдержанную критику неприкасаемого правительственного кичмена советского изобразительного искусства, коим вот уже 30 лет является Илья Глазунов. В последние годы его деятельно подпирают плодящиеся как кролики салонные русичи типа здравствующих Александра Шилова и Виталия Лукьянца и покойных Константина Васильева и Юрия Ракши. Всхлипы восхищения слышатся в залах вперемешку с проклятиями по адресу инакопишущих. А инако пишут, разумеется, инакокровные. Кому же еще придет у нас на ум писать *инако*? Вот и кричит дурным голосом, с перекошенным от злобы лицом респектабельная матрона с палехской брошью на груди, придя на 17-ю выставку молодых московских художников: "Знаем мы, кого изобразил Кантор на картине "Зал ожидания"! Всегда вы уродуете русских людей и превращаете их в идиотов! Знаем мы вас, ополчившихся на русскую культуру и русский народ!.."

Критики эти так же стандартны, как и постоянны. Они возникают всюду, где представлено что-либо раздражающе-непонятное, подписанное к тому же подозрительно нерусским именем. В настоящее время, когда пишутся эти строки, специально привезенные на автобусах "трудящиеся" натравливаются на авторов Первого межсекционного творческого объединения МОСХ, развернувших интереснейшую экспозицию живописи, скульптуры и графики в районном зале Москвы. Неюдут науськанные работниками городского управления культуры (и лично Л.А.Григорьевой) "работяги", пытаясь штурмом постичь композицию Г.Брускина "Фундаментальный лексикон", серию Э.Штейнберга "Времена года" или эпатажную картину В.Янкелевского "Свет и тьма". Негодуют и грозятся "обломать художникам руки и ноги". Как знать — может, это и есть подлинный дух "перестройки", ожидающей в ближайшее время все отечественную культуру... Во всяком случае, могучий, поистине богатырский РСФСРовский напор чувствуется повсеместно, а в изобразительном искусстве в особенности. Формула этого напора проста и испытанна: "Бери холст, спасай Россию!"

Весьма симптоматично, что появился свой Глазунов и в скульптуре. Прожект Вячеслава Клыкова, представленный в Манеже в начале 1987 года на чудовищной и смехотворной выставке конкурсных проектов на главный монумент мемориала Победы, вызвал необычайный ажиотаж. Молодые патриоты из группы "Память" сорвали обсуждение, громогласно отвергая любую критику полюбившейся им клыковской эклектики, числящейся под номером 206. Подоплека негодования "патриотов" была очевидной, они ее и не скрывали. Один из старейших монументалистов, столкнувшись нос к носу с вопящим юнцом, спросил его: "Ты что же, сукин сын, против евреев имеешь?" И в ответ получил нечто сбивчивое и жалкое: "Что вы, я не против евреев, я против сиони-

стов...” Ответить, где он обнаружил их в Манеже, мальчик не смог и просто сбежал от патриарха.

Высказал свое авторитетное мнение о проекте Клыкова и писатель Валентин Распутин (“Советская культура”, февраль 1987 г.). В документальном фильме о Глазунове он также фигурирует в качестве интервьюируемого светила. Но там он по крайней мере оговаривается, что не является специалистом в области изобразительного искусства. В случае же с конкурсным ваянием Распутин непреклонен и даже воинственен: “Заведено оговариваться: мол, я не специалист, сужу лишь личным мнением, поэтому и меня прошу не судить строго. Нет, отчего же, — в отеческом чувстве я числю себя специалистом, кое-что смыслящим в порах, по которым оно втекает в душу. На Поклонной горе да склонимся перед величественным образом матери-Родины и ее многострадального народа! Искренность поклонного чувства нелишне бы учитывать и специалистам-монументалистам”. Вот так — ни больше ни меньше. А до этого пассажи мы знакомимся с литературными упражнениями Распутина по поводу достоинств проекта № 206, который есть “не просто совпадение, а улучшение и высветление твоего ощутительного образа”. “Он красив и возвышен, звучен и приветен. Как в человеке с лица читается духовность и глубина, так читаются они в общем облике памятника”. И это еще самое спокойное и, так сказать, просвещенное мнение. Большинство же клыковских почитателей при малейшем несогласии впадает в истерику и обрушивает на головы оппонентов весь мусор и неразбериху своих эстетических представлений и национальной фанаберии.

Итак, призрак сержанта Шовена гуляет по выставочным залам и страницам “перестраивающихся” газет. Рекорды из номера в номер ставит газета столичного отделения союза художников “Московский художник”. Причем пользуется она весьма ошутимой поддержкой: стоило, например, критику В.Мейланду на VIII отчетно-выборной конференции этого городского союза, проходившей 10–11 февраля 1987 года в Колонном зале Дома союзов, выступить с речью, посвященной публикациям “Московского художника”, как в зале благородного собрания начался свист и топот, сопровождаемый криками: “Долой! Кончай свою синагогу!...”

Вот часть выступления В.Мейланда:

“Московская организация Союза художников РСФСР, — утверждает доктор искусствоведения Б.Брюсова, — является творческим объединением художников Москвы, то есть преимущественно русских художников...” А отсюда тайный, но и явный вывод, что нечего тут либеральничать с инаковыми.

Все эти рассуждения озабоченных чистотой художнической расы у людей нормальных восторга не вызывают, ибо нормальные люди воспитаны на идеях интернационализма и взаимодействия культур, а отнюдь не на шовинистических лозунгах времен “Общества Хоругвеносцев” и ему подобных, слившихся впоследствии в печально знаменитый Союз русского народа. Странные у нас “славянофилы” расплодился в МОСХе на базе газеты “Московский художник”. Прошу учесть, что раньше в это понятие составной частью входило слово “любовь”. Славянофилы XIX века — будь то Алексей Хомяков или Иван Киреевский, Иван Аксаков или Юрий Самарин — были озабочены проблемами этики и нравственности, свободы и демократии. Сторонники же нынешнего курса газеты “Московский художник” славянофильствуют совсем по-другому... Согласно открытому скульптором и по совместительству “философом-просветителем” Петром Чусовитиным “принципу дополнительности” они составляют свои списки и вычеркивают все нерусские фамилии. Они же, как мольтеровский мечущий во дворянстве г-н Журден, не столько с историческим, сколько с истерическим пафосом изрекают банальнейшие благоглупости о том, что “высшее достижение прозы — поэзия”, что “Пушкин — не только Моцарт, но и Сальери”... Вообще “философ-просветитель” Чусовитин, выражаясь его же фундаментальным слогом, большой специалист “в части, касающейся поэзии”, как, разумеется, и во всех прочих архитектурных и исторических “частях”. Казенные штампы в соединении с обильными цитатами, от “старого профессора Гегеля” до Николая Васильевича Гоголя, ведут Чусовитина к зияющим “вершинам национального духа” (название статьи Чусовитина. —Л.С.). Не исключено, что наш молодой профессор мнит себя произносящим вслед за Достоевским великую пушкинскую речь. Но тут я вынужден вернуть Чусовитину его же цитату из Александра Иванова, которой он побивает не кого-нибудь из современников, а революционеров-разночинцев XIX и отчасти XX века: “Всякая идея только тогда и сильна, когда еще не выдана на словах”. Чусовитин же на словах полно-

стью выдает себя и любезную его сердцу газету, которой скоро впору будет подумать о смене девиза "Пролетарии всех стран, соединяйтесь!" на знаменитую самодержавную триаду, гласящую, помимо прочего, о православии и народности.

Я знаю, что в актив газеты ставилась публикация моей (совместно с В.Костиным) статьи "Страсти по Глазунову". Но в том-то все и дело, что статья эта была напечатана не благодаря, а вопреки главному редактору Бычкову. Прележав в редакции более месяца, она увидела свет под давлением общественности и председателя МОСХ О.Савостюка. Другими словами, все, что не близко Бычкову, все, что идет вразрез с его реликтовой идеологией, все обречено на торможение, оттирание, а то и вообще хоронится в дебрях редакции... Зато без задержки печатаются анонимные шутки вроде "толкового новогоднего словаря", где понятие "крестовый поход" расшифровывается как "общее собрание секции критики и искусствознания"... В газете, выходящей один раз в неделю, при огромном дефиците печатной площади, неведомый миру поэт И.Гринюк публикует целый столбец отнюдь не безобидного рифмованного вздора. Например: "Критик, слепой от махистской трахомы, пишет статью "Содержание формы". Дальше стихотворец пространно негодует задним числом: "Люди свергли самодержавие, и в дни наибольших душевных затрат те, что в форме нашли содержание, преподнесли им черный квадрат". А в самом конце с пафосом уточняет: "Быстро сменяли друг друга "измы", односезонны, как вешний пух, а дух, что взрастили русские избы, древний и здравый, — он к фальши глух". О том, какого сорта эта поэзия, я лучше промолчу, но как искусствовед скажу, что негоже в конце XX века в очередной раз мордовать Малевича и весь русский авангард, да еще именем русских изб...

В этом месте Мейланд был прерван. Недовольство выразил президиум благородного собрания, где руководящие бонзы Союза художников — Н.Пономарев и Т.Салахов — сочли неуместным разговор о национальных проблемах. Значительная часть зала требовала продолжения выступления В.Мейланда. Было проведено даже специальное голосование. Но группа живописцев (около ста человек) попросту заглушила попытки оратора продолжить свою речь.

Общественный климат столицы характеризует и обстановка, в которой 29 июля 1986 года проходил так называемый круглый стол критиков на тему "Популярный художник в зеркале прессы". Организованный непосредственно после публикации статей В.Кисунько в "Советской культуре" и А.Григорьева в "Правде" (обе статьи появились в связи с персональной выставкой И.Глазунова в Манеже), этот круглый стол заседал почти как военный совет. Участников пропускали строго по списку и специальным приглашениям. Тем не менее уже на следующий день Глазунов знал все его подробности и изрек свое резюме о "банде московских искусствоведов".

Сверхпатриотическое искусство Глазунова за тридцать лет существенных изменений не претерпело. Глазки его томных красавиц и красавцев как пучились на первых портретах 50-х годов, так и продолжают пучиться и увлажняться слезой во все последующие десятилетия. Конфетная "красота" всегда была типична для всех персонажей Глазунова — от вьетнамского солдата до западного дипломата и любых иных элитарных персон всех стран и народов. Художник предложил как бы выездной вариант салонного кича, доходящий до размеров росписи в ЮНЕСКО. Весьма характерно, что наиболее полно действие его картин проявляется тогда, когда они собраны вместе, а выставка проходит в атмосфере скандала, запрета или крамольности, окутывающей хотя бы одно произведение. Отлично зная об этих рычагах воздействия на массовое сознание, Глазунов каждый раз, как поленья в огонь, подбрасывает в костер зрительского интереса тематические композиции вроде "Невидимого града Китежа", "Склада", "Гимна героям", "Прощания" и т.п. И как ни странно, сокрушительное воздействие такого рода шедевров почти не убавляется, что дало повод М.Алпатову справедливо констатировать: москвичи, вставшие в очередь "на Глазунова", не выдержали экзамен по искусству. Не выдержали этот экзамен и тысячи жителей Ленинграда и Сибири, в очередной раз прельстившись картинами ужасов и прочего патриотического "сюра".

И все-таки, судя по нескольким дозволенным публикациям в московских и ленинградских газетах, что-то нарушилось в охранительном идеологическом механизме. Вероятно, начало этому перелому положило самоубийство жены Глазунова. Трудно ска-

зять, что заставило ее выброситься из окна его мастерской. Но если женщина, мать двоих детей, просит подруг по телефону позвонить позже, так как "дьявол дома", то вывод, возможно, напрашивается сам собой. Однако и эта трагическая история пошла на пользу Глазунову. Некто Петр Петрович, называющий себя соучеником и телохранителем Глазунова, доверительно рассказывал в Манеже всем желающим, что "Илья Сергеевич — человек удивительно добрый и доверчивый" и что это "врачи-евреи дали его жене возбуждающее лекарство, и она выбросилась". В те же дни в Москве стала известна история "инструктажа", учиненного в Манеже искусствоведам-экскурсоводам добрым и доверчивым Ильей Сергеевичем. Зайдя перед открытием своей выставки в экскурсионное бюро, он произнес — дословно — следующее: "Здравствуйте, мои дорогие! Я знаю, что вы учились в университете у Сарабьянова и меня ненавидите. Но если кто-нибудь хоть что-нибудь вякнет против, — карьеру испорчу, морду набью, голову бритвой отрежу..." В результате экскурсий по его эпохальной выставке вообще не проводилось, а роль распорядителей взяли на себя соученики-телохранители.

Даже смерть жены Глазунов умудрился использовать для рекламы своей юбилейной выставки. Траурная музыка, черные рамы и цветы у портретов жены увеличили притягательность его изделий в глазах жадной для зрелищ толпы. Накануне открытия один высокопоставленный чиновник Министерства культуры спросил Глазунова: может, не стоит открывать выставку спустя всего лишь несколько дней после гибели близкого человека? "Ничего, — ответил скорбящий юбиляр. — Это меня отвлечет". И отвлёкся.

Использовал Глазунов и посещение Манежа самой Раисой Максимовной Горбачевой — ныне чуть ли не главной покровительницей искусств в свежесозданном Фонде культуры. Выслушав сетования художника на финансовые трудности, пережитые в свое время семьей (из-за чего "жена должна была в качестве донора сдавать кровь и расшатала свое здоровье", — вот вам и деликатный намек на причину самоубийства), Раиса Максимовна запросила Министерство культуры СССР о заработках Ильи Сергеевича. Выяснилось, что через один только экспортный салон (не считая огромных закупок Союза художников и Министерств культуры РСФСР и СССР) с 1976 по 1980 год Глазунов получил 77 582 рубля, а с 1981 по 1985 год через этот же канал — 132 264 руб. Тем не менее челябинская первая дама государства не была обойдена вниманием: по личному указанию большого друга Глазунова, заместителя министра культуры тов. Е.В.Зайцева четыре картины с юбилейной выставки были куплены за 88 тыс.руб. Илья Сергеевич просил 100 тысяч, но в министерстве есть "потолок" — 12 тысяч за штуку. К нему было прибавлено по 10 тысяч, по-видимому, чтобы не огорчать и без того пребывающего в трауре маэстро.

Среднему республиканскому музею выделяется на закупки примерно 200—250 тысяч руб. в год. Гонорары таких звезд, как Глазунов и Шилов, Налбандян и Церетели, Чернов и Кирюхин, Смирнов и Орехов, Салахов и верные ему азербайджанские мафиози, перекрывают любые музейные закупки по всей стране. Эти вампиры, удостоенные высоких званий, выкачивают через различные каналы Союза художников огромные суммы, оставляя менее проворным или попросту талантливым коллегам жалкие крохи. Именно таким размахом финансовой деятельности этого творческого союза объясняется его крайне реакционная роль на путях широко рекламируемой "перестройки", к которой деятельно побуждает художников родная партия.

Возвращаясь к феномену нашего главного российского кичмена, отметим одну общую закономерность. Кич и шовинизм ходят все время рядом, как близнецы-братья. Вот и разбери, кто из них, как говорится, российской матери-истории более ценен. Мы говорим кич — подразумеваем шовинизм, говорим шовинизм — подразумеваем кич.

На упоминавшемся заседании круглого стола московских критиков выступил А.Якимович, который сказал:

Можно привести довольно большой список имен художников-глазуноидов, стоящих на сходных идейных позициях, избирающих сходные темы и пользующихся сходными приемами... Описывая это явление, я буду пользоваться термином "нац-арт". Это, конечно, не вершина терминологического совершенства, но для работы этот термин годится. Здесь обозначен существенный признак – склонность к национальной старине... Вопрос в том, какое место занимает этот самый нац-арт в художественной культуре XX века. Этот вопрос имеет два подпункта. Во-первых, каковы аналогии и параллели в мировом искусстве последних лет? А во-вторых, какова роль и позиция нац-арта в нашем художественном развитии последних двух десятилетий?

Предтечей нац-арта XX века была определенная ветвь, которая отделилась от традиционного академизма, но не приняла художественных открытий великих мастеров – от Гойи и Делакруа до Эдуарда Мане, Ван-Гога и Сезанна; та ветвь, которая основана на попытке оживить традиционный академизм некоторыми приправами. И в смысле популярности у современников это была самая беспроблемная линия в искусстве XIX века – когда замшелый, анахроничный академизм уже не мог волновать массовую публику, а искусство великих мастеров было не понято. И все преимущества в смысле славы и популярности приобретали те художники, кто использовал такие сильные козыри, как национальный миф и определенным образом трактованные герои реальной или легендарной национальной истории. Для Франции, скажем, это Людовик Святой и – увь! – Шарлотта Корде, для Германии – Зигфрид, для России – круг юриковских и романовских легенд и другие предания старины глубокой. Все они должны были подтвердить избранность народа или расы, богоданность существующей власти, должны были поражать воображение зрителя "романтическими" эффектами. Имена этих художников в большинстве своем сегодня забыты, хотя приложение к журналу "Нива" ясно показывает, что их было на удивление много. Своего рода чемпионы среди них – француз Рош Брос и поляк, поданный российскому государству Генрих Семирадский... Национальный миф, превращенный в своего рода ширпотреб для массового употребления, стал сильно обременять искусство XIX века, и мы можем только гордиться, что у нас были Репин и Суриков, которые дали национальной истории совершенно иное толкование.

Вспышки патристически-благонравного академизма случаются и в XX веке. Все они имеют явно выраженный охранительный характер и полны легендарного содержания. В искусстве, к примеру, гитлеровской Германии и фашистской Италии наиболее ярко выразился националистический мистицизм. Другой, заокеанский вариант нац-арта XX века – американский реджионализм с его негативной идеей, его противоборством с современными художественными течениями. Правда, в силу особой американской специфики мистическое начало здесь почти не выражено, преобладает культ трезвости. Это связано исключительно с идеологической патриархальностью. Одним из поздних выразителей этих воззрений является, например, президент Рейган, хотя картин он не пишет.

Третий вариант – то течение в советском искусстве, о котором идет речь на нашем сегодняшнем заседании. Оно расцветает в 60–70-е годы.

Такова самая общая схема.

...Вокруг имени Глазунова сложилась основная группа оппозиционеров. Их неосознанная цель – культурный и духовный изоляционизм, региональное сознание, доходящее прямо-таки до тезиса "Россия превыше всего"...

Если бы нац-арт был противником только правления Союза художников или секции критики, тогда у Глазунова были бы определенные шансы утвердиться в обществе. Однако эти шансы вызывают у меня сомнение именно потому, что наши консерваторы и русофилы выступают, по сути, против хода самой художественной истории, против того вектора развития, который уже три десятилетия преобразует все виды искусства – от архитектуры и дизайна до литературы, кино, театра и музыки... Некоторым образом я сочувствую Глазунову и его поклонникам. Я вообще сочувствую тем художникам, которые обозначаются точным и грустным французским термином "опоздавшие и заблудившиеся". Они есть в каждой эпохе. Это, так сказать, исторические неудачники, хотя они умеют пожинать лавры в свое короткое время...

По поводу нынешней ситуации в советском искусстве и литературе радоваться преждевременно, но в своем историческом оптимизме А.Якимович, конечно, прав. Другой критик, В.Юматов, говорит, что имя Глазунова впору уподобить имени Петра Верховенского:

Этот "бес" способен одним своим появлением скандализовать атмосферу, хотя само по себе искусство Глазунова говорит не о многом. Что может дать его профессиональный анализ? Две-три банальные малозначащие фразы, столь же банальные и малозначащие, как и смысловой контекст самого искусства Глазунова. Тем не менее вокруг него создается густой, мощный ореол... Это стихия *косвенности*. Главный редактор "Правды" подписывается "В.Григорьев", сам Глазунов пишет "не-

весту Громыко, кого-то еще, и еще, или просто Луизу, Машу, Тоню. И везде есть какой-то покров, везде за ним что-то стоит.

Социолог Д.Дондурей уточняет:

За семь лет о произведениях и выставках Глазунова было опубликовано 107 рецензий, и ни одной в специальных изданиях. Только в массовых (от "Работницы" до "Правды"). Из них только в трех (!) были названы "отдельные недостатки".

Таким образом, мы имеем дело с мощной государственной машиной поддержки и прославления нац-арта. За "круглым столом" это отметил и В.Мейланд:

Вслушайтесь, например, в проникновенные голоса популярных артистов Юрия Яковлева и Леонида Маркова, читающих за кадром пошлейшие тексты в развернутых киноповествованиях о Глазунове и Шилове; всмотритесь в рекламные подборки газет и журналов, посвященных выходу книг об этих "достучавшихся до сердец" художниках; вспомните блестящее жирное золото их афиш, которые настигают нас на лицах Москвы. Всего этого достаточно, чтобы понять, что именно этот "душевный стиль" и это сладостно-мистическое искусство претендуют на звание генерального искусства современности. Чем еще объяснить каскады шикарных монографий и альбомов, каскады выставок в лучших залах нашей страны и за рубежом?

Сколько бы ни говорил Горбачев, встречаясь с отечественными и зарубежными деятелями литературы и искусства, об установке на интернационализм, "русская партия" в Советском Союзе сильна сейчас как никогда. Этой сверхпатриотической партии удастся использовать — в целях маскировки — даже прогрессивных ученых и общественных деятелей, например, таких, как академик Д.Лихачев. И сегодня в рядах советской интеллигенции, а точнее — в стройных рядах наших отечественных "образованцев", намечилась четкая линия противоборства. По одну ее сторону стоит внушительная толпа вопящих классическое "бей жидов, спасай Россию!", по другую — сравнительно небольшая кучка людей корректных и воспитанных. Исход же этого противоборства должна решить огромная, не поддающаяся исчислению масса, которая до поры до времени, как и полагается, безмолвствует. Но ее тяготение к нац-арту, новому академизму и всяческому кичу уже определилось: очереди на Глазунова и Шилова — весьма красноречивая советская реальность.

Сумеют ли прогрессивные художники и немногочисленные интеллигенты в условиях нынешней горбачевской оттепели противостоять нац-арту, покажет будущее. Пока же, к сожалению, среди большинства людей "с человеческим лицом" царит перепут, и общий глас сводится к рецепту: "Не надо пробуждать зверя". Или: "Как только эти люди почувствуют себя загнанными в угол, они пойдут на все..." Далее следуют округлые жесты и повторяется заклинание: "Плюрализм, плюрализм и плюрализм"...

Что тут сказать? Разумеется, плюрализм — дело хорошее. Только возможен ли он, сосуществуя с шовинизмом и нац-артом? Дадут ли они спокойно расти и цвести инакописным цветам? В том-то и штука, что плюрализм и нац-арт — вещи несовместимые.

Потому и гуляет по России шовинистический морок, и нет ему ни конца, ни края в "одной отдельно взятой стране" при любых генсеках. ●

Март 1987 г.

ДЕМОКРАТИЯ, РЕФОРМЫ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

Астрофизик Фан Лижэ, вместе с несколькими другими известными учеными, принадлежащими к интеллектуальной элите КНР, был недавно исключен из Коммунистической партии Китая за "буржуазный либерализм". Его обвинили, — в том числе Дэн Сяопин лично, — в разжигании студенческих волнений в декабре прошлого года. Фан Лижэ был также смещен с поста проректора научно-технического университета в Хэфэе (см. "Страна и мир", № 1, 1987 г.).

Это не первая волна преследований д-ра Фана. В первый раз он был исключен из партии в 1957 г. за написание нескольких статей о необходимости реформ. Тогда он, однако, сохранил свой пост научного сотрудника физического факультета Пекинского университета. Во время "культурной революции" Фана, вместе с

многими другими учеными, профессорами и студентами, отправили на "перевоспитание" в Управление пролетарской диктатуры. Ему удалось выжить, а в 1978 г. он был реабилитирован. Его восстановили в партии. Д-р Фан вновь занял пост профессора в научно-техническом университете. В течение некоторого времени он работал в качестве приглашенного профессора в Оксфордском университете в Англии. Его исследования в области уравнения Эйнштейна, по теории "черных дыр" и теории гравитации принесли ему мировое признание.

Фан Лижэ называют "совестью Китая", а с недавних времен — "китайским Сахаровым", ибо, как и его коллега в Москве, он придает особое значение общественному сознанию, интеллектуальной свободе и находится в постоянных поисках научной и духовной истины. Впрочем, услышав, как называют ее мужа, жена астрофизика Ли Шусянь заметила: "Если страна демократична и открыта, то нужды в Сахаровых нет. Я надеюсь, что и у нас в будущем тоже не нужны будут Сахаровы." Ли Шусянь, собственно, лишь перефразировала известное изречение: несчастна та страна, которая нуждается в героях.

Сегодня мы глубоко ощущаем, насколько необходима в Китае модернизация. Этого требуют все слои общества. Модернизация стала общенародным лозунгом. Те из нас, кто занят решением технических проблем, особенно остро ощущают ее неотложность. Эта проблема стоит жестко, насущно и широко, ибо сегодня всем известно, что наша экономика, система образования и технологическая инфраструктура переживают серьезные трудности. Интеллектуальная жизнь и экономика Китая, моральный дух страны и правительства — на чудовищно низком уровне. (*Бурные аплодисменты.*) Система вызывает к модернизации.

Но какой именно модернизации мы бы хотели? Сегодня все стороны жизни в Китае нуждаются в ней, но действительно ли мы хотим полностью вестернизироваться? Спор об этом далеко не нов, вопрос этот задается уже более века. Я лично считаю, что единственным путем модернизации является полная вестернизация. (*Бурные аплодисмен-*

ты.) Я уповаю на глубокую, всестороннюю либерализацию, ибо наша культура — примитивна, а не просто отстала в каком-то одном отношении. Так что же нам делать? Конечно, либерализовать все стороны нашей жизни! Мы не должны наперед заявлять, что то-то и то-то необходимо сохранить в неприкосновенности, не менять и т.п. Нет никакой нужды ограничивать либерализацию еще до того, как она началась. (*Бурные аплодисменты.*) Как я уже сказал, в призыве к полной вестернизации нет ничего нового. Причиной вызова, который Запад бросает всем сферам жизни китайского общества, будь то управление, экономика, наука, техника или образование, является слабость китайского общества в целом. Конечно, хорошее нужно сохранить, а плохое — выкинуть, этого требует нынешнее положение. Но корни нашей отсталости лежат в нашей истории. За последнее столетие мы очень изменились и, тем не менее, по-прежнему далеко позади всего остального мира. Честно говоря, я думаю, что мы отстаем потому, что десятилетия социалистического экспериментирования после Освобождения оказались, скажем прямо, полным провалом! (*Длительные аплодисменты.*) Это не только мое мнение. Это ясно каждому.

Социализм — в упадке. Нечего ходить вокруг да около того факта, что ни одно социалистическое государство после Второй мировой войны (включая наш собственный, более чем тридцатилетний социалистический эксперимент) не развивалось успешно. Некоторые говорят, что Китай — слишком велик, слишком беден и слишком перенаселен, чтобы в нем мог преуспеть социализм. Другие говорят, что то, чего мы достигли — это уже много. Все эти отговорки не выдерживают критики и с теоретической, и с практической точки зрения. Плотность населения в Китае не так уж велика. По моим данным, каждый квадратный километр пахотной земли в Китае кормит 750 человек, но точно такой же кусок земли в Японии кормит вдвое больше — до 1500 человек. Почему Китай не может достигнуть такого же уровня продуктивности?! Когда-то экономическое положение обеих наших стран было почти одинаковым. Сразу после войны экономика Японии была столь же отсталой, как и наша, и поэтому теперешнюю ситуацию в Китае нельзя объяснить перенаселенностью. Точно так же можно отнести и ссылки на какую-то исконную бедность Китая.

От Маркса до Мао. Коммунизм терпит поражение

Я проиллюстрирую свою точку зрения особенно показательным примером Восточного и Западного Берлина. Хотя город и разделен стеной, западные берлинцы, желающие попасть в Восточный Берлин, едут туда свободно. Им для этого нужно только обменять необходимое количество валюты. Западный Берлин — очень богатый город, а на рынках и в магазинах в Восточном Берлине продуктов мало, люди выглядят бедно, составляя резкий контраст с впечатляющей архитектурой этой части города. (*Смех, аплодисменты.*) Разница между Восточным и Западным Берлином яснее всего видна на границе. На западной стороне — беглый таможенный контроль и все, зато на пути обратно, с восточной стороны, весь транспорт подвергается тщательной проверке из опасения, что восточные берлинцы могут сбежать в Западный Берлин. Но если у них такое прекрасное общество, чего им бояться, что люди сбегут? (*Продолжительные, бурные аплодисменты.*) Я не критикую Восточную Германию, я просто хочу сказать, что нужно признавать свои ошибки. Социализм потерпел крах. (*Бурные аплодисменты.*) Все социалистическое движение, от Маркса и Ленина до Сталина и Мао Цзедуна, обанкротилось. (*Бурные аплодисменты.*)

Конечно, у социализма есть свои положительные стороны. Следует обратить внимание, однако, на то, что практика социализма их не продемонстрировала. Нужно честно смотреть правде в глаза и сбросить шоры узколобой ортодоксальности. Надо в первую очередь освободить сознание от всех марксистских догм. В прошлом году я выступил с

этой идеей в Пекинском университете, мои заявления были переданы куда следует, и кое-кому наверху они не понравились. А теперь те же самые идеи можно найти в документах ЦК партии, в которых по сути дела признается ограниченность марксизма-ленинизма. Поясню, что именно я имею в виду. В марксизме есть некоторые здравые идеи о природе цивилизации, но на практике он требует принятия на веру своей истинности и отвержения других уроков истории. Марксизм не приемлет позитивных элементов, созданных историей и культурой других народов, да и нашей собственной историей до Освобождения. Но ничто из творений человеческого разума не может быть отвергнуто без потерь, ибо все они являются вкладом в развитие цивилизации.

Покончить с ортодоксальностью

Со времени Освобождения представление о Китае, как о стране и народе, стоящих выше всех других, стало почти религией. (*Бурные аплодисменты.*) Великий поход, 50-летие которого мы отмечали в прошлом месяце, был совершен авангардом народа, в поисках истины и справедливости храбро встречавшим любые трудности на пути от Цзянси до Шаньбэя. Сила духа этих людей заслуживает всяческого восхищения. Но пропаганда приукрасила эти события до такой степени, что сегодня Великий поход представляется свершенным людьми исполинского масштаба, событием, беспрецедентным в истории и т.д., и т.п. Эти напыщенные заявления просто неверны. Откровенно говоря, я думаю, что в китайской истории есть аналоги этого события: я имею в виду путешествие Сюань Чжуна¹ в Индию. (*Смех, аплодисменты.*) И путешествие Сюань Чжуна, и Великий Поход — примеры поисков одного и того же. Сам Сюань Чжун был очень значительной фигурой в китайской истории. В Индии он настолько углубился в буддизм, что стал правой рукой настоятеля Буддийской академии. (*Смех.*) Он не был просто назначен на этот пост властями предрешающими, как это делается сегодня, но должен был показать себя в диспутах, победив несколько сот других кандидатов. Он был одним из всего лишь двух китайцев (оба — ученые-буддисты), упомянутых в работе знаменитого историка науки за их вклад в развитие человечества. Значительность его поисков мудрости никоим образом не уступает значительности Великого похода Красной Армии. Так что последний не был столь уж беспрецедентным. (*Бурные аплодисменты.*) А вот что действительно беспрецедентно, так это пропагандистские заявления феодального толка, пытающиеся превратить марксистскую ортодоксальность в святыню, обесценив при этом все остальные истины.

Успех социализма в Швеции

Поэтому мы должны посвятить себя полной и всесторонней либерализации. Мы должны заново формировать наше общество, взяв все, что возможно, у других культур. Чего мы не должны делать, так это самоизолироваться и позволить нашему тщеславию убедить нас, что одни только мы и правы. Мировая цивилизация — это сложный продукт всех культур. Социализм — только одна из граней этой живой цивилизации мира. Хотя он сегодня и в упадке, существует все же несколько типов общества, каждое из которых стремится прийти к социализму своим собственным путем. Не все эти попытки оказались полностью неудачными. Когда в июле я был на конференции в Швеции, один мой тамошний знакомый сказал мне, что шведский социализм — это и есть настоящий социализм. Более половины промышленных предприятий Швеции национализированы, в

¹ Сюань Чжун (ок. 600–664 н.э.) — буддийский монах, живший в период династии Тан. Смущенный резкими разногласиями между наставниками по поводу религиозных догматов, Сюань Чжун отправился в Индию, чтобы раздобыть авторитетные тексты. Когда он вернулся, император Као Чжун поручил ему перевод привезенных им сутр. — *Ред.*

обществе нет большого имущественного неравенства. Уровень жизни очень высок: национальный продукт на душу населения составляет 19 тысяч долларов — много больше, чем у нас. Он спросил меня о нашей системе социального обеспечения, и я вынужден был признать, что она и в подметки не годится шведской, которая на самом деле предоставляет гражданам реальное социальное обеспечение. Их правительство, кстати, тоже пропагандирует марксизм. Я сам видел фреску в выставочном зале: там было изображено, как социал-демократическая партия призывает рабочих к восстанию. (Смех.) Другая фреска показывала, как хорошо стали жить люди после того, как партия победила на выборах и пришла к власти. Шведы смотрят на телевидение как на средство обучения, коммерческие программы запрещены. (*Аплодисменты*). Во всех отношениях, начиная с идеологии и кончая уровнем общественного развития, который далеко превзошел наш, Швеция — более социалистическая страна, чем Китай. Шведы считают, что их социалистический эксперимент оказался вполне успешным.

Пролетариат превратился в буржуазию

Ленин навесил ярлык предательства на социал-демократическую партию. То же обвинение он бросил и Второму Интернационалу. Предали они революцию или нет, но им действительно удалось решить ряд реальных проблем, и если практика является критерием истины, то нужно признать, что шведский социализм гораздо более прогрессивен и разумен, чем китайский. В Китае делается упор на классовую борьбу, диктатуру пролетариата, уничтожение класса капиталистов. Шведы, наоборот, проповедают социальную гармонию как путь к разрешению классовых и прочих общественных противоречий. В 50-е годы Швеция, подобно Китаю, предприняла ряд радикальных шагов с целью урегулировать социальные отношения и даже уничтожить целый класс как таковой. Однако, "жертвой" этого стали не капиталисты, а пролетариат. (*Бурные аплодисменты*.) Они уничтожили пролетариат, превратив основную массу шведского населения в буржуазию! Мне кажется, их опыт заслуживает серьезного внимания.

Мы обременены многими старыми идеями, которые мы привыкли рассматривать как естественные. Путешествия за рубеж позволяют понять, что старый образ мышления порочен. Неудача Китая в его попытке идти вровень со всем миром имеет много причин. Мы все еще во многом сохраняем феодальные привычки.

Ослабление гаек не заменяет демократизацию

Темой моего выступления являются демократия, реформы и модернизация. Я уже коснулся реформ и модернизации. Теперь я хочу поговорить о необходимости демократии.

Не так давно мы требовали такой демократии, которая не столь уж отличалась от простого ослабления ограничений. Важно, однако, что демократия и ослабление ограничений — абсолютно разные вещи. Решающим элементом демократии являются Права Человека — весьма щекотливая тема у нас в стране. Права Человека — такие, как право на убеждения, право на образование, право вступать в брак и т.д. — являются основной фундаментальной привилегией человека, данной ему от рождения. Но мы, китайцы, считаем такие права опасными. Права Человека — всеобщие и конкретны. Однако мы сейчас сваливаем свободу, равенство и братство в одну кучу с капитализмом и критикуем их в одних и тех же выражениях. Если бы мы действительно являлись демократической страной, как мы заявляем, эти права у нас должны были бы быть прочнее, чем где бы то ни было. Сейчас они, однако, — не более, чем абстрактная идея. (*Бурные аплодисменты*.)

Мне кажется, что первым шагом на пути к демократизации должно стать признание Прав Человека. У каждого человека есть свои взгляды, но если люди объединены со-

гласно демократическим принципам, они образуют единые общества и народы. Все, однако, резко меняется, когда мы начинаем смотреть на демократию, как на нечто такое, что начальство дарует своим подчиненным. Это серьезное заблуждение. (*Бурные аплодисменты.*) Наше правительство не дает нам демократию, слегка ослабляя опутывающие нас пути. Это дает нам лишь свободу корчиться в этих путях. (*Бурные аплодисменты.*) Свобода по приказу недостойна называться свободой, ибо, в отличие от западной демократии, она не в состоянии обеспечить Права Человека. В наших газетах часто сообщают об инспекционных поездках народных представителей. Представители народа инспектируют народ? Вдумайтесь в это! Может ли такое случиться в демократическом обществе? Представители выбираются народом. Они должны представлять интересы своих избирателей, а не инспектировать их! (*Аплодисменты.*) Общественные институты, инспектирующие народ, не являются демократическими.

Демократия начинается с личности

Депутатам нужно бы побольше проводить времени, разговаривая со своими избирателями, а затем использовать Всекитайское собрание народных представителей как форум для выражения мнения народа. Но наши представители далеки от того, чтобы представлять наши взгляды. Когда-то и я воспринимал эти инспекционные поездки как нечто вполне нормальное. (*Смех.*) Но вот в начале этого года я провел несколько месяцев в научно-исследовательском институте в Нью-Джерси. В один прекрасный день я получил по почте письмо от члена законодательного собрания штата с информацией о том, что ему удалось сделать за последнее время, какие вопросы обсуждались в собрании, как и за что он голосовал. Короче говоря, это был отчет о его политической деятельности. Это был его отчет перед народом. Его интересовало и мнение тех, кто с ним в том или ином вопросе не согласен. Ему важно было знать даже мнение китайца, привыкшего называть американское общество "ложной демократией". А вот в нашей подлинно демократической стране я ни разу не получил отчета о деятельности моего представителя, отчета о том, как и за что он голосовал. (*Аплодисменты.*) Мой представитель легко мог выкинуть мой избирательный бюллетень, ни на минуту не задумавшись о том, чем я живу и о чем думаю. И поэтому наша "подлинная демократия" никогда не сравнится с их "лживой демократией". (*Смех.*)

В демократических странах демократия исходит от индивидуума, и правительство несет перед ним ответственность. Деятельность правительства зависит от налогов, которые платит гражданин. Налоги возвращаются к нему в виде служб, организуемых правительством, — таких, как школы, больницы, социальное обеспечение и городское управление. Граждане демократического общества вправе ожидать, что налоги, которые они платят, обеспечивают функционирование таких служб и защиту их гражданских прав. В Китае ситуация совершенно иная: мы восхваляем наше правительство, когда оно, наконец, собирается для нас хоть что-нибудь сделать, тогда как на самом деле оно просто выполняет свои обязательства по отношению к нам — и только. В наших школах ученикам часто напоминают о том, что они должны серьезно учиться и наилучшим образом использовать те возможности, которые дают им Партия и Правительство. (*Смех.*) Нет, разумеется, ничего плохого в призывах хорошо учиться, но нельзя внушать мысль, что возможность учиться дает правительство, ибо учеба — одно из основных прав каждого человека. Это гарантировано Конституцией. (*Аплодисменты.*) Мы платим налоги (вы, студенты, может быть, и не платите, но глава любой семьи — платит), так что правительство обязано предоставить вам в обмен на это образование. Нужно заставить правительство понять, что оно зависит от своих граждан экономически. В этом — основа демократии. Но феодальные традиции все еще сильны в Китае. Общественные отношения диктуются начальством и принимаются подчиненными, в противоположность тому,

как это должно быть в демократическом обществе. Что совершенно отсутствует в Китае, так это демократическое общественное сознание. Наши политические институты нуждаются во многих реформах, но делом первостепенной важности является развитие демократического общественного сознания.

Доносчики нарушают неприкосновенность частной жизни — основу демократии

Многочисленные террористические акты, имевшие место за последнее время в Европе, дестабилизировали западную жизнь, и общественное мнение все больше начало склоняться к политике "твердой руки". Когда в июле я прилетел во Францию, по стране как раз прокатилась волна террора. Было предложение призвать французских граждан сообщать о любом подозрительном человеке или случае, так что полиция могла бы задерживать людей на основании одних лишь таких сообщений. Этот закон "защищал бы интересы всего общества". (Смех.) После долгих споров во французском Национальном Собрании эта мера была отвергнута. Почему? Не потому, что французам нравится насилие. Противники этого предложения указывали, что оно породило бы доносчиков, а самое существование доносчиков стало бы разжевывать демократическую природу французского общества. (Аплодисменты.)

Люди, живущие в демократическом обществе, считают, что обвинение по случайному подозрению наносит ущерб достоинству человека и его частной жизни. В Китае же, наоборот, для меня было бы в порядке вещей донести на вас, если бы я вас в чем-то заподозрил; доносительство считается здесь добродетелью. Меня похвалили бы за бдительность и мой вклад в дело классово-борьбы, несмотря на проявленное мной неуважение к демократии и Правам Человека. Граждан нужно ограждать от обвинений по случайному подозрению. В Китае, однако, люди живут в постоянном страхе, что на них падет подозрение. Демократия никогда не укоренится в обществе, подобном нашему, и никогда вообще не появилась бы на земле, если бы все человечество было подвержено постоянному страху и подозрительности. Когда я начал это понимать, я осознал, насколько примитивно до этого мыслил. В Китае считается вполне нормальным доносить на других, а другие люди рассматривают доносчиков как угрозу для демократического общества! Над этим нам нужно крепко и долго поразмыслить.

Знания — это ценность, независимая от политической власти

Все мы — интеллигенты, все — ученые. Наука и демократия — взаимозависимые вещи. Но наука не может заменить демократию и наоборот. Выдающейся особенностью наших университетов является возможность генерировать знания, и именно эта интеллектуальная и научная деятельность порождает движение за экономические реформы и демократизацию. Только логично, что мы — интеллигенты и ученые — располагаем нашими собственными независимыми мерками в оценке того, что происходит перед нашими глазами. Во многих западных странах университеты не зависят от правительства. Управление университетами, образовательные программы, уровень обучения и его цели должны определяться руководством университета, а не политическим руководством. (Аплодисменты.) Конечно, без денег все еще не обойтись, и университеты нуждаются в помощи правительства, но ответственность государства должна на этом и кончаться. Многие западные университеты не зависят даже от промышленности. Я хочу сказать, что высшее образование может стать важной демократической силой. Для того, чтобы освободиться от рабского отношения к правительству и другим властям, не имеющим отношения к интеллектуальной жизни, нужно понять, что знание самоценно и независимо.

Но в Китае это не так. Наши университеты готовят орудия производства, а не образованных людей. (*Аплодисменты.*) Наши выпускники не умеют думать самостоятельно. Они прекрасно удовлетворяются ролью послушных инструментов в чужих руках. Китайская интеллигенция все еще не избавилась от этой привычной роли. Например, в моей области, в физике, выше всего ценится мнение коллег, работающих в одной с тобою области. Так — во всем мире, но в китайской физике мнение политических вождей важнее всего. Мои коллеги до сих пор считают себя всего лишь орудием кого-то другого, а не арбитрами в своей области знаний. То же самое происходит и в других науках. Я часто сталкиваюсь с представителями общественных наук. Мне стало ясно, что многие исследования в этой сфере направляются исключительно официальными директивами.

Это еще можно было бы как-то оправдать, если бы политические лидеры, несущие ответственность за эти исследования, были бы специалистами в области философии или хотя в какой-нибудь существенной области. Но они ими не являются. И сколь бы ничемными ни были взгляды представителей правительства с научной точки зрения, ученым, тем не менее, приходится получать их санкцию на все, чем они занимаются. (*Аплодисменты.*) Условия исследовательской работы на Западе составляют этому поразительный контраст. Там никто не имеет права вмешиваться в исследовательскую работу, к каким бы заключениям исследователь не пришел. Наоборот, западные правительства активно интересуются мнением ученых, изучают их данные, просят разрешения использовать их идеи. Западные правительства нуждаются в мнении ученых для того, чтобы с их помощью проверять правильность своей политики, а не наоборот. (*Аплодисменты.*) Знание независимо от власти. Оно никогда не должно ей подчиняться, ибо знание теряет свою ценность, стоит ему склониться перед силой.

В последнее время в Китае появился в этом отношении некоторый прогресс. Правительственные документы, касающиеся развития культуры и, особенно, науки, не вызывают больше к марксизму. В глазах науки марксизм потерял свое превосходство: ныне это всего лишь одна из многочисленных теорий. (*Аплодисменты.*) Авторитет марксизма в научных кругах был подмочен с самого начала, потому что истинная наука не может руководиться никакой застывшей догмой.

Наука должна развиваться в соответствии с ее собственными принципами, свободными от смиренных рубашек идеологии. Со времен Освобождения марксистская "критика" научных методов была глубоко ошибочной, и хотя в последнее время ситуация несколько улучшилась, нам все еще приходится ее терпеть. Я это знаю по собственному опыту. Я постоянно слышу ворчание по поводу моих политических взглядов. Ладно, пусть ворчат, но я совершенно не приемлю какого бы то ни было вмешательства в мою научную работу. Я — заместитель редактора журнала "Science Digest". В прошлом году мы получили статью по квантовой астрофизике. Это новая отрасль науки. После публикации этой статьи мы получили письмо от некоего весьма высокопоставленного в партии лица, которое обвиняло автора в субъективном идеализме. Конечно, критика науки — вещь нормальная, но если критика подобного рода пытается выдавать себя за философию, в научных кругах это просто не проходит. Редакция ответила, что "Science Digest" публикует только научные материалы, а не марксистские, претендующие на абсолютную правоту. (*Аплодисменты.*) У нас, физиков и астрономов, есть свои мерки. Какое отношение имеет к нам философия? (*Смех.*) Нам было абсолютно безразлично, что автором этого письма был никто иной, как сам товарищ Ху Цяому.¹ (*Аплодисменты.*) Нас интересуют ваши замечания, если вы разбираетесь в астрофизике, но если нет — прочь с дороги! (*Бурные аплодисменты.*) У демократии не будет опоры и защиты, пока вся научная община не проникнется таким духом. Результаты научных работ должны оцениваться по научным меркам, и мы не должны склоняться перед ветрами власти. Тогда мы сможем модернизироваться. Тогда у нас будет настоящая демократия. ●

¹ Ху Цяому — член ЦК КПК, один из идеологов партии, считающийся "твердокаменным". См. "Страна и мир", № 10, 1985 г. — *Ред.*

СЫЧУАНЬ

У истоков нового курса

Сычуань, провинция в юго-западной части Китая, где на территории размером с Францию живет 104 миллиона человек, знаменита не только своею кухней, от которой огнем полыхает рот. Здесь родился Дэн Сяопин. Здесь с 1975 по 1980 г. начинал эксперименты с экономической реформой Чжао Цзыян, ныне премьер-министр КНР и генсек КПК, а тогда — партийный вождь провинции. Отсюда реформы распространились на весь Китай, резко улучшив экономическое положение страны, особенно ее сельского населения.

Экономическая реформа стала крайне популярной среди крестьян, которые не только вырвались из нищеты, но даже живут сравнительно зажиточно. Однако давно назревшие реформы в промышленности — в системе оплаты труда, ценообразования, управления предприятиями и т.д., — хотя и начались, но идут со скрипом. Сейчас на пути реформ стала разовнутая с начала года кампания по борьбе с "буржуазной либерализацией" — реакция руководства на студенческие демонстрации конца прошлого года (см. "Страна и мир", № 1, 1987). Многие в Китае сейчас опасаются, не будут ли реформы вообще остановлены и даже повернуты вспять. Но если судить по Сычуани, опасения эти преувеличены. Дела в провинции идут по-прежнему.

Сычуань — провинция сельскохозяйственная. В прошлом году объем производства фермеров (включая крестьянскую "промышленность" — обрабатывающую и кустарное производство) достиг рекордной цифры в 39 миллиардов юаней (11,2 миллиарда долларов). Это около 40% валовой продукции провинции. Крестьянские семьи, выращивающие рис и откармливающие свиней, зарабатывают до 16 тысяч юаней в год. Администрация и партийное руководство в деревнях больше озабочены строительством школ и домов для престарелых, чем лозунгами и политическими кампаниями. И в столице провинции Чэнду директора фабрик заняты повышением производительности труда, закупками сырья и т.п., мало обращая внимание на развешанные повсюду транспаранты: "Укрепим социализм, воспротивимся буржуазной либерализации!"

В этом городе, откуда во времена Мао направлялась организация "народных коммун", теперь работают четыре открытых рынка, где крестьяне продают решительно все — от кроликов и гусей до змей, цветов и вееров на любой вкус и цену. В Сычуани крестьянам разрешено продавать большую часть своей продукции по договорным ценам, которые гораздо выше государственных. Эта политика уже дала свой благотворный результат. Следующая задача, говорит Ван Сяокан, председатель сельскохозяйственной комиссии Сычуани, — это увеличить производство путем внедрения эффективных удобрений и современных технических методов фермерского хозяйства.

Конечно, далеко не все выглядит в розовом свете. Местные руководители опасаются, что в этом году производство зерна в Сычуани может резко упасть. Урожай и по сей день является важнейшим показателем успешности дэнзовских реформ, что вполне в традициях Китая — недостаток зерна приводил порой даже к падению династий. В прошлом году провинция произвела 39 миллионов тонн зерна, на 2,4% больше, чем за год до того. Но в этом году в Сычуани разразилась засуха — худшая за 40 лет, за все время коммунистической власти в Китае. Более того, низкие закупочные государственные цены на зерно вынудили многих крестьян сократить площади под зерно в пользу хлопка, овощей и фруктов — культур куда более выгодных.

Реформы в промышленности начались позже и сталкиваются с большими трудностями. Крупнейшим промышленным и торговым центром Сычуани является Чунцин, широко разбросанный мегалополис, где живет 14 миллионов человек. В Чунцине около 8 тысяч фабрик, большинство которых было построено еще тогда, когда город во времена войны был столицей гоминдановского Китая. Оборудование на фабриках устарело. Постоянным явлением стал недостаток электроэнергии, так что в прошлом году мэр Чунцина даже угрожал отставкой, если центральное руководство не придет городу на помощь.

На Чунцинском автомобилестроительном заводе, где работает 2700 человек, проблем с энергией нет: у завода собственный электрогенератор. Но все прочие трудности, пора-

жающие китайскую промышленность, здесь чувствуются в полной мере. Завод изготавливает моторы для американской компании Cummins, но их производство постоянно останавливается из-за перебоев с поставкой частей. И все же дела идут лучше, чем в 1981 г., когда было подписано лицензионное соглашение с Cummins. Тогда завод выпускал лишь устаревшие моторы французской конструкции, и у него был один единственный потребитель — Народно-освободительная армия Китая. Теперь продукцию завода приобретают более 300 заказчиков — и в стране, и за рубежом.

Наблюдающийся повсюду в Сычуани контраст между быстрым прогрессом в реформированном сельском хозяйстве и медленным развитием в промышленности типичен и для Китая в целом. Типичен и разрыв в доходах нуворишей-крестьян и рабочих, живущих на зарплату. Рабочие завидуют крестьянскому богатству и хотят добиться того же и для себя. Крестьяне, со своей стороны, хотят найти своему богатству применение, продвинуться по социальной лестнице и испытать вкус оживленной городской жизни.

Как выглядит вблизи жизнь в Сычуани — этой лаборатории социальных изменений КНР? Об этом рассказывает в своих путевых заметках американский журналист Росс Террил.

"Куда прешь?! Ослепла?!" — рявкает мой шофер на женщину, проехавшую на велосипеде слишком близко от нашей "Тойоты" и задевшую локтем боковое зеркало. Она что-то бормочет в ответ, и шофер дает газ, сворачивая на Западную улицу Нефритового Дракона, расположенную в самом центре Чэнду, двухтысячелетней столицы Сычуани.

"Ну, зачем же так грубо..." — говорю я водителю, но тот только ворчит. Немногих сейчас в Сычуани занимает вопрос, как сохранить перед иностранцем видимость вежливости.

По сравнению с 70-и годами, когда я пять раз побывал в КНР, нынешний Китай дышит полной грудью. Изменения поражают туриста, помнящего лозунги и пуританскую атмосферу страны в последние годы владычества Мао Цзедуна. За годы, что прошли со смерти Мао, Дэн Сяопин превратил Китай из тоталитарной страны в авторитарную; изменилась и психология людей — раньше на революционные идеалы смотрели как на икону, теперь же считают, что жизнеспособность социализма измеряется его экономическими достижениями. Китай, столь долгое время изолированный от всего мира, сейчас протягивает другим странам открытую ладонь — готовый и брать, и давать...

Если бы Сычуань, "земля божественного изобилия", была государством, то оно оказалось бы восьмым в мире по количеству населения. В Сычуани, площадь которой равна 560 с лишним тысячам квадратных километров, живет 104 миллиона человек, принадлежащих к 15 различным этническим группам. До конца 30-х годов Сычуань практически жила в доиндустриальную эпоху: ее население составляло 10% населения Китая, но здесь потреблялось лишь 0,5% электроэнергии, вырабатываемой в стране. Ни одна другая провинция Китая так не пострадала от политики Мао. Ко времени смерти Мао Цзедуна Сычуань, житница страны, ввозила зерно из других провинций Китая. Провинция богата сырьем, ее запасы гидроэнергии — самые крупные в Китае, но по доходу на душу населения она занимает лишь 22 или 23 место среди 27 провинций и автономных районов КНР.

В западных уголках провинции народ по имени и, тибетцы и другие народности не ханьского происхождения живут в отсталости и изоляции; они пашут скудную почву и выращивают тощий скот. Технические методы хозяйствования устарели, и до недавнего времени экономический рост целиком поглощался ростом населения. А сельскохозяйственные угодья Сычуани каждый год сокращаются на 700 тысяч му (примерно 47 тысяч га) — их занимают новые дороги, дома, промышленные предприятия.

Нигде новое, прагматическое настроение эпохи Дэна сейчас не видно так отчетливо, как в Сычуани. Чэнду, лежащий посреди необычайно плодородной равнины, —

гордость провинции. Холодным мартовским утром толпы людей заполняют улицы города. На многих мужчинах — традиционные мешковатые брюки, другие в джинсах, там и сям мелькают разноцветные свитера; мужчины носят широкополые фетровые шляпы, напоминающие ковбойские фильмы 50-х годов, женщины постукивают высокими каблукками. На плакате написано: "Радостно уходи на работу — спокойно возвращайся домой". Раньше на его месте висел другой призыв: "Иди до конца по революционному пути".

Двухэтажные, чисто побеленные лавки на каркасах из деревянных балок напоминают строения эпохи Тюдоров. Старики, с доброжелательной улыбкой на квадратных, туго обтянутых кожей лицах, потягивают чай, лузгают семечки, курят длинные трубки, покачиваясь в соломенных креслах и наблюдая за жизнью улицы.

Кассетные магнитофоны размером с добрый чмодан оглашают окрестности любовными песнями из Гонконга и уроками английского языка. Молодые люди с заливчастыми усиками, в элегантных шапочках, продают необандероленные сигареты. Пачка приличных сигарет, изготовленных в провинции Юньнань, стоит 4 юаня (1 доллар 20 центов), хотя в отеле Цзинцзян эти сигареты — когда они есть — стоят 1 юань.

Мужчина средних лет красит фасад своей похожей на коробку лавки в желтый и белый цвета. Ему помогает родня. В самом магазине двое его сыновей гордо устанавливают сверкающие черным лаком полки для товаров. "Государственный или частный?" — спрашиваю я мужчину. Он смеется: "Конечно, частный!"

"Иностранный язык — оружие в борьбе за жизнь", — гласит реклама в магазине иностранной книги, как бы подтверждая замечание женщины с двумя детьми, которая поблизости оформляет страхование жизни: "Сейчас, если сам о себе не позаботишься, никто больше не позаботится".

Я пристраиваюсь к длинной очереди, чтобы купить лотерейный билет. Лотерею устраивает популярный журнал "Кинолюбитель"; мой лотерейный билет стоит 60 фэнь — около 20 центов; первая премия — мотоцикл, обзавестись которым мечтает в Сычуани каждый.

На плакате в Гуаньюане — северных воротах Сычуани — красным по белому написано: "Железная дорога принадлежит народу. Народ должен любить ее." Я жую вареную свиную голяшку и *шао бин*. Эти жирные булочки исчезают в мгновение ока, а покупатели толкаются и кричат: "Мне четыре штуки!" — "Я за ним стоял!" — "А ну-ка, отойди!"

Пейзаж и люди, с которыми я разговариваю на длинной вокзальной платформе в Гуаньюане, обрамленной холмами в голубоватой дымке, очень своеобразны. Мы уже не в Северном Китае с его жесткими серо-коричневыми зимними тонами, застывшем в мандаринской надменности, но еще и не в Южном, с его рисовыми полями, блестящими влагой, миниатюрными, как бы игрушечными террасами на мягких холмах, с его малорослым, круглолицым и разговорчивым населением.

Здесь совсем другая атмосфера — счастливая золотая середина Юго-Западного Китая, где земля обширна и разнообразна, а люди — среднего роста, широкие в кости, с крепкими конечностями, скромные, но уверенные в себе, энергичные, но при этом не словоохотливые, отличающиеся прямоотой и чувством здравого смысла. Эти жители глубинки склонны рассматривать Пекин, Шанхай и Кантон как города отдаленные и не имеющие существенного значения.

Красно-белый транспарант, натянутый в танцевальном зале на 9-м этаже отеля Цзинцзян, в Чэнду, оповещает: "Международный женский день". Мы занимаем места, и в это время под рокот барабанов прямо под транспарантом начинается демонстрация мод. Международный женский день — мероприятие как правило весьма серьезное. Еще в прошлом году во время его празднования в Китае обсуждались такие темы, как защита женщин от дискриминации на работе, ненужные аборт и другие злоупотребления.

А сейчас хорошенькая манекенщица в малиновом *ципао* с покрытым косметикой алебастровым лицом, мелкими шажками выплывает из-за занавеса и предстает перед

обширной аудиторией, состоящей в основном из женщин; магнитофон играет танцевальную музыку 50-х годов, и с веранды за манекенщицей увлеченно наблюдает огромная толпа. За девушкой появляется молодой человек в ярко-красной блузе и лимонного цвета шортах, его тронутые помадой губы сверкают в лучах мартовского солнца. А вот и молодожены — на ней белое атласное платье и кружевная вуаль, на нем — льняной костюм цвета слоновой кости, красный галстук, красная гвоздика в петлице. Одежда не очень-то китайского стиля.

Старое исчезает, а новое быстро стареет. В Чэнду сотрудник музея провинции Сычуань, Ван Цзяю, с сожалением — как и другие интеллигенты, с которыми я встречался, — вспоминает о том, как снесли после революции старую городскую стену. "Мы могли бы построить дорогу по верху стены и сохранить историю, — говорит он возбужденно, — на нашей стене могли развехаться два автобуса, ширина ее достигала 12 метров." "Кто принял решение о сносе стены, господин Ван?" — Долгая пауза. — "Дураки".

Сегодня Сычуань, где 78% населения — крестьяне, гордится тем, что именно здесь началась сельскохозяйственная реформа. Сычуань гордится и тем, что, впервые в истории Китая, страной руководит сычуанец.

Дэн Сяопина, то опускавшегося, то поднимавшегося на бурных волнах китайской политики, считали поочередно то "старым", то "новым". Мао дважды "вычищал" его за капиталистические пережитки: первый раз во время "культурной революции", в ответ на реформы, которые Дэн и другие протолкнули в 60-е годы, и второй раз — в начале 1976 года. Сегодня слегка антимаоистски настроенный Дэн — ему 83 года — возглавляет китайское руководство, с популярностью которого может сравниться только популярность самого Мао в период расцвета его власти, в середине 50-х годов.

Июньское утро. Парит. Я еду на машине из Чэнду на запад, чтобы посмотреть, что изменилось в сельском хозяйстве в уезде Вэнцзян. Вэнцзян и Чэнду представляют собой сейчас одну административную единицу с населением 8 миллионов человек. Плотность сельского населения в уезде не знает себе равных в мире. Рисовые и кукурузные поля покрыты буйными всходами; хороши и посевы пшеницы. Эти поля окружают 6—8 домов, сгрудившихся вместе. Стройный бамбук у домов похож на часовых, охраняющих близлежащие посевы.

В полутора часах езды от Чэнду расположена новая двухэтажная блочная вилла, с плоской крышей, с карнизами, окнами и дверьми, выкрашенными в желтый и голубой цвета. Я вхожу в дом. По местным меркам это огромное и пышное здание. Живет в нем Ван Юнди, который в свои сорок лет зарабатывает в год 80 000 юаней (около 23 000 долларов).

Ван выращивает цветы и комнатные растения на своем участке в 10 му (0,66 гектара). Работать на этой низменной сырой земле ему помогают 39-летняя жена, родственники и двое "студентов" из Чэнду (думаю, что они были безработными).

"Я получил землю по контракту от производственной бригады (бригада — часть сельскохозяйственной коммуны) в 1979 г., — рассказывает Ван, пока мы рассматриваем азалии. — Сначала контракт был на три года, но дело пошло, так что контракт продлили на 15 лет."

Это — земледелие на арендуемой земле; сельскохозяйственная коммуна исчезает. Ван платит бригаде за землю 3 200 юаней в год, и его дом, который стоит 10 000 юаней, построен на земле бригады. Во всех остальных отношениях он независим, практически — он деревенский вожак и символ коммерциализации сельской Сычуани.

Когда в разговоре наступает затишье, Ю Цзайсань, представитель партийного комитета уезда, спрашивает жену Вана, сколько заработала семья за прошлый год. Очень напряженный момент: у Ю остается все меньше власти, а богатство семьи Ван все возрастает. Судя по выражению лица женщины, ей хотелось бы, чтобы муж поскорей вернулся.

Мы прихлебываем чай, позвякивая в тишине чашками. Я замечаю на стене красный вымпел. Золотые иероглифы на нем гласят: "Правительство и партийное руководство Вэнцзяна горячо поздравляют семью Ван, пожертвовавшую на развитие школ в уезде 10 000 юаней!"

Филантропия вернулась в Китай!

Вернулось, похоже, и нищенство. Прогуливаясь в ожидании хозяина за домом Вана — его позвали на свадьбу, — я замечаю группу крестьян, молча, с печальным выражением лиц стоящих у одних из ворот, ведущих в усадьбу Вана. Стены, окружающие усадьбу, утыканы битым стеклом.

"Мы раздали 2 000 юаней соседям", — с некоторым смущением призналась госпожа Ван в ответ на мои настойчивые вопросы об этих людях у ворот.

Номенклатурный работник Ю, который во время моего визита держался незаметно, берет меня за руку. "В этом уезде более ста семей заработали в прошлом году 10 с лишним тысяч юаней, — говорит он с явной гордостью; эта цифра в 35 раз превышает доход сычуанского крестьянина. — Некоторые зарабатывают и сто с лишним тысяч. Это просто отлично."

Мы едем к почитаемой буддистами горе Эмэй. Она находится примерно в 280 км к юго-западу от Чэнду. Мелькают город за городом, узкая, извилистая дорога невероятно оживлена — везут товары на продажу. Удивительно, что можно умудриться перевезти на велосипеде, если зовет ненасытный рынок: двуспальная кровать с матрацем в цветочках; корзины с живыми курами, связанные бечевкой и возвышающиеся башней чуть ли не трехметровой высоты; малинового плюща тахта, балансирующая в состоянии неустойчивого равновесия вместе с привязанным к ней шкафом.

А вот человек ведет на веревочках дюжину мышей — то ли ради развлечения, то ли на продажу (неужели их тоже съедят?); маленький сын держится за его свободную руку.

Внезапно нас со всех сторон окружают жирные кричащие утки, поклевывающие зерно придорожных посевов. Мальчик с персиковым лицом, держа на поводке свирепого вида пса, появляется из раскинутой у дороги палатки. Он со своим дядей — дядя сейчас ушел покупать на завтрак свинину и овощи — занимается местной разновидностью торговли, известной в районе Чэнду—Чунцина под названием *ганья* — дословно "перегон уток".

Мальчуган застенчив, но он, не увиливая от прямого ответа, объясняет: "Мы покупаем уток в Чунцине по 25 фэнь за штуку. Чтобы перегнать их в Чэнду обычно требуется три месяца, и за это время утки набирают вес, жиреют, питаются придорожными посевами. В Чэнду мы продаем их и выручаем в 10 с лишним раз больше того, что заплатили".

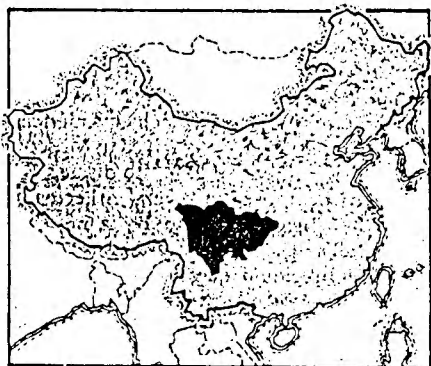
А яйца? "Когда удастся, яйца мы продаем в деревнях, через которые проходим, — по 15 фэнь за штуку". Мальчик и его дядя едят сами только битые яйца, которые уже не продашь.

"После экономических реформ, — объясняет Ли Пинфэнь, небрежно одетый мужчина с длинными бакенбардами, — люди стали жить богаче, и им захотелось проводить время разнообразнее". Ли рассказывает мне историю кофейни "Западный Китай" — оживленного кафе и места встречи горожан Чэнду. Он — владелец этого кафе.

Ли собрал 130 000 юаней; 80 000 он занял у друзей или у различных организаций ("В банке мне кредита не дали"), 50 000 — немалую сумму — скопил сам. Он заработал эти деньги в основном на продаже безалкогольных напитков, это было его побочное дело.

Сейчас доход от кофейни составляет 1 500 юаней в день, и 10% этой суммы — чистая прибыль. Кофейня полностью частная, в ней работают 38 человек.

Поздним вечером "Западный Китай" становится — по китайским меркам — весьма оживленным местом. Я вижу парочку, растянувшуюся на диване, пьяных; возникают ссоры, при которых хватаются за ножи. Интересно, есть ли у Ли какие-то правила поведения?

Дорожные работы все еще ведутся так же, как тысячи лет назад

Ландшафт Сычуани. Рисовые поля дают в год два урожая

Мао забыт, но не отвергнут. Время от времени его надо чистить.

На улицах Чэнду. Синие "маоцзедуновки" забыты

Распродажа миниавтобусов в частные руки

"Сначала, — говорит Ли, слегка усмехаясь, — мы запрещали пьянство, шумные игры и танцы. Но число клиентов росло, в результате экономических реформ они становились раскованнее, и мы тоже стали гораздо более гибкими".

"А милиция сюда вообще заглядывает?"

"По идее должна была бы; но это происходит редко."

Ли, — ему сорок с небольшим, он разведен — смеется, стряхивая сигаретный пепел с кожаной куртки, и закуривает новую сигарету. "Мы платим ей 60 юаней в месяц за поддержание порядка, но никогда ее здесь не видим."

Я настаиваю на ответе — не беспокоит ли его, что люди ведут себя в кафе так непринужденно?

"Послушайте, — взрывается Ли. — Мы не милиция! Это люди — наши клиенты!" Приятно встретить в Китае человека, считающего, что свобода важнее того, как люди ею пользуются.

Гора Зеленого города, где 1800 лет назад учил глава даосов Чжан Даолин, — это 36 вершин, поднимающихся словно городские стены. Тропинка из красной глины ведет наверх, через густой лес. Мы встречаем паломников-даосов, обычных туристов и крошечных, исхудалых мальчишек, несущих уголь в корзинах для расположенных на вершине горы храмов.

"Эти ребята должны быть в школе!" — восклицаю я, и мой проводник возражает: "Да они из крестьянских семей".

Я спрашиваю одного грязного, сгорбленного мальчишку, сколько он зарабатывает. "Меньше юаня за то, что поднимаю на вершину 50 цзинь (около 27 кг). Иногда я ношу уголь, иногда людей."

"И что легче?"

"Люди. Лучше нести человека, чем корзину с углем — легче двигаться".

На вершине горы, в просторной комнате у Пещеры, Смотрящей на Солнце, Ву Цзюй, даосская монахиня, высокая и бледная, приглашает меня на завтрак, состоящий из сушеных листьев и цветов. "Позвольте познакомить вас с основными, простыми принципами даосизма, — говорит она. — Истинный Путь можно найти только в природе." Мягким тоном она излагает следующий принцип: "*Цин цзин вуэй*, быть чистым и спокойным, не стремиться ни к чему."

"Есть ли какая-нибудь связь между даосским образом жизни и политикой Дэн Сяопина?"

"Безусловно; наша Гора — это находка для управления туризма, созданного китайским правительством, и поэтому она служит политике "четырёх модернизаций".

Позднее, в Чэнду, я еще более углубляюсь в поразительно бурную религиозную жизнь Сычуани. В сопровождении пастора Ли Лянькэ (84 года, пронизательный взгляд, аккуратно подстриженные седые волосы над квадратным лбом) я посещаю одну из главных протестантских церквей города. 500 прихожан, четверть из них молодежь, толпятся, не снимая пальто, в проходах и сидят на покрытых черным лаком скамьях.

"Один из наших новых прихожан — интересный юноша, — замечает Ли. — Во времена культурной революции он увидел груды конфискованных книг, которые должны были сжечь. Там были Библия и другие христианские книги. Он прочел эти книги — а также и другие произведения западной литературы, и то новое, что он узнал, поразило его. Он пришел к выводу, что громадные достижения Запада, которые сейчас в Китае признают все, начиная с Дэн Сяопина, связаны с христианством." Юный неопит выделит три принципа: "автономия индивидуума, сочувствие к нуждам других и уважение к личности."

Воды трех рек, сливающихся у древнего города Лэшань, в центральной Сычуани, окрашенные почвой в цвет ракового супа, тревожно вздулись. "Из-за вчерашнего дождя уровень воды поднялся на 6 метров", — говорит мне лодочник, когда мы

садимся в его лодку, чтобы доплыть до статуи Будды. Она возвышается почти на 70 метров над местом слияния трех рек — Миньцзян, Цинъюань и Дадухэ.

"На ноге статуи Будды могут уместиться более ста человек", — сообщает лодочник, и мы вытягиваем шею, чтобы разглядеть это чудо восьмого века. В 20-е годы статуя подверглась бомбежке, и потребовалось 62 тонны цемента, чтобы заглаздить шрамы, нанесенные бомбами суровому, непроницаемому лицу Будды.

В самом Лэшане, маленьком городке, кипит жизнь. Объявление на магазине гласит: "Книги о контроле за рождаемостью и все соответствующие средства — бесплатно". Мне, однако, не везет. Хорошенькая продавщица говорит: "Бесплатно только для китайцев, иностранцы должны платить."

"Я заплачу. Что у вас есть?"

Девушка в панике: "К сожалению, пока ничего не подвезли".

Компартия Китая все еще обеспокоена культурным влиянием Запада. Рядом с книжным магазином сидит страж со списком "запрещенного" и грудой кассет, по-видимому, конфискованных. "Нездоровая музыка", — объясняет он.

"Здоровая песня создает хорошее настроение и заставляет лучше работать", — сообщает мне, однако, несколько недель спустя некая дама — официальное лицо в соседнем Чунцине. И тут же она принимается с энтузиазмом напевать песни "На полях надежды" и "В женской спальне". Эти песни, по ее убеждению, оказывают на слушателей положительное влияние.

"Госпожа У, — спрашиваю я, — эти песни очень милы, но во времена культурной революции, когда все должно было нести политическую нагрузку, их сочли бы, пожалуй, рискованными?"

"Вы правы — но сейчас это время прошло."

В этом направлении происходят перемены, но медленно. В Сычуанском институте изящных искусств в Чунцине директор института Е Юшань рассказывает: "Я думал, мои скульптуры четырех обнаженных атлетов покажут красоту человеческого тела — но какую бурю они вызвали!"

Из-за этой "бури" статуи двух мужчин и двух женщин, стоящие на мосту через реку Янцзы, от пояса и ниже задрапированы материей. В одном из сорока критических писем, полученных Е, высказывалось опасение, что водитель, увидев эти обнаженные фигуры (их рисунок появился на страницах местной газеты), может рухнуть со своим автомобилем с моста в воду.

"Некоторые шоферы приходили в мою галерею, — говорит Е, — и я их об этом спросил. Они говорят, что вовсе не упадут в воду, увидев обнаженную статую. На это способен только неумный человек, подобный автору письма".

"Если бы этот конфликт произошел сейчас, — говорит скульптор Е, — а не шесть лет назад, то исход его был бы иным — мои атлеты остались бы обнаженными."

Сичан — центр Ляншаня ("Прохладная гора"), района, населенного народом *и*. В этом безмятежном городе, расположенном в краю голубых холмов, кактусов и цветущих деревьев, живут 150 000 человек, большинство которых принадлежит к ханьцам (этнические китайцы). Я сижу на веранде Храма Светлого Благоденствия, расположенного над озером Цюн Хайи, построенного 1200 лет назад. Я беседую с 62-летним хранителем Храма, Ли Цзинпо. Над нами пролетают утки и журавли.

"В 1983 г. туристы, посещавшие Храм и осматривавшие озеро, принесли 60 000 юаней дохода, сейчас — в несколько раз больше, — говорит Ли. Лучи раннего весеннего солнца зажигают его живые глаза, морщинистое лицо начинает отливать медью. — В основном туристы — это крестьяне, после введения экономических реформ они заработали много денег. Они хотят путешествовать и приобщаться к культуре."

В районе Линьшань, где живут 3,3 миллиона человек, большинство крестьян принадлежит к четвертому по величине национальному меньшинству Китая — народности *и*. Они коренасты и круглолицы. Губернатор, по национальности тоже *и*, небольшого роста полный человек в очках и с армейским бобриком на голове, полон на-

дежд на будущее: "Некоторые геологи говорят, что в районе от Дукоу в южной Сычуани, у тибетской границы, и на север, у границы с провинцией Цинхай, находятся богатейшие запасы полезных ископаемых в Китае."

Я поднимаюсь на машине по горной дороге. Вдруг передо мной появляется громадная круглая корзина — и только потом я замечаю под ней пару ног. Округлые предметы у дороги оказываются накидками крестьян, отдыхающих после дневной работы, или матерей и детей, сидящих, уставившись в пространство, или спящих в той же самой безмятежной позе. Иногда под одной продолговатой накидкой я вижу две головы.

Перед нашим грузовичком появляется джип. Из него выскакивает подвижной красивый мужчина в очках с роговой оправой и в сером плаще и радостно приветствует нас. Это Ан, заместитель председателя городского совета Чжаоцзюэ, главного города района, населенного *и*. Он протягивает мне плотный плащ, извиняясь за холодную погоду на высоте трех километров. "Вертикальная погода, — говорит он. — На одной и той же горе одновременно существуют три разные климатические зоны."

Город Чжаоцзюэ, центр уезда, носящего то же имя, население которого на 93% состоит из людей народности *и*, хорошо распланирован и озеленен. Здесь растут платаны и деревья *бай* (бай похожи на помесь пальмы и кипариса). Город этот отсталый, промышленности здесь почти нет. Сейчас здесь развивается добыча угля, меди и железной руды. Ежегодный доход на душу населения меньше 300 юаней. В уезде с населением 190 000 человек всего 2100 учащихся средней школы и нет высших учебных заведений. По словам заместителя председателя горсовета Ан, меньше 40% детей младшего школьного возраста посещают школу.

Вечер. Мы сидим с Ан за стаканом вина, закутавшись в плащи, слегка согреваясь от маленьких круглых жаровень, на которых тлеют угли. "Когда удастся, — рассказывает Ан, — юноша из народности *и* женится на дочери сестры отца, а девушка выходит замуж за сына брата матери. Мы, *и*, не настолько романтичны, чтобы вступать в брак с незнакомцами." Обычно молодые обручаются, еще не достигнув двадцати лет, затем вступают в связь, и только много лет спустя женятся, создают семейный очаг, заводят детей. "Интимная связь и брак — для нас разные вещи", — говорит Ан.

На обед нам подают вареную свиную голову, от которой мы пальцами отрываем куски мяса, и суп из сушеных овощей. Суп едим большими, ярко расписанными деревянными ложками. (Большинство *и* в городе Чжаоцзюэ не пользуются палочками для еды.)

Здесь, похоже, мы далеко от того Китая, который я знаю. Я спрашиваю о кампании против западных и либеральных идей. "В Чжаоцзюэ на это не обращают внимания", — весело говорит заместитель председателя горсовета Ан, опрокидывая очередную чашку красного вина.

Холодным ранним утром мне не ложится в постели. Я накидываю на себя два плаща и выхожу на улицу. Все объявления и названия в городе на двух языках — на *и* и на китайском. Изо рта людей, занимающихся утренней разминкой, вырываются клубы пара. Малыш со счетами и ранцем идет в школу. На ранце написано: "Каждый обязан заботиться о саженцах."

Люди народности *и* хорошо сложены, темноволосы и не очень чистоплотны. Сопровождающий меня китаец говорит с серьезным лицом: "И думает, что если он помоется, гречиха не будет расти."

Мужчины народности *и* носят брюки с широчайшими обшлагами, развевающимися как полы халата под их неизменными накидками. Кое-кто на традиционном поясе носит нож с резной костяной ручкой — символ храбрости. У женщин одно платье надето на другое, они любят вышитые сумки и туфли. И мужчины, и женщины прокалывают уши и носят золотые или серебряные серьги. Правда, мужчины прокалывают только левое ухо.

Согласно официальной оценке, здесь только около 30% населения понимают китайский. В самой крупной средней школе Чжаоцзюэ 800 учеников, 300 из них — и, учитель-и только один, он преподает физику.

"Очень трудно учить их английскому языку, поскольку они плохо знают китайский", — говорит учитель-китаец, указывая на своих поблескивающих глазами учеников в разноцветных головных уборах.

Когда я собираюсь уезжать, заместитель председателя горсовета Ан дарит мне остатки свиной головы, которую мы ели за обедом. "По нашему обычаю, гость должен взять голову. Делайте с ней что хотите — но вы должны взять ее."

"Только один — хорошо", — гласит надпись, которую вы увидите в каждом городе Сычуани. Здесь речь идет не об одном стакане вина, а о детях. Надпись поясняется рисунком — милая молодая пара с хорошенькой дочкой.

В Мянъяне, в северном городе, известном своей текстильной и электронной промышленностью, я разговариваю с матерью шестерых детей. Я спрашиваю ее — хорошо ли иметь так много детей. "Ну, конечно, — ведь дети приносят счастье", — отвечает она.

Планирование семьи — животрепещущий вопрос. Только 11% площади Китая — пахотная земля, и перенаселенность страны содействовала падению в 1911 г. последней династии, династии Цинь. Во времена Мао планированием семьи всерьез не занимались. Сейчас звучат сигналы тревоги.

Во втором году до н.э. население Сычуани составляло около 3,5 млн.; в 1840 г. — 38 млн., в 1949 г. — 57 млн. К 70-м годам, рассказывает Лоу Хойцюань, приятный, энергичный человек, руководящий управлением планирования семьи провинции Сычуань, была установлена норма на семью: двое детей, третий не рекомендовался. К 80-м годам политика ужесточилась — "двоих детей иметь трудно, третьего быть не должно."

"В городах, — говорит Лоу, — семейная пара, дающая обещание иметь только одного ребенка, получает 5 юаней в месяц до наступления 14-летия ребенка. Если рождается второй ребенок, семью наказывают — заработная плата сокращается на 5 юаней в месяц, также до 14-летия этого ребенка. Положение отчаянное, — говорит Лоу. — В Сычуани на душу населения приходится меньше одного му (0,066 гектара)." В США — более 10 му.

Новая политика приносит плоды, несмотря на то, что сейчас крестьяне стремятся иметь больше детей, — им нужны рабочие руки, чтобы побольше зарабатывать на своем семейном участке. В Чэнду процент первых детей среди всех новорожденных достигает 97%. В Сычуани в целом этот процент равняется 77.

"К 2000-му году, — угрюмо говорит Лоу, — население Сычуани достигнет 120 миллионов. Это будет высшая точка, затем количество населения начнет падать."

У дороги в Цыгун, город, известный соляными месторождениями и находками окаменелостей динозавров, к дереву привязан человек лет 60-и. Женщина — на вид ей лет 30 — ожесточенно бьет его тонким прутом. Толпа человек в пятьдесят внимательно наблюдает, как старик вопит от боли, а женщина, продолжая бить, яростно на него кричит.

Мою сопровождающую из Чэнду эта сюрреалистическая картина не очень интересует. "Должно быть, вор, — бормочет она, пробуждаясь от дремоты, — или же женщина помешанная." Мы едем дальше.

Не доезжая до города Жунсянь, мы устраиваем пикник на приятном пригорке у дороги. Наш обед состоит из яиц, *са ци ма* (клеякий рис, похожий на слипшуюся вермишель, разрезанную на куски) и красного вина.

"Пять юаней каждый, — говорит коротко подстриженный, с грязными ногтями мальчишка, суя мне под самый нос две коробки с живыми кроликами. — Замечательные кролики, я их сам вырастил". Я покупаю одного.

Начинается дождь, и дорожная грязь превращается в трясину. Показывается грузовик, застрявший в грязи. Наша машина, самая маленькая из всех, выстроившихся

за застрывшим грузовиком, сможет его объехать, — так считает наш водитель; но когда мы пытаемся это сделать, мы тоже увязаем в красной грязи.

На дорогу выползает старик-крестьянин с лопатой в руке. Несколько минут работы, и наша машина выкарабкивается. Ни, мой друг-студент, и я лезем в карман за деньгами для крестьянина, но у нас не находится мелочи.

"Отдай ему кролика", — кричит Ни.

Белобородый крестьянин счастлив. Он хватается кролика, и глаза его сияют. Я снимаюсь вместе с ним на фоне нашей спасенной машины, а группа его односельчан, расположившаяся на соседнем холме, радостно нас приветствует.

"Каждый должен сделать что-либо, дабы Город Гор стал еще красивее", — такое объявление висит у входа на станцию подвесной дороги. Эта дорога в мгновение ока переносит меня через реку Цзялин в дымный, неопрятный Чунцин. Несмотря на это объявление, станционная лестница усыпана окурками сигарет, разжеванными кусками красного перца, клочками бумаги.

Город холмов, паромов и тумана, лежащий у слияния рек Янцзы и Цзялин, Чунцин живет находящимися поблизости залежами угля и железной руды; он обладает также громадными запасами гидроэнергии. В то же самое время перед городом стоят очень сложные проблемы: загрязнение среды, перегруженный общественный транспорт, нехватка специалистов, отдаленность от центра, слабое управление.

Здесь вновь обретенный прагматизм выступает в обнаженном виде. "Может ли компания, расположенная не в Сычуани, продавать и покупать здесь?" — спрашиваю я в громадном новом торговом центре Чунцина. Человек, более похожий на промышленного магната из Гонконга, чем на номенклатурного работника, молниеносно отвечает: *"Жень цян бу жень жень"* — нас интересуют деньги, а не люди."

В холмы Чунцина глубоко врезались туннели, построенные во время Второй мировой войны для защиты от воздушных нападений японцев. Сейчас эти туннели, где влажным летом прохладно, а зимой не холодно, превратились в чайные, гостиницы, места для собраний, а с недавних пор и в танцевальные залы.

Я плачу 4 фэня и спускаюсь в туннель в университетском пригороде Шапинба. Я вступаю в беседу с молодым человеком, который не жалеет денег на свою подругу: на заводе он получил большую премию. "Сейчас все изменилось, — говорит он, потягивая содовую. — Сейчас можно получить в виде премии еще почти 40% зарплаты; все зависит от того, как ты работаешь. — Он ухмыляется. — Сколько помолотишь, столько наколотишь..."

Мотоцикл — это символ материального благополучия. Гордые владельцы мотоциклов смотрят на велосипедистов и пешеходов, как короли на нищих. Большинство мотоциклов, на которых ездят в Сычуани, изготовлены на мотоциклетном заводе в Цзялине по лицензии японской фирмы Хонда.

"Тридцать с лишним лет эта фабрика изготавливала инструменты и вооружение; частично она принадлежала артиллерийскому управлению военного министерства, — объясняет за чашкой чая заместитель директора завода. — Потом, когда в 1979 г. были проведены экономические реформы, мы решили выпускать мотоциклы."

Военный завод, выпускающий мотоциклы? "Послушайте, — говорит главный инженер завода, — невозможно же в сегодняшнем мире все время выпускать артиллерийские орудия."

Часть полученной заводом прибыли (7%) остаются предприятию. Она идет на социальное обеспечение рабочих, улучшение производства, а также на годовые премии.

Я вижу сухощавого, крепкого юношу, окруженного толпой, жадно уставившейся на его красно-желтый мотоцикл. "Друзья завидуют?" — спрашиваю я. Он смотрит на меня почти что с жалостью. Я слышал, что люди очень долго ждут очереди на покупку мотоцикла, и поэтому я спрашиваю, как он умудрился достать свой. "По благу", — отвечает он просто.

— Обычно мы этого не делаем, — объясняет позже заместитель директора завода, — но иногда все же продаем машины по знакомству.”

Вечером в Чунцине молодая женщина из военной семьи, которую я буду называть Чэнь, рассказывает мне о Народно-освободительной армии. ”Я служила в этой проклятой армии 10 лет, — презрительно замечает она; Чэнь вступила в армию в Пекине во времена Мао, когда это было очень модно. — Если бы не это, мне пришлось бы кормить свиней в деревне”, — объясняет она, стряхивая пепел с сигареты.

”Сейчас все получают образование и зарабатывают деньги — мы же остались ни с чем. Первые шесть лет в армии я получала шесть юаней в месяц (на полном обеспечении; только офицеры получают настоящую зарплату)”. Сейчас она жалеет, что не осталась в Пекине, когда ее отца, армейского офицера среднего ранга, перевели в Сычуань. Чэнь считает своего отца старомодным, не замечающим, как худо идут дела у Народно-освободительной армии, да к тому же еще и немного продажным.

”Уж эти коммунисты! — сказала недавно Чэнь своему отцу. — Сорок лет служишь в их армии, а они относятся к тебе не лучше, чем к бывшему чанкайшисту!”

Ее отца эти слова шокировали. ”Во что же тогда ты веришь?” — спросил он ее, не осмеливаясь и подумать, что она отвергает коммунизм.

”Отец, я верю в саму себя.”

”Если вы, молодые люди, будете продолжать в том же духе, — заключил отец, — нарветесь на неприятности.”

Я обедаю с моим гонконгским другом в гостинице. Скромный зал ресторана переполнен. За круглым столом, кроме нас, сидят еще двое строительных рабочих. Я буду называть их Ян и Сюй. После нескольких кружек пива и острого соевого сыра завязывается беседа.

”Каждый из нас зарабатывает на заводе в месяц 100 с лишним юаней, — говорит Ян, грубоватый мужчина лет двадцати семи. — Но у нас есть и приработок — он дает нам еще 200 юаней.” Сюй объясняет, что они вдвоем покупают в Чунцине мотоциклы и продают их в Шанхае, где они стоят дороже.

”В Чунцине, знаете ли, можно делать дела, — говорит Ян, и в его голосе звучит нотка местного патриотизма. — Возьмем, к примеру, золотые кольца. Здесь целую коробку можно продать за полдня, а в Шанхае это займет несколько недель.”

Вскоре наша беседа прерывается. В зале начинают передвигать мебель. На возвышении появляются музыканты в западных тройках, с оранжевыми галстуками, их пальцы выбивают дробь, они притоптывают ногами, — похоже, им не терпится поскорее начать играть. Группы молодых людей с горящими от возбуждения лицами занимают три ряда стульев, расположенных у каждой стены.

Ян и Сюй покупают билеты на всех четверых. ”Тут зевать нельзя, — говорит жестко Сюй. — Им разрешается продавать только 300 билетов, а ждут сотни людей.”

Звучит танго, и пары (примерно четверть из них танцует с партнером того же пола), одетые в самую разнообразную одежду — от костюмов западного стиля до солдатских гимнастеров, от ципао до мини-юбок, — появляются перед оркестром, как муравьи, собирающиеся вокруг куска сахара.

”Потанцуете со мной?” — спрашивает ухмыляющийся мужчина. Вокруг молчаливо толпятся девушки, и в их глазах читается тот же вопрос. Но Ян хватает меня за руку: ”Ты знаешь, что самые красивые девушки в Китае родом из провинции Аньхой?” В Китае это мнение широко распространено, но почему он спрашивает меня об этом?

”Внизу есть девочки из этой провинции. Десять юаней. Или 20 юаней за ночь.”

"Мы служим вам", — гласит плакат в зале, где проходит Чунцинский праздник фонарей. Знаменитый маоистский лозунг "Служить людям" изменился. Вместо слова "людям" появилось слово "вам" — удивительный переход от коллективных ценностей к индивидуальным.

"Как создать социалистическую экономику? — повторяет мой вопрос председатель Чунцинского горсовета Сяо Ян и криво улыбается. — Послушайте, у нас у самих нет пока никакого представления о том, как это сделать!"

"Равенство? — Линь Лин, экономист из Чэнду, произносит это слово с таким презрением, как если бы оно было самым непристойным словом в словаре. — Ни в коем случае. Пусть кто может вырывается вперед и богатеет — это поможет Китаю."

Социалистические ценности (если и не формы) выброшены за борт. Машина мчится, но никто не знает, куда ведет дорога. Помнящие прошлое сторонники Дэна надеются, что он останется у власти, что его "новые" идеи не будут снова провозглашены "старыми". Руководители Сычуани ставят политическое, социальное и даже культурное будущее провинции в зависимость от перехода от экономики "опоры на собственные силы" к коммерческой экономике.

"В Китае существуют три типа планирования, — улыбаясь объясняет экономист Линь. — Первый — от вас то-то и то-то требуется. Второй — вам бы не мешало это сделать. Третий — делайте, что хотите." Деловые люди никогда не знают наперед, с каким типом планирования им придется столкнуться в данный момент.

Временами руководители Сычуани говорят так, как если бы у них только что открылись глаза. "Мы превратили жилищное строительство в благотворительную промышленность, — кричит Ян, — а оно должно быть доходным!"

Я часто спрашиваю — что же такое представляет собой "социализм по-китайски", но мне никто не может ответить. Председатель горсовета Сяо Я смеется и молчит. Линь говорит, что социализм по-китайски — это "экономическое соревнование" и "привязывание заработной платы к качеству работы". Он неуверенно добавляет к этому еще "особые экономические зоны" в юго-восточном Китае: "у Маркса и Ленина вы их не найдете".

"Социализм по-китайски", похоже, означает социализм в основном советского образца плюс все растущее число капиталистических отклонений.

Некоторые результаты реформ оказываются неожиданными. По мере роста покупательной способности и ослабления контроля появилась инфляция. В деревнях страдает сектор обслуживания. "Никто не хочет теперь быть учителем, — жалуется учитель. — Моих детей интересует только деловая карьера". Ослабление политического надзора — что само по себе замечательно — ведет к росту преступности и правонарушений. Программы развития равных возможностей для женщин проводятся в жизнь менее решительно. Только четверть студентов в вузах провинции — женщины, но они же составляют 60% безработных в городах.

Многие интеллигенты относятся к происходящему с настороженностью. "Дэн Сяопин не ожидает, что экономические реформы принесут с собой политические перемены, — замечает учитель в Чэнду. — Если это произойдет, он переменит курс."

Изменений много, но кое-что остается неизменным. В Цыгуне, третьем по размеру городе Сычуани, неподалеку от расположенного в центре города отеля, где я остановился, я замечаю на стене объявление. Хотя оно повешено недавно, оно сильно отдает неумирающим феодализмом. Объявление гласит: "Строго запрещается похищать и продавать женщин и девушек; такого рода деятельность будет сурово наказана."

В 11 вечера, накануне моего отъезда из Сычуани, я сижу на кровати в гостинице "Народная" в Чунцине. Вдалеке слышится какой-то шум, кто-то кричит или поет.

"Это не свадьба, а что-то другое", — говорит мой попутчик-студент. Мы одеваемся и спускаемся вниз. "Куда вы?" — спрашивает нас человек, сидящий за

конторкой портъе. "Прогуляться". Дежурный напряженно говорит: "Уже слишком темно для прогулок". Мы проходим мимо него.

Все пространство напротив отеля, неподалеку от входа в правительственное здание Чунцина, покрыто бурлящей, выкрикивающей лозунги толпой. "Верните нам наши жизни!" — раскатывается по холмам крик.

Как иностранец я не могу пройти через ворота незамеченным, но мой китайский друг проскальзывает внутрь. 300 или 400 демонстрантов — студенты химфака Чунцинского университета. Из надписей на их плакатах узнаю, что четыре дня назад в химической лаборатории университета произошел взрыв. Студенты заявляют, что произошла утечка кобальта. Хотя никто не погиб, университетское начальство не смогло дать удовлетворительного объяснения происшедшему. Не было принято никаких профилактических мер. Студенты сообщают теперь вышестоящим товарищам, что они по этому поводу думают.

"Это чисто студенческая демонстрация, — говорит юноша в очках. — К нашему разочарованию, ни один из преподавателей к нам не присоединился."

"Верните нам наши жизни!" — крик усиливается. Студенты, взявшись за руки, приближаются ко входу в здание, который загорожен джипом. На лицах людей, следящих за происходящим, читаются страх, тревога, беспокойство.

Около часу ночи с балкона своего номера я смотрю через дорогу. Волнения продолжают. Насколько я могу судить, студенты все еще не вошли в здание горсовета. С другой стороны, ни военные, ни милиционеры не разогнали толпу.

Пассажирское судно "Алеет Восток" спускается по реке Янцзы. Чунцинское радио передает новости; я слышу многословный репортаж о забастовках в Южной Африке, но ни слова о демонстрации студентов-химиков у гостиницы "Народная".

"Реформы ни к чему не приведут, если не улучшить законы", — говорит мне мой друг, сычуанский государственный служащий. Когда я замечаю, что в рамках ленинизма закон едва ли может служить надежным защитником политических прав, он отвечает: "Мы накрепко связаны диктатурой партии. Избавиться от нее — означает гражданскую войну. Поэтому мы должны пробовать другие способы. Один из них — экономическое развитие. Позднее, возможно, мы сможем попробовать демократию".

Вот почему на лицах тех, кто наблюдал за демонстрацией в Чунцине, был написан страх: диктатура — это реальность, и с ней шутить нельзя. Но именно поэтому студенты-химики вели себя так отважно: коммунистическая диктатура как сила вызывает страх, но как источник правды она иссякла.

"Алеет Восток" пересекает границу Сычуани. Сейчас мы уже в Хубэе. Перед моим мысленным взором продолжают проплывать лица — квадратные, сильные, с высокими лбами, приплюснутыми носами и толстыми, чувственными губами. Лица значат больше, чем абстракция государства.

Одетый по последней моде пижон на празднике в Чунцине — заграничная куртка, галстук, жилет и фетровая шляпа с оранжевым перышком; щеки розовые от нескольких рюмок крепкого *сянь бина*, зажата в зубах сигарета. Семидесятилетний старик на почте в Мяньяне — трясущиеся руки, наморщенный лоб, — пытающийся написать письмо какому-то далекому родственнику.

Продавец мяса на рынке в Ваньсяне, речном порту в восточной Сычуани. На бамбуковой циновке перед ним распластался коровий желудок. Продавец приближает ко мне свое лицо, я вижу его коричневые челюсти и беззубый рот: он убеждает купить на обед свиные потроха.

Заводской рабочий из Чунцина, снимающий темные очки, под которыми обнаруживаются глаза — одновременно и искренние, и с хитрецей. Он не очень точно понимает мой вопрос "В чем главная проблема Китая?" И отвечает, щелкнув языком по золотой коронке: "Денег у меня мало". ●

НЕВЕРОЯТНАЯ МОЛОДЕЖЬ

Я люблю бывать с молодежью... Ее дерзость, ее беспощадность действуют как холодный душ. Это хорошая гигиена для стариков.

Ж.Кокто

Вот уже более двух десятилетий, сначала на Западе, несколько позже в Советском Союзе, "феномен современной молодежи" вызывает у людей среднего и старшего возраста противоречивые чувства, недоумение, растерянность, подчас возмущение. Больше, чем когда-либо, молодежь на улицах больших городов, в подземельях метрополитена, в дискотеках, на концертных площадках производит впечатление какого-то особого народа, своеобразной этнической группы: дикий макияж, странные прически, свой собственный, почти непонятный взрослым язык. Годы проходят, но явление полудикой юности, открыто игнорирующей буржуазный или социалистический — в данном случае это одно и то же — истеблишмент, не только не убывает, но скорее усугубляется. Не вдаваясь в подробный анализ, можно отметить несколько характерных особенностей молодежного сознания: аффектированное неприятие господствующей идеологии и политики; пренебрежение культурой слова; формирование особой молодежной субкультуры, в которой непропорционально большое место занимает эстрадно-массовая рок- и попмузыка.

Завоевания этой субкультуры не проходят бесследно; битники, хиппи, панки — не мимолетная дань моде. Если общество постепенно, но неуклонно поглощает бунтующую и непричесанную молодежь, то молодежь, в свою очередь, преобразует общество: это касается и общественных движений (многие молодежные кумиры стали видными пацифистами), и всего стиля современной жизни и культуры. Эволюция музыки, кинематографии, изобразительных искусств в нашем веке не может пройти мимо поп-искусства, каким бы антихудожественным оно ни казалось.

Помещенная ниже серия материалов о субкультуре молодежи в СССР не может претендовать на полноту и посвящена главным образом музыке. Читатель оценит своеобразие самиздатских текстов, воспроизводящих дух и специфически-красочный жаргон этой среды. Но сказать, что поп-музыка до сих пор остается в нашей стране запретным плодом, будет преувеличением. Искоренить ее невозможно, и милицеско-идеологические репрессии мало-помалу уступают место неуклюжим попыткам интегрировать молодежную музыку, ее творцов и распространителей. В то время как на Западе поп-стихия отлично уживается с коммерциализацией поп-музыки, в Советском Союзе ей грозит теперь вращение в культурную бюрократию. Общее потепление климата коснулось и молодежной субкультуры. Песни Б.Гребенщикова, руководителя ленинградской группы "Аквариум", изданы всесоюзной фирмой "Мелодия", сам Гребенщиков выступил в телевизионной программе "Музыкальный ринг" и пишет музыку для театров. Другой популярный рок-музыкант, Константин Кинчев — главное действующее лицо киноленты молодого режиссера В.Огородникова "Взломщик"; картина, выпущенная на экраны страны в 1987 г., представляет собой серию выступлений в стиле рок, хардрок, хэви-металл и т.п.

Подборка материалов о поп-музыке составлена Андреем Соломиным. Мы присоединили к ней полученную из Москвы статью Николая Храмова о фильме "Легко ли быть молодым?" (автор — бывший хиппи, ныне участник независимого движения за мир, член группы "За установление доверия между Востоком и Западом") и заметку В.Шинкарева о так называемых митьках.

КАК МЫ ИХ ВОСПРИНИМАЕМ

Всякий раз, добывая за бешеные деньги фирменный диск с очередным роковым кумиром, одалживая пластинку приятелю — "оторвав от сердца", сто раз повторивши: "смотри не запили, а то голову оторву", — всякий раз думаешь: за что мы их так любим? Да, поют здорово, и музыка "что надо". И на пластиночных конвертах они стоят в загадочных позах, а главное — о чем они там расппевают на своем упорительно-непонятном английском языке?.. Увы, понять их язык непросто и для самих туземцев англоязычных стран. Что же тогда сказать о русских почитателях? "Петров, — вопрошает учительница английского языка, — опять ты урок не выучил?" И Петров откровенно признается: "Да на кой мне этот английский, я после школы на БАМ поеду. С кем я там буду на нем говорить, с медведями? А Queen и Uriah Heep я нутром понимаю, и мне этого хватает."

Может быть, это и есть ответ на вопрос, выставленный в заголовке. В школьной программе нет предмета "Рок-музыка", и трудно себе представить что-нибудь подобное, и может, это даже и к лучшему. Если звучание само по себе "не дотягивает", не доходит до сердца, прелесть этой музыки останется закрытой для русского слушателя.

Но все-таки интересно, "о чем поют". Внимание к текстам начало проявляться сравнительно недавно, лет пять-шесть назад. Инициативу проявили комсомольские активисты, которых поднатаскали в английском, дабы разоблачить новый вид идеологической диверсии. На помощь им приковыляли ничего не забывшие и ничему не научившиеся пенсионеры. Совместными усилиями кое-как перевели и пришли в ужас. Возможно, кое-кто еще помнит, как в восьмидесятом году гремел в прямом и в переносном смысле слова немецкий ансамбль "Чингисхан", под песни которого — "Москва", "Израиль", "Сара" — плясало чуть ли не все юное поколение россиян. И в конце концов доплясались, когда "Комсомольская правда" стала публиковать гневные письма: "народ" требовал изъять, искоренить, объявить вне закона магнитофонные кассеты, которые, между прочим, продавались в то время в киосках студий звукозаписи.

Выбор образцов западной поп-продукции в Советском Союзе невелик, приходится брать, что дают; "давали" Чингисхана, за ним явилось и кое-что другое. Для некоторых таким же сладостно-запретным плодом оказалась поп-группа Kiss. Правда, насколько я знаю, лишь немногим людям он действительно нравился, да и те предпочитали вкушать его в минуты наивысшего подъема духа, достигаемого при помощи водки и наркотиков. По признанию одного из любителей, "Kiss и анаша гармонируют между собой как нельзя лучше, и получаешь истинное наслаждение от жизни".

Каждому свое, хотя многие, по-моему, справедливо считают, что быть фанатичным поклонником Kiss, Accsoss, Iron Maiden — есть факт испорченного вкуса, в их вещах достаточно всякого рода извращений. Но чтобы понять это, семнадцатилетнему юнцу в России понадобилось бы пожить лет пять среди своих английских сверстников, научиться их жаргону; когда же ему дают послушать что-нибудь этакое, "тяжелое", состоящее из адского рева инструментов и диких криков на непонятном языке, откуда же ему догадаться, о чем они там вопят... Вспоминается театрализованный вечер в одной дискотеке. На сцене сидела девушка, за столом помещались бутафорские судьи. Называлось это "Суд над диско". Подсудимая, изображавшая диско, обвинялась в разврате, наркомании и прочем. Помню, досталось американской певице Доне Саммор за пластинку "Плохие девушки". Кто видел конверт, тот поймет, что именно не понравилось в ней не только комсомольцам двадцатых или восьмидесятых годов, но и вполне нормальным людям. Чтобы изобразить "плохую девушку" (выражение достаточно мягкое), Саммор потребовалось самой перевоплотиться; естественно, что она и стала мишенью; так что, девочки, не берите пример с Доны Саммор, а то сами такими станете.

Это все на тему о "плохих музыкантах" и о том, как у нас к ним относятся; но давайте поговорим и о хороших. К ним, по-моему, можно не колеблясь отнести уже ушедших в прошлое битлов, Джимми Хендрикса, Pink Floyd, — последний особенно давал жару, обличая западное общество. Но одна из его недавних песен начиналась словами: "Брежнев — в Афганистан, Рейгана — в Ливан", и тут уже возникают некоторые специфические для нашей страны трудности. Хотя Брежнев благополучно переселился в лучший мир, но Афганистан-то остался... Впрочем, покойный Джон Леннон тоже бичевал капиталистический строй, его знаменитые песни против войны во Вьетнаме даже подавали некоторым повод утверждать, будто он был почти коммунистом, за что его-де и прикончили капиталисты. Интересно, что ответил бы на это сам Леннон, но он не ответил никогда. "Ушел путем бы млечным туда, где смерти нет..." Это слова из песни, которую посвятила его памяти ленинградская группа Александра Морозова.

Из сказанного хочется извлечь не то чтобы вывод, но нечто вроде морали. Оценивая современную рок- и поп-музыку, докапываясь до смысла, который вкладывают в свою песню исполнители, — бывает, правда, что смысл отсутствует, — высказывайте на здоровье свое мнение, но помните, что в чужой монастырь со своим уставом не суются: на Западе пишут песни о том, что важно и присуще, быть может, только людям, живущим там, а о том, чтобы угодить слушателям в СССР, музыканты имеют право, согласитесь, вовсе не задумываться. Попробуем оставаться каждый при своем. ●

Борис ГРЕБЕНЩИКОВ (Ленинград)

ПРАВДИВАЯ БИОГРАФИЯ "АКВАРИУМА"

Группа "Аквариум" была задумана и осуществлена в июле 1972 года, после того, как БГ, начинающий, но уже известный в определенных кругах гитарист (певцом он стал позже, когда на юге попробовал свои вокальные способности в смутной группе грузин, жуликов и юристов, — исполняли "Христа", "Блэк саббат" и еще черт-те что), приехал в Ленинград, имел столкновение с советской милицией из-за прописки. Приехав в город на Неве, Борис решил: а) пора затевать свою группу, б) надо писать песни на русском языке.

Он призвал своего друга, однокашника и великого драматурга абсурда Джорджа Гуницкого и взял его к себе в группу ударником. Они вдвоем начали писать песни, вдохновленные творчеством Джорджа Харрисона, прежде всего обращая внимание на тексты. Поскольку не было ни аппаратуры, ни инструментов (кроме гитары за 9 руб. 50 коп. и фортепьяно), и не предвиделось, то писание песен было единственным занятием. Кроме Харрисона, большим источником вдохновения была существовавшая в те годы "пре-панк" великолепная и очень бардачная группа "Санкт-Петербург". Попутно искали подходящие музыканты.

Приблизительно в январе 1973 года к ансамблю примкнул довольно смутный знакомый Бориса — Михаил Файнштейн, который уже имел опыт игры в ленинградской группе "Психологическая фракция", где ребята играли Франка Заппу, Хендрикса и "Крим". Кстати, БГ с 1969 по 1971 годы тоже играл в одной из школьных команд и поражал девочек, исполняя "Сэтисфэксн" на чистейшем английском языке и еще что-то из репертуара "Троггз".

Потом до 1975 года продолжалась первая фаза "Аквариума", во время которой Гребенщиков успел выкрасть из другой группы старого друга — пианиста Андрея Ромашова (Дюшу) и успел записать два лонгплея (пленки по тридцать-сорок минут) и одну сорокопятку.

Первый лонгплей — "Искушение Святого Аквариума" — представлял собой извращения двух идиотов (БГ и Джорджа), занимавшихся сюрреалистической "амальгамой". Некие непонятные звуки, стуки, пленки задом наперед, петли, стихи, отдельные куплеты песен и фразы. Очень смешно, но очень плохо записано. Для пластинки характерно название последней вещи: "Пение птиц и птичек на могиле сдохшего ужа".

Затем вышла сорокопятка с песнями "Верблюды-архитектор", "Менуэт земледельцу", "Мария-Луиза № 7" и снова "Я знаю места". Это более традиционный "рок абсурда", то есть абсолютно идиотические тексты, но более-менее нормальная гармония.

Второй лонгплей: на нем Дюша учится играть на флейте, и мы, не имея возможности записывать "электрические" песни, снова записываем сорок минут акустических, из которых худшие приближаются к советской эстраде, лучшие — к характерному абсурду.

Все это время "Аквариум" почти не выступает, а сидит преимущественно на юге, пьет портвейн и поет песни (свои и "Битлз") или же репетирует на факультете прикладной математики, где в то время учился БГ. Аппаратура стоит в подсобке, и ее вполне достаточно, чтобы изредка играть на свадьбах.

Одновременно, а именно летом 1974 года, на базе группы людей и девочек, шатающихся вместе с "Аквариумом", от нечего делать зарождается самодеятельный театр,

играющий сначала чисто импровизационно (все пьесы — джорджевский абсурд) в Инженерном замке, на ступенях, нисходящих к Летнему саду. Осенью приходит знакомый полупрофессиональный режиссер Эрик Горошевский (воспитанник Г.Товстоногова) и ставит дело на профессиональные рельсы — с декорациями, репетициями, интригами... и тем самым, значит, лишает театр всей жизни и энергии. После месяца репетиций там же на факультете прикладной математики ставится пьеса, следует ее премьера, и театр вместе с аппаратурой "Аквариума" торжественно вышибается из здания университета.

Но массовое помешательство сценой не проходит, и даже БГ, не говоря уже о Дюше и Джордже, идиотически верит, что театр достигнет суперсинтеза рок-музыки и театра абсурда. Не верит этому только бас-гитарист, которому не на чем играть, у которого нет денег, и он по своему обыкновению бежит за бабами.

В начале 1975 года происходят два важных и определяющих дальнейшую судьбу события:

а) "Аквариум" играет акустику на каком-то концерте в студенческом клубе вместе с акустической панк-группой "Акварели", где на виолончели служит некий исусоподобный, тихий и очень интеллигентный Сева Гаккель. Гаккель видит выступление "Аквариума" и понимает, что ему нечего делать в "Акварелях".

б) БГ долго и продолжительно болеет. Во время болезни он много думает о театре и замечает, что театра много, а музыки мало. После выздоровления следует разрыв, бурно радующий басиста Михаила Файнштейна, но оставляющий по ту сторону рампы Дюшу и Джорджа. В ответ на призыв, брошенный Борисом в космическое пространство, появляется Гаккель и занимает свое полноправное место в "Аквариуме".

Вскоре следует распродажа аппаратуры, которую все равно негде ставить, и длительный (до 1979 г.) период домашних репетиций. Файнштейн отслуживает год в армии, его по болезни отпускают в родной Ленинград, и он занимает свое место за бас-гитарой, которой по-прежнему нет.

В 1977 году появляется еще один идиот в нашей компании, единственный в мире анэнцефал, доживший до 23 лет, по кличке Фагот. Хотя, впрочем, для игры на фаготе отсутствие головного мозга — вовсе не помеха. Первое время в "Аквариуме" он проводит, приходя к Гаккелю домой, в то время как тот достает виолончель, чтобы позаниматься для музыкальной школы. Затем Фагот обычно садится на диван и достает из кармана портвейн "Кавказ", употребляемый для того, чтобы окончательно лишить себя способности мыслить. В это время Гаккель, который как хозяин квартиры свято соблюдает законы гостеприимства, идет на кухню ставить чай и тупо взирает на фаготовы попытки стать еще большим идиотом, чем он есть. В 1977 году Фагот и Дюша уходят в армию, где за два года принимают все более или менее "аквариумские" настроения.

К периоду с 1975 по 1979 гг. относятся следующие достижения:

а) Участие в днях рождения "Битлз" (идея справлять их концертами с участием всех желающих была рождена БГ). Забавно и мило поначалу, тупой фарс после.

б) Поездка на Таллинский фестиваль популярной музыки в 1976 году, куда "Аквариум" никто не звал, а поехали на свои деньги в качестве гостей-зрителей. При попытке прослушаться для участия в нем, при первой же песне кто-то из неавторитетной комсомольской комиссии сказал: "Да это же символизм какой-то! Ахматовщина!" — и нам, естественно, было отказано. Однако когда у организаторов кончились желающие сыграть, попросили и нас. Мы поломались для вида, а затем охотно сыграли четыре песни, вызвав неожиданно бурную реакцию зала (играли акустику). Где-то через полгода из случайно попавшейся газеты "Молодежь Эстонии" мы узнали, что получили приз, кажется, за самую интересную и разнообразную программу. Хотелось бы знать, где он теперь?

В Таллине познакомились с "Машиной времени". Знакомство началось с того, что Макаревич пытался соблазнить мою жену и увести ее в свой номер, но ему пришлось забрать и меня вместе с ней. Там мы сильно напились, и жена моя осталась нетронутой. Мы очень сильно подружились и остаемся и по сей день лучшими друзьями. Кроме того, он выяснил, что я тоже музыкант, и мои песни ему нравятся.

Они экспортировали нас в Москву (1976 г.), а мы их — в Ленинград. Мы в Москве понравились, но не привились. Они в Ленинграде особо не понравились, но привились и стали самой модной группой. В 1977 году съездили в Тарту, где акустически вызвали некоторое недоумение публики. Кончилось все скандалом.

В 1979 году съездили в Архангельск (уже полуакустически, то есть с ударником, взятым напрокат), опять в Тарту (Дни молодежи), Куйбышев (три аншлаговых концерта). Я заметил, что девочкам нравятся мои песни. Далее, осенью — на фестиваль в Черноголовку, под Москвой. Потом Клайпеда, и опять в Москву. Потом был мой день рождения. Все в тумане, все перепились.

В 1978 году все было относительно тихо. БГ загорелся песнями Боба Дилана и все лето писал песни ("Укравший дождь", "Уйдешь своим путем", "Дорога 21", "Почему не падает небо"). Летом того же года записал сольный лонгплей с Майком (Михаилом Науменко, известным по песням "Ты дрянь", "Моя сладкая Н"). Он назывался "Все братья-сестры" и разошелся по Союзу в умопомрачительном количестве — около 20 штук! Популярность "Аквариума" резко возросла. Незнакомые люди узнают песни и БГ на улицах.

Осенью 1979 года сели на базу клуба Ленинградского металлического завода и стали официальной самодеятельной группой. Мы довольно долго морочили им голову и играли на рабочих утренниках до конца года. В январе 1980 года перешли в ДК имени Цюрупы. Бедное руководство, — оно не представляло себе, какое стихийное бедствие берет, укрывая "Аквариум" под своей крышей.

Вот и вся история "Аквариума", точнее даже не история, а хронология. Но это еще не все.

С 1975 года штаб-квартирой членов группы являются апартаменты Всеволода Гаккеля, где бы они ни находились (а с того времени они менялись уже 6 раз). А поскольку старинная мудрость гласит, что "Аквариум" — это не музыкальная группа, а образ жизни, и сами пятеро музыкантов вместе с их музыкой — только повод для занимательного времяпрепровождения, то естественно, что Гаккель ведет самый беспокойный образ жизни. Никто не помнит того дня, когда бы он занимался виолончелью, что ему необходимо, ибо меньше пяти гостей у него дома в любой момент не бывает, будь то день или ночь. Он пьет и много курит, хотя хотел бы не делать ни того, ни другого, и напившись, всегда мучается весь следующий день, но вечером напивается вновь. Поэтому он изобрел своеобразный метод игры на виолончели. Метод не требует занятий. Гаккель всегда играет спонтанно, не стараясь сыграть как надо, и это у него получается лучше, чем у Франка Заппы.

Другой участник ансамбля — Михаил Файнштейн (по-русски — Васильев), фигура противоречивая. Самой характерной чертой его игры на бас-гитаре является способность начисто забывать свою басовую партию, даже разученную самым тщательным образом, через тридцать секунд после выхода с репетиции. Забывать навеки. В сочетании с полной неинформированностью по поводу названий песен и их текстов (он может играть песни по два-три года и не знать ни названий, ни слов, ни гармонии) это становится одним из самых интересных стилей рок-музыки. Идея его игры сводится к тому, что во время концерта он становится на сцене так, чтобы видеть гриф гитары БГ и по положению пальцев определять, какой аккорд играется в данный момент.

Вторая его характерная черта — это то, что он считается сексуальным символом "Аквариума". Многие дамы верят этому и охотно соглашаются провести с ним ночь.

При всем этом он иногда играет талантливо, особенно если не на бас-гитаре, а на самодельных барабанчиках, сделанных из пустых пивных банок.

Самой значительной фигурой "Аквариума" в 80-е годы чуть было не стал Фагот Фаготов. В обществе людей, делающих ставку на неспособность думать и на нежелательность этого процесса, круглый идиотизм — самая выгодная черта. Так же, как Сид Вишес своим стилем жизни выражал идею "Секс Пистолз", что приводило остальных членов группы в замешательство, так и Фагот смущает всех в "Аквариуме". При всем при этом он всегда остается верен всем идеалам коллектива. Он всегда делает не то, не так, не с теми и не тогда. Он даже живет не так, как все — в Веселом Поселке (хотя "живет" — не то слово: он иногда ездит туда ночевать, обычно в самое неподходящее время). Он больше всего придает "Аквариуму" экзотичность, но не имеет никакого чувства меры. Тоже претендует на роль сексуального символа "Аквариума", но не может даже этого, хотя общителен, как дворняжка.

Андрей Ромашов (Дюша) — флейта, фортепьяно, вокал — талантлив, но безалаберен до предела. На репетициях появляется редко и обычно пьяным. На концертах тоже обычно пьян вусмерть. Моя песня "Мой друг музыкант" посвящена ему. О музыке и об "Аквариуме" говорит в десять раз больше, чем играет. Правда, когда играет трезвым, то играет хорошо. Вместе с Фаготом написал единственную вещь в репертуаре "Аквариума", не написанную на мои слова и музыку: это инструментальная композиция "Дженевр" (правда, "Артур", мы писали вместе — то есть писал я, а он бегал за портвейном).

И, наконец, начальник группы — БГ, Борис Гребенщиков, то бишь я. В 1964 году впервые услышал "Битлз" и понял, зачем живу. В 1968 году научился играть на гитаре. Основные влияния на мою музыку: "Битлз", Джордж Харрисон (больше всего), "Тротгз", Марк Болан, Дэвид Бойи, Лоу Рид, Донован, Боб Дилан, "Грейтфул Дэд", "Стренглерз", Элвис Костелло, Эно, "Джетро Талл", "Фри", "Фэмили", Брайан Фэри, Меланье, Франк Заппа, а также балдею от "Меднесс". Этому списку имя — легион. Играть никогда и нигде не учился (в отличие от Фагота: музшкола-музучилище; Гакель энд Дюша: музшкола). Так как нигде образования по музыке не получал, то в 1980 году играю примерно так же, как и в 1968. Помимо вышеперечисленного, на меня сильно повлияли Клячкин, Окуджава, Вертинский и Макаревич. Такой же идиот, как и все остальные, но еще и с сильным креном в сторону Востока, поэтому везде склонен вставлять восточные термины: карма, дао, джа и т.д. Помимо песен, пишет просто стихи, прозу, картины маслом, любит вкусно готовить и делать замысловатые полки для книг. В совершенстве знает английский язык и уже 5 лет читает преимущественно *fantasy* (ненаучная фантастика) и "Нью Мюзикл Экспресс". (Где достает, не уточняет.)

Постскриптум. С 1977 года по сю пору хобби "Аквариума" — играть старые рок-н-роллы, что немало усугубляет их скандальную репутацию в Ленинграде и в других городах СССР. Часто группа играет в гриме или в ином малопривлекательном виде: полуголыми, с зелеными бородами, в темных очках.

Если же пускаться в безответственные теоретические спекуляции по поводу моей группы "Аквариум", то:

а) как явствуют из истории, люди приходят в него "случайно" и остаются навсегда (даже Джордж, покинувший "Аквариум" ради театрального поприща, до сих пор остается нашим другом и вертится вокруг нас, и даже чуть было не стал нашим менеджером). Музыканты связаны не музыкальными, а дружескими узами. Поэтому никто не стремится играть лучше другого, а репетиции обычно перерастают в питье чая, пива, портвейна, водки, коньяка и т.д.;

б) "Аквариум" = БГ + Гаккель (минимальный рабочий состав, остальные в любой комбинации);

в) постоянного ударника не было никогда, ибо Джордж был плохим ударником, Флирт был приятным, но не более, а Губерман был дурак. Мы ожидаем, что ударника приведет к нам Бог, Карма или Дао;

г) "Аквариум" хоть и детище БГ (да и питаемая им энергосистема), но не его соло. В концертах БГ создает определенные вибрации, которыми он отчасти кормится сам и кормит слушателей;

д) БГ любит сравнивать "Аквариум" с американской группой "Грэйтфул Дэд". Разница лишь в том, что у тех есть аппаратура, деньги и все остальное, а у "Аквариума" нет ничего;

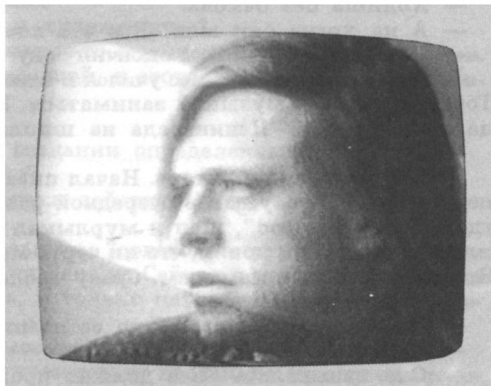
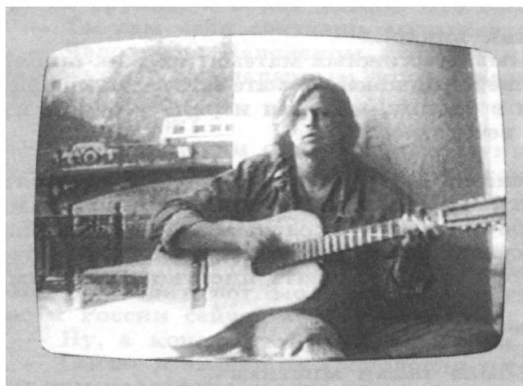
е) у "Аквариума" нет стиля. Нет эстетики. Это абсолютно всядное животное. Но все, что играет "Аквариум", — будь то рэгги или, скажем, чистый панк, нью уэйв, дилан-измы, рок-н-роллы, — объединяет полная бардачность, неотрепетированность и несоответствие одного другому;

ж) несмотря на кажущуюся интеллектуальность, мы намного большие идиоты, чем "Рамонз". Единственный аналог: мы и они — некая семья.

Все написанное выше — полный бред, так же, как и наша музыка, что бы ни значили эти слова.

10 августа 1980

УРА!!! С уважением ваш Борис Гребенщиков.

Борис Гребенщиков.
Кадры из французского телевизионного
фильма "Рок вокруг Кремля"

А. М. (Самиздат, Ленинград)

АКВАРИУМ — ЭТО ОБРАЗ ЖИЗНИ

Разговор с Борисом Гребенчиковым

— Сегодня Борис Борисович будет рассказывать о себе... Боря, ты коренной ленинградец?

— Да, родился и вырос здесь, в Снегиревке.

— Ленинград — единственный город, где бы ты мог жить?

— Из тех, которые я знаю, — да!

— А ты ведь британец...

— Я не британец. У меня есть какая-то вневещественная связь с этой страной, но поскольку я там не был, то говорить об этой вещи я не могу. У меня есть по этому поводу любопытные мысли, но реальная обстановка для работы у меня только здесь. Этот город меня питает, дает мне темы и все, что нужно.

— Ты родился и был обычным "дворовым" мальчиком...

— Да как дворовым? Все-таки читал книжки, начал читать еще до школы...

— Ты пошел в детский сад?

— Никакого детского сада, я был домашним ребенком.

— Читал книжки...

— Да, испортил себе зрение, почти минус пять!

— Ходишь без очков...

— А на хрена они мне? Все что хочу и так видно!

— Мне говорили, что ты окончил одну из самых престижных математических школ?

— Девятый-десятый класс учился в самой лучшей традиционной математической школе. Тогда я начал и музыкой заниматься. Попал в группу, которая играла в одном из дальних районов Ленинграда на школьных вечерах.

— Ты пел?

— Пел и играл на гитаре. Начал писать песни на английском, потом, в семьдесят первом году, послушав в очередной раз пластинку Леннона "Plastic One Band", там, где эта песня, "God", шел и мурлыкал ее себе под нос прекрасным зимним днем... или весенним?.. и понял, что ни черта мне такую песню на чужом языке не написать. Это нужно писать на своем. Сразу после этого я стал пробовать писать на русском.

— Твоя первая песня?

— По счастью, забыта! Я-то ее помню, но...

— Даже назвать не хочешь?

— Она называлась "Все должно пройти", была такая мистика...

— Ты вообще сам мистик?

— Я не знаю, что это значит. Я считаю себя абсолютно реалистом. Материалистом. Просто я воспринимаю материализм шире, чем это принято.

— Как ты понимаешь материализм?

— Не знаю, не могу это объяснить, я это чувствую...

— Ты часто влюблялся?

— Это было мое постоянное состояние. Не всегда в людей. Потом это состояние перешло во что-то другое.

— Что для тебя это вообще — любовь? Тогда и теперь?

— Тогда — состояние, теперь — метод.

— Точнее!

— Метод подхода ко всему существующему живому.

— Более нескромный вопрос. Какое место во всем этом занимают женщины?

— Занимали самое главное, так как мне было трудно сконцентрироваться на чем-то ином, когда такой соблазн перед глазами. Сейчас это растворилось во всем остальном. И женщины занимают сейчас гораздо меньшее место, потому что моя собственная Вселенная расширилась!

— Вернемся к концу школы. Когда ты только начал играть во все эти игры, ты уже хотел стать БГ?

— Да, потому что я чувствовал огромный потенциал системы, связанной с этой музыкой, и мне очень хотелось увидеть появление этой системы и максимально участвовать во всем этом. Знаешь, вообще-то все это трудно вспомнить, хотя и легко сформулировать. Скажем так: меня интересовало мифотворчество!

— Мифотворчество может быть сотворением мифа о себе, мифа о мире, мифа вообще.

— Меня интересовала самая возможность появления мифа, непривычного для моего тогдашнего мира, для его системы описания. Мы занимались разными интересными вещами с Джорджем, еще до создания "Аквариума". Писали пьесы, стихи...

— Джордж — это кто?

— Джордж Гуницкий. Мы с ним вместе организовали "Аквариум", теперь он член совета рок-клуба.

— С бородой?

— Да. Музыкой давно не занимается...

— В каком году ты решил организовать "Аквариум"?

— Он организовался — естественным образом, хотя и я повинен, — в июле 1972 года. Как идея. Мы решили, что пора кончать всякой ерундой заниматься и пора делать группу. То есть чтобы писались свои песни и пелись свои, и чтоб было все не как вокруг, а по-настоящему. Двенадцать лет уже...

— Срок долгий, попытайся разбить его на периоды.

— Это дело критиков. Потому что первым был период, о котором нечего говорить. Проходил он очень интересно. Была огромная общность людей, кочевавших вместе с одной квартиры на другую, из одного кафе в другое, пили кофе, курили, говорили о том, о сем и все делали вместе. На такой плодотворной почве все и создавалось. А потом по разным причинам эта штука стала растягиваться в другую сторону, и "Аквариум" выкристаллизовался в музыкальный союз... Тогда говорили, что "Аквариум" — это не группа, а образ жизни. Это было верно.

— Ты сам себя считаешь музыкантом или художником?

— Человеком. Человеком, который имеет какое-то отношение к творению мифов. Человеком с определенным долгом перед Вселенной, я этот долг очень хорошо чувствую!

— В чем он?

— В исполнении определенных функций, создании определенных вещей.

— Ты мог бы назвать эти вещи конкретно?

— Назвать — значит ограничить, а эта штука действует!

— Ну хотя бы самое основное...

— Причастность к созданию того, что мы называем "советским роком". Появление музыки, которая была бы не слабее музыки на Западе. Сейчас я достиг того, что на Западе говорят: вот, мол, у нас все загнулось, и только на Россию смотрят... Интерес к России сейчас непревзойденный!

— Ну, а конкретно — каковы твои взаимоотношения с западным роком?

— Сейчас я вышел из хронологии того, что происходит на Западе: то, что происходит там последние десять лет, волнует меня не так сильно, как то, что происходило в шестидесятых годах. Меня большему учит тогдашняя музыка. Она позволяет в самом себе регулировать большие ресурсы, чем та музыка, которая есть теперь. Хотя я слежу за тем, что там происходит; и там есть интересные вещи, типа Cocteau Twins.

— Но ведь музыка конца шестидесятых связана и с социальными условиями, и с психоделиками, и с наркотиками...

— Наркотики — абсолютно внешняя вещь, социальное движение — тем более внешняя! Просто тогда было сильное желание синтезировать накопленное доселе, объединить и воссоединить в сознании чего-то единого нового. Но получиться это не могло, так как инерция цивилизации очень сильна, если же брать это как указатель дороги, то указано было очень многое. Было много разных вещей, которые проявились впоследствии гораздо сильнее, и многие люди занимались тогда теми вещами, которые меня очень долго и страстно интересуют.

— Это музыка. А что было вне ее?

— Все, что проходило вне музыки, я строил себе сам. Все это интересовало поверхностно. Конечно, кое-что интересное было. Хиппи, например, волосатые...

— Ты сам был хиппи?

— Я не знаю, что это такое, но я странствовал: по Прибалтике шлялся несколько лет, автостопом, ночевал в канавах и под мостами. Пел песни. Но оставленный образ

жизни был более плодотворен. Та ситуация, в которой находятся советские хиппи, — она мало плодотворна, впрочем, там хиппи — то же самое...

— Ты любишь комфорт?

— Да, за неимением его я отношусь к нему очень хорошо. Но мне не хватает вполне определенных условий, в которых я бы мог добиться большего. Дома мне просто негде играть на гитаре. Рисовать я могу только после двух часов ночи, выходя на кухню...

— Скажи, Боря, ты злой человек?

— Нет. Жизнь меня этому учит.

— Вот окружение твоё. От тебя все очень многого хотят...

— Ну, как много хотят? Хотят набраться немного энергии. Хотят потратить лишнее у себя время... Приходится по отношению к ним идти на компромиссы. Но у меня действительно нет возможности пить портвейн с каждым человеком, который заходит ко мне домой. Часто знакомые, часто незнакомые... Большой контингент людей хочет зайти ко мне домой выпить портвейну и поговорить о жизни...

— И что они спрашивают о жизни?

— А им нечего спрашивать о жизни, им хочется просто поговорить, а потом рассказывать всем, что они говорили с Гребенщиковым...

— Расскажи о своем отношении к людям.

— Люди меня интересуют в том смысле, что я могу с ними что-то сделать совместно. Когда в человеке есть такой потенциал, то он мне интересен.

— Когда есть что-то совместно связывающее?

— Когда есть определенные методы подхода к миру и мы можем поделиться ими друг с другом.

— Что ты видишь сейчас для себя в деле главным? Каким бы ты хотел видеть свой завтрашний день? В рок-н-ролле?

— Мне хочется иметь достаточно благоприятные условия для записи музыки. Сейчас это случайно, один-два раза в год, а я хотел бы иметь такую возможность постоянно!

— То есть ты хотел бы иметь свою студию?

— Да, или возможность неограниченного пользования студией.

— Для этого в нашей стране нужен профессиональный статус.

— Наши профессиональные музыканты не имеют возможности пользоваться такими студиями, которые им нужны...

— Какой же выход?

— Никакого. А точнее — ждать, когда такая студия появится. То, что мы записываем, мы всегда записываем чудом. При невероятнейшем стечении обстоятельств.

— Расскажи, как был записан "День Серебра".

— Чудесным образом к нам в руки попала машина для записи... такой магнитофон, который по идее, в принципе, к нам в руки попасть не мог. И находился он у нас ровно столько времени, чтобы записать этот альбом. В состоянии дикой спешки!

— Боб, почему в этот альбом не вошли "Жажда" и "Нож режет воду"?

— Песня о воде "Жажда" — "Вода, очисти нас" — предполагалась как один из вариантов того, что может быть. Но по чисто техническим причинам мы не смогли это сделать. Сейчас я, к счастью, вижу, что она была бы там лишней.

— Что тебя сейчас волнует больше всего?

— Возможность стать лучше самому в чисто житейском плане. Возможность быть добрым к окружающим меня людям, возможность любить окружающих людей с большей пользой для них. То есть возможность что-то сделать для людей. И зудит музыка... Зудит, зудит, зудит... Если бы у меня была студия, та, которая сейчас мне нужна, то можно было бы записать, ну, скажем, два альбома — просто, не думая. А с третьим альбомом... Это была бы настоящая работа, то, что мне и хотелось бы делать.

— Какое место в этих альбомах занимал бы текстовый ряд? Ведь Гребенщиков всегда ассоциируется прежде всего со словами...

— Ничего не могу поделать. Я не такой человек, как Маккартни, который может обходиться постейшими, банальными словами и делать при этом колоссальные вещи. Я этого пока не умею.

— Ты прежде всего — поэт?

— К сожалению, ничего не могу с этим поделать! Для меня слова — звук, который в большинстве своем не получается. Но тем не менее сумма слов и неполучившихся звуков все равно дают какой-то звук. Звук с большой буквы — это тот рок-н-ролл, который я пою. Просто рок-н-ролл получается очень странный. Но он получается.

— Какие музыканты необходимы тебе для этого рок-н-ролла? Представь себе идеальный состав, с которым бы тебе хотелось работать.

— Дело не в конкретных людях. Просто жизнь в Ленинграде дает мне возможность записывать все так, как оно должно быть записано. У меня нет недостатка в нужных для записи людях. Когда их не хватает — это моя вина!

— Значит, тебе сейчас не нужен постоянный состав?

— Нет, не для чего.

— Получается, что "Аквариум" как группа...

— "Аквариум" никогда не был группой! Сначала это был образ жизни, потом это стало идеей, вырвавшейся из этого образа жизни.

— Но для Союза "Аквариум" — это прежде всего группа. Объяви сейчас о ее роспуске — это будет трагедией!

— Да. Люди пока просто не могут воспринимать ситуацию в менее шаблонном свете. Люди привыкли, что группа — это группа. Хотя "Аквариум", то есть те четыре человека, которые известны в Ленинграде как группа — Дюша, Файнштейн, Геккель и я, — практически не принимали совместного участия в записи последних альбомов.

— А как обстоят дела сейчас?

— Сейчас у нас период отдыха. И когда мы из этого периода выйдем, в каком виде выйдем, я не знаю. Отношения же как в какой-нибудь ортодоксальной группе, когда люди расходятся, сходятся по каким-то своим причинам, хотя или не хотят играть друг с другом, — к нам это не подходит. У нас совершенно другая ситуация!

— Если бы завтра Ленконцерт предложил "Аквариуму" контракт, что бы сказал на это БГ?

— Посмотрел бы на условия контракта! Я уверен, что он бы меня не удовлетворил.

— А если бы тебе дали возможность петь со сцены...

— У меня есть возможность петь со сцены. В последнее время мне приходилось часто отказываться от предложений петь. Меня больше интересует запись. Уже много лет.

— Чисто студийная работа...

— Да. Там я могу позволить себе больше. Это другой вид искусства. Брайан Ино правильно заметил, что студия для музыканта — то же самое, что палитра и краски для художника.

— Боб, что это за история с миньоном "Аквариума", который якобы был записан на фирме "Мелодия"?

— Я думаю, сейчас он уже уничтожен. Ведь у них мало пленки, и они не могут себе позволить хранить какую-то вещь бесконечное количество времени.

— Что входило туда?

— "Встань у реки", "Почему не падает небо" и еще две вещи... Мы не сошлись на том, какие, но было записано несколько. А потом ленинградское руководство фирмы и московское не сошлись во мнениях. По инициативе Москвы дело было застопорено, хотя мы были внесены в план.

— Больше контактов с "Мелодией" никаких?

— Нет.

— Ну, а варианты "Лио рекордз"?

— На Западе не настолько нужна советская музыка, чтобы какие-то предложения или идеи можно было расценивать всерьез. А та музыка, которая у меня в голове, требует другого соучастия.

— Знание языка?

— Нет, я думаю, это необязательно, слушали же в России западную музыку на протяжении двадцати лет и до сих пор слушают, хотя большинство не понимают, о чем там поется. Не понимает, но слушает звук. Я уверен, что наш звук будет достаточно ясен и необходим сейчас на Западе...

— Вот ты мне рассказывал, как Боуи пытался слушать твой звук...

— Пытался. И слушал.

— Но если его это заинтересовало...

— Да, но одно дело Дэвид, а другое — массовый потребитель.

— Кстати, тебя не обижает, что тебя называют советским Боуи?

— Мне это как-то безразлично. Одно время, впрочем, забавляло, сейчас все равно.

— Как ты относишься к такому понятию, как имедж?

— Он был для меня очень существенен, сейчас это понятие перешло в другую фазу...

Об этом нет смысла говорить, это воспринимается как какое-то дело, как результат концертов, записей...

— С кем из музыкантов тебе приятней всего общаться?

— А с кем и общаюсь. Со всей нашей ленинградской когортой.

— Отношения с Москвой?

— Никаких! Хотя в Москве есть несколько очень милых моему сердцу людей, часть из них принадлежит к музыкальному кругу, часть нет. Макаревич, Рыженко. Но это общение между людьми, не между музыкантами.

— Как музыканты вы на разных полюсах?

— Нет, мы просто занимаемся разными вещами и не являемся необходимыми друг другу как музыканты.

— Тебе хватает самого себя, своих идей?

— Мне хватает возможности воплощать эти идеи в Ленинграде. Здесь есть все, что мне нужно, чтобы делать ту музыку, которая мне нужна!

— Расшифруй то, что мы называем "духом" Ленинграда.

— Не могу, это витает в воздухе, этим пронизано все в Ленинграде. Для меня это естественная среда.

— Тебя уже не интересуют взаимоотношения с публикой, поклонниками, просто слушателями?

— Только со стороны того, может ли получиться что-нибудь интересное как продукт этого взаимодействия, взаимоотношений.

— Новые идеи?

— Новые идеи, новое дело, что-то такое интересное, что может возникнуть и повести куда-то за собой.

— Иногда кажется, что ты человек довольно коммуникабельный, а иногда...

— Когда я произношу слова, то очень хорошо чувствую, как из меня вытекает энергия. То же самое, когда общаешься с женщиной, тогда энергия из тебя вытекает совершенно определенным путем. Какая энергия? Достаточно ценная! И поэтому то беспорядочное общение с девушками, которое давно принято у нас в системе, очень пагубно для человека. Для мужчины и для женщины. Потому что это хаотичный разброс спермы в разные стороны, который никому ничего не приносит, кроме обломов! Потому что это не связано с любовью как таковой!

— Разве любовь — это главное?

— Главное, когда существует что-то еще, а тут ничего другого не существует. То же самое, в меньшей степени, происходит со словами. Я произношу слова, от меня утекает энергия, которая могла бы быть направлена на создание вещей более полезных. Поэтому моя коммуникабельность строго ограничена необходимостью общения с теми людьми, с которыми я могу сделать что-то полезное.

— А тебе самому не хотелось бы сделать что-нибудь еще, например, написать книгу, поставить фильм?

— Писать прозу? Меня эта возможность всегда очень интриговала, потому что есть масса интересных идей, но сейчас я нахожусь не в том состоянии, чтобы сконцентрироваться и сделать это. Снимать фильм просто еще рано.

— Но идея такая есть?

— Мне пока хватает того, что я вижу... В общем, есть люди, снимающие фильмы, которые доставляют мне, когда я этот фильм смотрю, большую радость. Скажем, все захаровские фильмы: "Обыкновенное чудо", "Флоризель", "Мюнхгаузен", "Калиостро"... "Шерлок Холмс", — хотя это не Захаров, — эту серию я вообще считаю лучшим, что сделано в России в кинематографе.

— Что ты скажешь об Андрее Тарковском?

— Для меня "Шерлок Холмс" значит больше, чем Тарковский. Это может показаться парадоксальным, хотя Тарковского я очень люблю. Он всеобъемлющ, он работает на другом уровне. Но "Холмс" мне более приятен, и он мне больше дает. Он гораздо совершеннее! А вот еще фильм был — "Небывальщина"... Меня он здорово порадовал!

— А твои отношения с живописью, не твоей?

— Никаких!

— Есть любимый художник?

— Нет!

— Любимого писателя я уже знаю...

— Толкин тоже не любимый писатель. Тут речь не о писательстве, а о создании каких-то миров, хотя как писатель он тоже замечателен. Поэтому когда меня спрашивают про Набокова, я не могу порадовать людей даже положительным отношением к Набокову. Писатель как таковой меня не интересует абсолютно, меня интересует получившийся результат. И когда писатель строит слова, то у него это, как правило, не получается. Меня интересуют такие более простые и явные для меня вещи, как создание мира!

— Но ведь любимая книга — это построение нового мира, как и любая песня — создание нового мира.

— Да, но круг того, что я читаю, очень ограничен, я не хочу заставлять себя читать ту херню, которую, скажем, пишут в Штатах теперь. Большую часть того. Даже такие милые люди, как Роббинс...

— Джон Ирвинг?

— Пустая трата времени.

— Мейлер?

— Тем более.

— Есть ли у тебя общие идеи с кем-нибудь из советских музыкантов? С Макаревичем?

— Он оказался в другой среде, и поэтому ему несколько тяжелее, чем мне. Мне кажется, он мог бы делать гораздо больше, и мне хотелось бы как-то его растормозить — чтобы он вылез из той раковины, в которой он сейчас существует...

— Эта раковина предопределена его официальным статусом. Именно поэтому сам ты и не принимаешь подобного предложения?

— Ну, любое заковывание музы является преступлением. Есть разница между любовью и проституцией.

— А как все эти отношения сказываются на тебе, фигуре, скажем так, полулегальной? Это скрывание тебе самому не мешает?

— Помешать мне все это может лишь в том случае, если меня посадят в тюрьму.

— Значит, тебя уже пора сажать...

— Придумать, за что, можно, только зачем? Мне кажется, что России я в общем-то полезен.

— Это кажется тебе одному?

— Не мне об этом судить. Но полулегальная фигура — это хорошо. Ведь я ничего не делаю, чтобы добиться какой-нибудь легальности. Я ничего не делаю для того, чтобы в газете "Смена" сообщили о том, что БГ выпустил новый альбом.

— Но я читаю в "Смене", что активно концертирует группа БГ "Аквариум".

— Да. А когда появилось "Радио Африка", то там было напечатано, что вышел новый цикл песен "Радио", слово "Африка" выкинули. Но я ничего не сделал для того, чтобы газета "Смена" это опубликовала. Следовательно, "Смена" признает мою полезность стране.

— Вот мы говорим с тобой о рок-н-ролле, естественно, подразумевая, что он жив, что он развивается, а ведь ты написал "Рок-н-ролл мертв"!

— Я не отказываюсь ни от одного своего слова. Могу объяснить эту песню до последней строчки. Но это не имеет смысла... Противоречия есть и будут — только тогда возникает возможность жизни. Жизни и веры. Музыка для меня — это то, что дает возможность веры. Музыка — это когда появляется волшебство! Волшебство, которое нельзя объяснить! В него можно только поверить, можно его почувствовать. Музыка — это такое разворачивание души человека, когда она может принять в себя веру!

— Но ведь всеми эта песня была воспринята совсем по-другому.

— Что делать? Хорошо, что она хоть как-то была воспринята! Человек подумает и увидит, что парадокс заключается в самой природе этой песни, ведь то, что сама эта песня — рок-н-ролл, сомнения нет. В том, что в песне поется "рок-н-ролл мертв", — нет сомнения тоже. Вот ведь парадокс! Решайте его как хотите, но не примитивно.

— У тебя есть самая любимая песня?

— Их очень много!

— Самый дорогой альбом?

— Мне милы "Радио Африка", "День Серебра" и "Треугольник".

— Расскажи немного об "Африке".

— Это языческий альбом. От обложки и до последней ноты. Это потенциал воссоединения язычества со всем остальным. В колокола надо бить как в начале, так и в конце. Я не знал, что делаю тогда, а теперь вижу, что все это сходится в одну картину.

— Когда ты работаешь, как к тебе приходит образ?

— Понятия не имею!

— Вознесенский как-то писал, что он вышагивает стихи ногами...

— Это идеальный метод. Но я — ленивый. Хотя тоже в основном пишу на улице. Сидение дома приводит к мертвым песням. Больше половины "Треугольника" было написано по дороге в студию. А потом, когда шли пить кофе, придумывали аранжировку, а потом шли в студию и записывали это все...

— Помнишь ли ты первое появление "Аквариума" на сцене?

— С трудом, это был, наверное, год семьдесят четвертый... Помню, что был с зеленой бородой, в лентах, почти как Бой Джордж...

- А с Майком?
- Это потом уже было. Когда нам было нечего делать, мы играли рок-н-роллы, чтобы нам было весело...
- Больше с Майком не работаешь?
- Как же! Дней десять назад мы с ним работали...
- Что это было?
- Да так, акустический концерт с Майком и Цоем, один играет, другие поддерживают кайф. Мне с Майком всегда работать приятно, я понимаю, что он делает, мне это близко. Помню, году в семьдесят девятом я бегал и говорил: Майк, стань ты первым советским блюзменом! Играй ритм-энд-блюз! К счастью, он не послушался. Написал массу не строго квадратных песен, которые обогатили Россию очень сильно. А последний альбом у него почти весь ритм-энд-блюзовый, мне это приятно.
- Твои любимые ленинградские группы?
- Майк и Цой. Вишня, на мой взгляд, имеет большой потенциал... "Секрет" мне нравится как идея. Да и вообще они мне милы, помню, выпивали с Макаревичем и часа в четыре ночи, обнявшись и чуть не плача слушали "Секрет". Значит — хорошо!
- Московские группы?
- Никаких, разве что "Звуки Му"... "Звуки Му" — это очень сильная концепция! Не знаю, что у них выйдет, я давно их не слышал. Если это появится, то это будет советский Бифхарт. Ну, где-то на этой грани...
- Ты сказал — Бифхарт? А как твое отношение к Заппе? Ведь где один, там и другой!
- О! Я очень любил Заппу, очень много слушал. Потом он просто физически мне надоел. Но "We're Only In It For the Money" я слушаю с большим удовольствием. Там есть тот потенциал, те кайфы, которые до сих пор для меня существуют. Или, скажем, куски "Uncle Meat"...
- Ты считаешь себя джазменом?
- Я не знаю, что подразумевается под словом "джазмен". Если подразумевать стремление играть, и играть все равно что и все равно как, то меня это абсолютно не привлекает. Если же есть возможность перестраивать свой словарь и использовать какие-то формы для выражения каких-то вещей, то меня это интересует больше. То, что я делаю, безусловно рассчитано на то, чтобы люди, которые мне близки, могли уловить какие-то шутки, нюансы, которые с налету не взять. Естественно, я пишу сам для себя и мне всегда интересно поглядеть, чтобы те люди, которых я люблю, это съели.
- Как ты относишься к шоу на сцене?
- Когда я на сцене, мне всегда интересно поймать публику чем-то неожиданным, поэтому много чего делалось!
- Я помню один фестиваль... Утром — совершенно безумное шоу "Станных Игр", вечером — спокойное, внутренне очень сконцентрированное выступление "Аквариума". Не было никакого шоу, но был такой внутренний напруг, такой выплеск энергии по большому счету, что это превзошло все остальное!
- Дело в том, что то, что мы хотели сделать, мы сделать успели. И гитары я разбивал, и микрофоны в залы кидал, играл и лежал, и сидя, и стоя... Весь скандал в Тбилиси был именно из-за шоу, причем это было не шоу, просто мы вели себя так, как этого требовала ситуация.
- Скандал в Тбилиси на тебе здорово сказался, Боря...
- Нет! Я перешел в тот образ жизни, в котором сейчас живу, и очень благодарен судьбе. Я перестал быть научным сотрудником и стал дроп-аутом!
- Но как про тебя можно сказать "дроп-аут", Боб?!
- Дело в том, что дроп аут из неестественной ситуации — дроп ин в естественную. Я перестал быть научным сотрудником и стал человеком. Думаю, этот обмен стоит чего-то, это не бегство, а присоединение к обществу людей.
- Близких тебе?
- Нет, вообще людей, по большому счету. Просто многие ставят себе степени, вроде бы это удобнее, — без того, чтобы быть человеком. А я считаю, что человек — самое простое, естественное и важное, что может быть.
- Ты любишь природу?
- Очень. Настолько люблю, что даже не начал к ней подходить. Мне хотелось бы восстановить нарушенный цикл в отношении людей с окружающим. Я думаю, что я недостаточно совершенен для этого, ведь я сам для себя не могу это сделать. Но мне хотелось бы послужить для того, чтобы эти отношения наладились.

- В твоих песнях очень много природы.
- Да? Странно...
- И получается по БГ, что главное в природе — вода...
- Вода для меня — элемент, имеющий огромное значение на всех уровнях. Начиная с символики "Дао дэ дзин" и кончая просто символом воды. Вода — это огромная тайна, мы к ней привыкли, мы этого просто не замечаем!
- Может, отсюда и идет: "Вода, очисти нас!"
- Это многослойная фраза, в ней очень много символики, включая пласт не символический, а просто чистый, естественный...
- Это одна из твоих любимых песен?
- Может быть, может быть...
- Что ты больше любишь петь сам? Электричество? Акустику?
- Я люблю все, я и джаз люблю играть, скажем, с Капитаном...
- Я тебе сделал запись "Чистой воды", в Москве...
- Фантастика!
- Идея "Чистой воды"... Мы уже говорили с тобой, что там много Моррисона. Это все специально?
- Естественно! Включая прямые цитаты! Просто я знаю, что это такое — рок-культура, так зачем же я буду ограничивать себя в ее употреблении? Могу цитировать "Дао дэ дзин", а также могу цитировать Моррисона.
- А можешь и Дэвида Бирна...
- Да, могу.
- Что ты и делаешь...
- Что я и делаю! Песня "Иванов" целиком навеяна песней Ино...
- А стихи ты писать бросил?
- Абсолютно, стопроцентно, навсегда и бесповоротно!
- Ты уверен?
- Нет, но на данный момент это так!
- Читаешь стихи?
- Не-а. Это бессмысленно, хотя очень люблю Ахматову.
- Мандельштам?
- Не меньше. Очень уважаю Цветаеву, Пастернака...
- Восточная поэзия? Судя по всему, она должна быть тебе близка.
- Близка, но это не значит, что я ее читаю. Читать не обязательно! Чтение восточной поэзии ничего во мне не вызывает. Ничего, кроме самых простых вещей, которые могут быть вызваны гораздо с большим толком.
- А хобби у тебя есть?
- Так ведь это все, в общем-то, хобби! ●

Январь 1986

Концерт рок-музыки в Москве

ДОКТОР КИНЧЕВ. ФИОЛЕТОВАЯ ГОЛОВА С ГОЛУБЫМИ ГЛАЗАМИ

П о с в я щ а ю:

*пельменной на пл.Ногина
моей жене
кафе "Ивушка" после 24.00
Пастуху, Школьнику и Доктору*

Крупные эпохи культуры часто проходят под знаком одного определяющего рода искусства. Например, близкие культуры барокко и модерна сплошь проникнуты театром и театральностью. Жизнь представлялась драмой, человек — персонажем. Ведущее искусство XIX века — роман, и романное мышление ощутимо во всех сферах культуры. XX век, особенно вторая его половина, — время музыки. Уже Фрэнсис Скотт Фицджеральд назвал двадцатые эрой джаза. Важнейшие переломы послевоенной культуры связаны именно с музыкой: битники и поп, хиппи и рок, панки и, ясное дело, панк-музыка. Или отечественный пример: Аксенов и проникновение джаза в СССР.

Впрочем, рок — не музыка: он синтезировал также литературный текст, элементы театра, танец и пр. ("и пр." — это, например, новые возможности видео, давшие жанр музыкальных роликов). Почему рок определил развитие культуры последних двадцати пяти лет — тема длинного разговора. Я — о другом.

Естественно, наступление нового периода в нашем искусстве, в нашем понимании жизни и в нашем отношении к ней отражается прежде всего в роке. Такие переломы не считаются с календарем... На гребне идущей волны рождается человек, абсолютно их выражающий, — рок-музыкант Костя Кинчев.

С другой стороны, ушедшее десятилетие дает в роке последним всплеском Юру Наумова. Статья пишется по оси: Кинчев—Наумов. Это — контрапункт. Диалектика. Как и всякая пара, эта существует в единстве. У Кинчева и Наумова — ряд параллельных образов (ночь/утро—зима/весна) и песен об одном.

Наумов

Я рожден чтоб играть,
Мама,
Поколенью душевных калек
По колено моря сонных лет...

Кинчев

Мое поколение не смеет петь,
Мое поколение боится ночи
Мое поколение пестует ночь,
А по утрам ест себя...

В противоположности Н и К открывается противоположность семидесятых и Того Что Потом. (Сам Кинчев — статья-то все-таки о нем — не одобрит такого резкого противопоставления.)

Ты веришь запаху трав.
Я — стучу в дверь.
Но разве важно, кем были мы
И кто мы теперь?
Ведь в этой игре решать не нам,
И не нам назначать масть.

Но, мне кажется, стоит встать,
Даже если придется упасть...
Твой символ — роза ветров.
Мой — ржавый гвоздь.
Но ради бога давай не выяснять,
Кто из нас — гость.

Кинчев и Наумов иногда выступают вместе. Очень эффектно. Наумов байроничен, мрачен, замечательно играет на гитаре, противопоставляет себя слушателям, носит длинные черные волосы. Кинчев улыбается (хоть иногда кажется, что он сейчас откусит вам ногу), делает вид, что играть совсем не умеет, убеждает зрителей, что "мы вместе". Носит Фиолетовую Голову!

1. КОНСТАНТИН КИНЧЕВ: ФИОЛЕТОВАЯ ГОЛОВА

Противоположно прежде всего отношение Кинчева (Москва—Ленинград, восьмидесятые) и Наумова (Новосибирск, семидесятые) к Игре, Театру, Стебу.

Для Кинчева стеб (насмешка, издевка; ср. глагол "стебануться") — всепроникающий, определяющий принцип. Наумов воспринимает мир без тени улыбки. Первое, над чем иронизирует Кинчев, — он сам и его песни. Нет ничего более святого для Наумова.

Наумов

Приглушенно вой о
Придушенных душах,
Пока не задушат
Тебя самого.
Я чувствую: меня хотят убить!

Кинчев

Я сколько себя помню —
Я всегда был глуп.
Я не любил учиться и не мог есть суп.
Я за короткий срок так много
сочинил,
Что половину из того, что сочинил,
Уже забыл.

Тяга к игре, алкоголизму, абсурду существовала в культуре искони и усилилась в XX веке — первой половине Ха-Ха. В восьмидесятых она нисходит до уровня быта, образа жизни. И, естественно, как все, что куда-нибудь нисходит в восьмидесятых, вполне выражается Константином Кинчевым (КК).

Жизнь схематизирована, расписана по нотам, проникнута неизменностью ритуала. В противовес возникает стремление к Игре. Идеи эти не новы. Но то, что было когда-то достоянием провидцев-обэриутов, спускается сегодня — в еще более резкой форме — на ступень массовой культуры со ступени элитарного искусства. (Речь идет, конечно, не об Игре вообще, лежащей в основе всякого искусства, а об Игре сознательной.)

"Помоечная культура панков" (Аня Г.) определяется именно тягой к карнавализации реальности, устройству Театра-для-себя. Ведь Фиолетовая Голова Кости Кинчева — не цель, а средство. Средство провоцировать. Но такая провокация совершенно отлична от провокации хиппи. У тех длинные немытые волосы эпатируют буржуа, разжигают его ненависть к "поколению цветов", и все видят, какой он "безмазовый", по-нашему, или "квадратный", по-английски. Цветные волосы панка — не всерьез, не принцип, а способ навязать окружающим роль, спровоцировать скандал, в котором можно быть и актером, и режиссером, и зрителем. Это самое простое средство оставаться актером все время, даже во сне: отрастить "гребень".

Тут панки противопоставлены хиппи, всерьез верившим, что хаир (hair) делает их индейцами, детьми природы, etc. Маска вурдалака, вампира, нежити, гормонального мутанта, столь любимая панками и КК, — только маска, о чем отлично знает тот, кто ее носит. (Если не дурак.)

Конечно, сильная театрально-игровая струя существовала и в культуре хиппизма, и в искусстве семидесятых. Но у панков она настолько усиливается, настолько ставится в Центр Всего, что меняет свой смысл. У Кинчева в самый патетический момент какая-то бродящая где-то в уголке глаз или рта кривота говорит, что все это — понарошку, что надо всем можно посмеяться, со всем поиграть, — стеб, стеб и стеб...

Идеей игры проникнута не только милая сердцу КК панк-культура. Все мы в той или иной степени испытываем тоску по игре, осознанную или нет. Раз я попал в гости к своей знакомой из Питера, Оле. Дома у нее царил непрерывный скандал с участием самой Оли, двух ее любовников и разных эпизодических лиц. Я пугался, думал, что пришел не вовремя, пока не понял: происходит театр. Просто она так присаливает свою пресноватую жизнь. Когда я пытался уйти, меня удерживали не из вежливости. Актерам этого Тетара-для-себя был необходим зритель.

Другая моя знакомая, Юлия, пользуется репутацией чудовищной сплетницы, выдувающей к тому же свои мыльные пузыри совершенно из ничего. Но делает она это не по злонаравии, а чтобы спровоцировать спектакль. Ведь и о себе она распускает слухи ничуть не менее фантастические. Более того. Боюсь, что многие из тех, кто, зная Юлю, рас-

сказывает ей свои секреты, полуосознанно рассчитывают на эти самые ее таланты. И — на спектакль.

Время театра (но — рок-театра) находит свое выражение в Актере. В Кинчеве.

(Поэтому, кстати, кинчевские тексты очень проигрывают на бумаге. Кинчев — не поэт, он "догружает" слова песен театральными способами. Зато слушавшие Костю, даже читая текст, слышат его голос и видят его лицо. То же со словами Высоцкого, неотделимыми от голоса. В приводимых здесь цитатах важно поэтому содержание, не форма.)

Кинчев — это Театр Рока, Театр Панка, Театр Восьмидесятых, Театр ФГ. Слово "театр" встречается в его песнях не реже, чем "бег" у Наумова. Начальные строчки трех песен:

Мой театр — мой каприз...
Театр теней начинает жить...
Маленький забытый всеми театр...

Ясное дело, именно театр должен развязывать игру. Но современный наш театр от игры скорее отрешивается. Правда, сильное игровое начало есть в драматургии Садур ("Чудная баба"), Петрушевской (одноактовки), Червинского ("Крестики-нолики", в которых, как пишет Илья О., "хоть это и слишком красиво сказано, чтобы быть правдой, игра есть форма и содержание мира"). Но в реальном театре тоска по правде, по магнитофонной записи Нашего Быта, по спектаклю ПРО НАС у большинства талантливых (вернее, подающих надежды) режиссеров перевешивает. "Три девушки в голубом" и "Сырая нога" — отчасти шаг лет на сто назад, но так хочется увидеть, наконец, на сцене себя, тебя, тетку из соседней квартиры. (Три известных мне исключения: "Серсо" Славикина и Васильева, "Хармс! Чармс! Шардам! или Школа клоунов" Левитина и Захаровские "Жестокие игры".) Впрочем, возможен и синтез двух этих линий: Аксенов, то же "Серсо".

Но дело не только в этом. Нынешний театр совершенно игнорирует наше поколение. Старая пьеса покойного Арбузова не в счет. Поколение 1956—68 просто не существует. Нас нет. Единственный театр этого так странно потерянного поколения — театр рока, театр Кости Кинчева. И он поет:

Кто посмеет сказать, что нас нет?

Кинчев — единственный, у кого одинокие молодые люди вдруг оказываются Поколением. Вместо наумовского "я" КК говорит "мы".

Но, как всегда у Кинчева, это преподносится не без стеба, так что иногда даже неприятно: может, это очередная маска? Масок у КК — без числа. Он откровенно меняет их на глазах у публики, всякую секунду выглядывая из-под домино и подмигивая зрителям. Кинчев всегда одновременно — Актер Театра Сейшенов и Зритель Театра Сейшенов, первый заводила и — отстраненно-ироничный наблюдатель. В Театре Сейшенов все актеры, хоть многие о том не подозревают. (Наумов настолько сросся со своей сценической маской, что весь он — отрицание масок.)

Лики Кинчева бесчисленны. Но есть роль ролей, сквозной образ. КК — инородная закованная, он свалился с Луны, он слегка нежить, он трансцендентен.¹ Но он вовсе не Демон. Ведь ему в общем нравится наша жизнь, он играет с нами одну игру. Кинчев — Троль. Такова его роль на будущем Карнавале.

Кстати, о Карнавале. Карнавале, которого все ждут. (Рая говорит, что "карнавал" — слово шестидесятых, а тогда оно значило нечто другое. Но что же делать, если Карнавал — все нет и нет. А хочется его с каждым годом — шестидесятым или семидесятым — все сильнее.)

М.Швыдкой пишет в статье "Не только Ибсен" ("Театр" № 11, 1984) о карнавале, который он застал в Осло во время театрального фестиваля. Что удивительно, карнавал этот проводился второй раз. Без традиций, без особой подготовки — вдруг — Карна-

¹ Ввернул-таки!

вал. И не только в Осло, но и по всей стране, целых три дня! Значит, действительно есть огромная потребность в празднике, в снятии оков, преступлений запретов, но главное — в Игре. М.Швидкой как раз и не понял (хоть он видел Карнавал, а я нет), что не социальные, сексуальные и всякие другие табу — главные побудители Карнавала. Нет, суть Карнавала — преступление другого, важнейшего, универсального табу современного общества (и западного, и нашего): запрета на игру, импровизацию, незапрограммированность. Как население Москвы хочет Карнавала! Но карнавал 1 апреля на Арбате не удался. Именно потому, что было дозволено лишь заранее спланированное веселье. Милиционер пообещал оторвать мне ухо за то, что я, ни с кем не согласовав, надел в качестве серьги пару щепок...

Наиболее резко проявляется современное ощущение игрового дефицита в нашей любви к кризе. (Это сленговое слово от англ. сразу — сумасшедший, глупый. В нашем сленге у него два значения:

— "сумасшедший дом". Наумов: "И чуть было не оказался в кризе".

— нонсенс, ерунда, дураковаление, скоморошество, Эдвард Лир, Льюис Кэррол, Даниил Хармс...).

На эту тему все лучше всех знает Аня Г.

Традиция кризы — очень старая, фольклорная: "Ехала деревня мимо мужика, вдруг из-под собаки лают ворота". Или современное, гребенщиковское, тоже на сельскую тему:

Широко трепещет туманная нива.
Вороны спускаются с гор.
И два тракториста, напившихся пива,
Идут отдыхать на бугор.

Один Ж.-П.Сартра лелеет в кармане
И этим сознанием горд.
Другой же играет порой на баяне
Сантану и Уэзуррипорт.

Такое совсем не бессмысленное явление, как драма абсурда, тоже принимало форму бессмыслицы. Но на нашем этапе (как и у Хармса) игра, наконец, освобождается от всяких смысловых подпорок. Криза — знак без обозначаемого, игра в чистом виде, бескорыстная идеологически и как угодно иначе, игра без цели — ради удовольствия играть. Алогизм теперь повседневно разбивает повседневность. Еще повседневность разбивают Кинчев и ожидание Карнавала. "Будет и на нашей улице хэппенинг", — сказал Крис.

2. КОНСТАНТИН КИНЧЕВ: ГОЛУБЫЕ ГЛАЗА

Филогенез повторяет онтогенез. (Или наоборот?) Возможно, социальная группа, давшая Аксенова, Трифонова, Бродского, Ганелина, меня, Любимова (Высоцкий и Шукшин, скажем, пропущены), — конгениальна одному человеку. Именно — Шекспиру. У них общий закон развития:

Оттепель — комедии Шекспира.

Семидесятые — "Гамлет".

Восьмидесятые — романтические драмы: "Зимняя сказка", "Цимбелин", "Буря".

Говорят, Кинчев участвует в спектакле "Мизантроп". Не знаю. Истинная его роль и роль для театра восьмидесятых — Просперо. Ведь вдруг выяснилось, как пишет Света К. в своей работе о Петрушевской: "Есть надежда. Есть будущее. Потому что всегда, если нет гречки, есть манка. И если нет капусты, есть костный жир. И пусть мандарина нет. Зато есть свекла. Кстати, за городом дают мандарины. В ресторане "Зугдиди"."

Наумов воспринимает мир трагично. Но если подсчитать, какое слово встречается в его песнях чаще всего, это будет — "время". Неспроста. Наумов потому так болезненно ощущает Время, что чувствует: Время, time wind Шульца, проходит мимо него. Человек, стоящий вне времени, знает о противоходе стрелок его часов, "отставших на несколько лет":

Время, куда ты уносишь всех нас?
Погоди, я немного отстал.

В искусстве, разумеется, все происходит наоборот по сравнению с жизнью. Например, в Новосибирске утро наступает позднее.

"Милое мертвое время" Наумова уходит. Наступает Время Радости. "Радость" — так одно время называлась кинчевская группа "Алиса".

Тенденция шестидесятых—семидесятых к разрушению любого идеала находит свое предельное выражение: ирония и стеб разъедают все. Давно настал Конец Прекрасной Эпохи. Розовские мальчики почили в бозе. Уж и десять лет назад было что-то неудобное в вере любого рода. Но тем крепче верили в немногие уцелевшие идеалы.

Наумов воплощает крах любой веры, всякой надежды, знание о всеобщей относительности. Потому его мир трагичен и безысходен, отсюда — сквозной образ жизни-бега, ощущение себя "пеплом на ветру".

Но вот приходит Кинчев. И приносит восьмидесятые. И оказывается, что верить можно — в самые простые и наивные вещи, во всякую ерунду, которой на самом деле нету. После беспросветного мрака утро снова загорается в Голубых Глазах Кости Кинчева.

Прочь

Ночь — это время года не может не знать границ.

Доброе утро,

Здравствуйте, дети замерзшего дня...

Наумов не верит этому солнечному свету и лишь безнадежно мечтает "успеть умереть в восходящих лучах, свято веря, что солнце — навечно".

Как говорил Даниил Х. и как напомнила мне Дуня С., начинается Прекрасный Летний День.

Сохраняя в себе знание, помня о Гамлете, КК снова верит — в детские сказки, в магию слов крекс-фекс-пекс, во всякую там веру-надежду-любовь. Все мы умеем с унылым видом жаловаться, что все плохо, что нас никто не любит. Но — "радоваться надо, — сказал раз Кинчев, — надо радоваться". Возможно, он знает о бесплодности своих усилий, но Дубль-Ка — стойк:

Я искатель движения в стоячей воде...

Мне не важен ответ, мне интересен процесс,

Я играю игру — по нотам и без.

Я просто рошу свой плод на Поле Чудес.

Несмотря ни на что — я рошу свой плод.

Вот, скажем, Друзья. Вроде в семидесятых все поняли: родства душ нет, в конце концов лучший друг пойдет и заложит тебя, или жену уведет, или еще чего. Но надо верить в людей, с которыми просто — хорошо, с которыми — радостно, когда жаль, что вас не было с нами.

Наступает Время Радости.

Итак, Наумов — Гамлет, Кинчев — Просперо. Просперо мудрейший — и наивный. Мы все разучились радоваться. Радоваться тяжело. Будем учиться у Кинчева.

3. ДОКТОР КИНЧЕВ

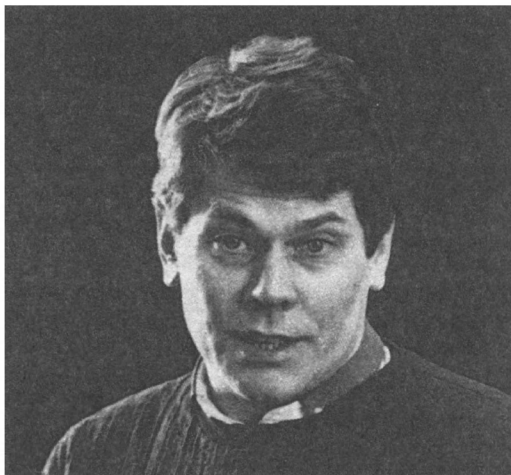
Доктор — прозвище Кинчева.

Для кого поет КК? Советский рок находится в диалектическом столкновении. С одной стороны, рок по своей природе — музыка демократическая, исполняемая и понимаемая всяким. (Авангардный рок — это авангардная музыка на основе рока, а не рок собственно: рок всегда массов и всегда социален. Поэтому официозные советские группы вроде "Землян" никогда не будут по-настоящему популярны, несмотря на еженедельную поддержку Всесоюзного радио и Центрального телевидения. А вот за Гребенщиковым, так же, кстати, как и за Пугачевой, стоит социальная программа.) С другой стороны, в нашей стране рок зародился и движется до сих пор силами кругов более или менее элитарных. Даже очень простая рок-музыка имела у нас долгое время вид аван-

гарда. Да и сейчас никто так не торчит на "Секс пистолз" и очень близкой КК Нине Хаген, как наиболее рафинированные эстеты.

Кинчев — первый, кто, признавая это противоречие, не разводит бессильно руками и не подчеркивает его, а синтезирует оба начала. Рок КК, доктора Буги по своей экспрессивности, агрессивности, наполненности ЭН-ЭРР-ГИЕЙ — рок от сохи. Несмотря на то, что Костя знает про Иней, Яней, электростатический генератор ван-дер-Граафа и д-ра Франкенштейна, КК совершенно не наделен аристократической импотенцией. Слово "кинчев" пишется через четыре буквы эр. Он может действовать. Его подчеркнуто общепонятная, грубая, часто примитивная музыка, его наступательные стихи делают нам переливание крови. Доктор Кинчев велел открыть форточки.

Тройной рецепт доктора Кинчева: играть — радоваться — действовать! ●

Режиссер Юрис Подниекас

Николай ХРАМОВ (Москва)

ЛЕГКО ЛИ БЫТЬ ПРАВДИВЫМ?

Размышления в кинозале

Фильм, о котором пойдет речь в этой заметке ("Легко ли быть молодым?", режиссер Юрис Подниекас, Рижская киностудия, 1986 г.), появился на экранах совсем недавно, но разговоры о том, что в Риге снимают "фильм о хиппи и панках", начались еще за год-полтора до этого. Поэтому ли или в силу каких-либо других причин, но к дверям московских кинотеатров, где начали показывать этот фильм, сразу же потянулись длинные очереди. Однако нужно сразу сказать, что фильм этот не о панках и в еще меньшей степени — о хиппи (хиппи там и вовсе нет, если не считать на секунду выхваченного объективом из уличной толпы длинноволосого парня с рюкзаком за плечами). На афишах указано: "Остропублицистический документальный фильм о современной молодежи". Именно с такой точки зрения мы и попытаемся на него взглянуть.

Первые кадры фильма — рок-концерт. Точнее, не сам концерт, а толпа на нем: мальчишки и девчонки в черных очках "кошачий глаз", с кожаными браслетами, с рокерскими прическами, кричащие, пляшущие. Обычная западная толпа на обычном западном рок-концерте. И — цепь милиционеров (чуть было не написал "полицейских"), теснящая толпу от эстрады. Но это не Гамбург и не Сан-Франциско, а Огре — небольшой городок неподалеку от Риги. Толпа наэлектризована, что-то должно произойти. И происходит: на скамье подсудимых — семь человек, семь молодых ребят из ста пятидесяти, разгромивших после концерта два вагона электрички Огре-Рига. То, что всю вину свалили на семерых из ста пятидесяти, а остальных было хлопотно искать, это, по мысли автора, ненормально, дико, это — как там, в

электричке, только там был ущерб материальный, а здесь моральный. Наверное, с этим трудно не согласиться.

И вот автор разговаривает с этими ребятами. Сначала их прически, слова о том, что "полноценная жизнь — это машина, квартира, одежда, деньги" вызывают ироническое хмыканье пенсионеров, сидящих рядом со мной в кинозале. Но скоро становится не до смешков. "Вы, ваше поколение, еще чего-то хотели, за что-то боролись. Нам же теперь все безразлично. Мы хотим весело проводить время, вот и все. Я не знаю ни одной идеи, за которую стоило бы биться головой о стену, за которую стоило бы бороться", — эти слова одного из героев обращены к ним, пенсионерам в зале.

...На экране — памятник красным латышским стрелкам в центре Риги. Возле него марширует почетный караул комсомольцев в форме латышских стрелков. Это традиция. К ним в Риге привыкли. Но среди них мы узнаем одного из тех, у кого берет интервью автор фильма. Да, он носит рокерскую прическу, он бесновался на том рок-концерте. И он же марширует под снегом и дождем в чужой и непонятной ему форме. Зачем? Почему?

— Понимаете, в школе мы одни, а на самом деле — совсем другие. Иначе нельзя, — отвечает он.

— А что ты знаешь о латышских стрелках? — спрашивает его автор.

— Да, в общем, ничего. Читал в одной книжке, еще в буржуазной Латвии издана, что они хорошо показали себя в боях с немцами.

— А в школе?

— А в школе — одни общие слова. Ну, что они Ленина там охраняли и все такое прочее.

— А о чем ты думаешь, когда маршируешь?

— Да ни о чем. Просто думаю, что нужно хорошо, красиво пройти. Это ведь ритуал, больше ничего. Иногда, правда, приходит мысль: а чего мы все тут притворяемся? И прохожие тоже смотрят на нас как на чокнутых... А что мы можем изменить? Все так заостенело, нашему поколению уже ничего не изменить.

И как символ этого конформизма, как символ самодовольной, бессмысленной до абсурда официальной лжи, за которой всегда скрывается ставшее привычным советское двоемыслие, — марширует под дождем, окатывая парадную форму фонтаном брызг из луж, почетный караул у памятника латышским стрелкам... Не знаю, как другим, но мне этот эпизод показался одним из самых сильных в фильме.

Латышских стрелков сменяют на экране живописные рижские панки — размазанные, в кожаных куртках с заклепками и "строгих" собачьих ошейниках. А за кадром звучит голос одного из них: "Да, мы надели эти кожанки с заклепками, мы грязные, мы оборванные, мы панки. Но мы — ваши дети. Это вы сделали нас такими — своим двуличием, своей ложью". Эти слова, на мой взгляд, обращены не только к поколению латышских стрелков и оперуполномоченных НКВД, не только к номенклатурщикам и карьеристам более позднего призыва, но и к "детям XX съезда", к "оттепельным хемингоидам", по образному выражению Василия Аксенова.

Эти уже не будут маршировать в духе "славных революционных традиций". Они инстинктивно не хотят участвовать во всеобщей омертвляющей лжи и протестуют хотя бы так, шокируя внешним видом, выбиваясь из общества, как это делают, бунтуя против сытой бездуховности обывательского мира, их западные собратья. Это пока еще стихийный, неосознанный протест против ханжеской и шизофренически раздвоенной морали советского образа жизни, и, конечно же, протест абсолютно деполитизированный и деидеологизированный.

Кадры с панками — довольно искренние, и уж во всяком случае впервые на советском экране можно увидеть такую крамолу (поскольку речь идет не о "разложении западных нравов").

И все же... Все акценты немного смещены, сказана не вся правда. Есть одна маленькая деталь. Вместе с панками на экране мелькнул желтый милицкий авто-

мобиль с зарешеченными окнами. Это — намек. Даже не намек, а полунамек. Уж не думает ли легковверный зритель, что власти спокойно мирятся с тем, что по улицам наших "образцовых коммунистических городов" бродят эти выродки, пороча высокое звание советского человека? Этот воронок для них, голубчиков. Это их засунут в его зарешеченное чрево. За что? За "вызывающий внешний вид", для "установления личности". А уж в отделении с них сорвут все их металлические "фенечки", все эти цепочки, ошейники, браслеты, да и поддадут как следует, чтобы впредь неповадно было. А то и пятнадцать суток оформят за "неповиновение законным требованиям работников милиции". И поделом — здесь вам не Америка. Но всего этого зрители не знают. Знают об этом лишь те, кто "тусуется", кто попадал в подобный переплет. И так происходит повсюду: и в Риге, и в Ленинграде, и в Москве, и в Киеве.

И вот тут-то хотелось бы сказать несколько слов о тех, кто в фильм не попал, — о хиппи. По-видимому, рассказ о них входил в первоначальный замысел режиссера, поскольку известно, что он бывал в их летнем палаточном лагере на реке Гауя неподалеку от Риги, много снимал и даже несколько дней жил там. Но в прокатном варианте фильма их нет. А жаль. Говорить о современной советской молодежи, тем более о ее неконформистской части, и не говорить о них — значит давать искаженную картину.

В отличие от наших панков и "хэви-металлистов", которым как явлению лет пять-шесть от силы, впервые хиппи в Советском Союзе появились почти сразу вслед за их появлением на Западе: в конце 60-х — начале 70-х годов. Тогда же появились у нас и слово, которым они себя называют: "Система".

Неверно считать, что это было простое подражание западным сверстникам. На мой взгляд, их появление в нашем обществе было не менее, а то и более закономерным, чем в американском. Но если там это был бунт против буржуазного истеблишмента, то здесь — реакция на тотальный государственный контроль, на удушающее господство мертвой догмы, на начало Великого Брежневского Застоя.

Тем, кто стоял у истоков Системы, сейчас уже далеко за тридцать. Кто-то из них перестал "тусоваться" и, так или иначе, вернулся в общество. Кто-то до конца порвал с советской системой и покинул СССР на волне "третьей эмиграции". Кто-то спился, кого-то затащила трясина наркотиков. Кто-то перешел к христианству, как это сделал Александр Огородников, основатель молодежного христианского семинара, поплатившийся за это почти девятью годами лагерей. А кто-то вступил на путь более осознанного и целенаправленного протеста, пополнив собой ряды демократического движения. Так случилось с Юрием Поповым и Сергеем Троянским, основателями молодежной антивоенной группы "Свободная инициатива"; с Александром Рубченко, членом Московской группы "Доверие" и Инициативной группы защиты прав инвалидов в СССР.

Советские хиппи не произвели революции в общественном сознании. Но движение продолжает существовать, их количество увеличивается (конечно, в первую очередь — за счет крупных городов). Альтернативную философию хиппи сегодня разделяет уже следующее поколение, родившееся в конце 60-х. То, что в последние годы их несколько потеснили "металлисты" и панки, общей картины не меняет.

Конечно же, сегодняшние "люди Системы" — это не западные хиппи и, наверное, даже не их советские предшественники начала семидесятых. Но слово не воробей, и их по-прежнему называют "хиппи", хотя большинство из них живет дома и в условиях законов, карающих за "злостное уклонение от общественно-полезного труда" или "паразитический образ жизни" (ст. 209 УК РСФСР), вынуждено работать. Подход властей к ним такой же, как и к другим проявлениям молодежного неконформизма, и даже суровее.

Панки любят грязь, а хиппи — цветы.
 И тех, и других забирают менты.
 Ты можешь жить любя, ты можешь жить грубя,
 Но если ты не мент — заберут и тебя! —

поет Борис Гребенщиков, лидер неофициальной ленинградской рок-группы "Аквариум".

Впрочем, не всегда это носит веселый оттенок: известны случаи изнасилования девушек, избиений в милиции, кончавшихся тяжелыми увечьями и даже смертью...

Почему же нет в фильме хиппи?

Можно попытаться ответить на этот вопрос. Протест хиппи носит, по-моему, характер более глубокий и осознанный, чем карнавально-балаганный эпатаж панков. Именно хиппи исповедуют идеологию пацифизма, столь желанного советскому руководству в странах Запада и абсолютно неприемлемого в собственной стране, где он объявляется средством "...прикрытия подготовки войны, обмана масс и отвлечения их от активной борьбы против империалистических войн" (БСЭ, 2 изд., т. 32, стр. 251), поскольку, "чтобы устранить неизбежность войн, учит ленинизм, нужно уничтожить капитализм" (там же). Именно хиппи являются ферментирующей средой для различных неконформистских вероучений — от "Детей Бога", дзэн-буддистов и кришнаитов до более или менее традиционных протестантских сект. Следовательно, протест хиппи гораздо более опасен для духовной и идеологической монополии власти в тоталитарном обществе, чем другие проявления массового молодежного анакомыслия.

Поэтому мне представляется несколько не удивительным, что для них не нашлось места в фильме. Цензура остается цензурой, даже если это и самоцензура автора.

Но вернемся, однако, непосредственно к самому фильму. Неужели Юрис Подниекс ограничится лишь показом бездуховных конформистов да бунтарей-панков, в общем-то тоже не очень больших интеллектуалов? Нет, конечно.

И вот на экране появляется наголо стриженный молодой человек в очках. Одет он очень скромно, взгляд умный, речь спокойная и вдумчивая. Я сразу же узнал его: это он осенью прошлого года, когда я был в Риге, подошел ко мне на улице неподалеку от Домской площади (виноват, ее официальное название — "Площадь 17 июня"; Впрочем, никто ее так не называет) и предложил "Бхагавадгиту" в русском переводе. И вот теперь, с экрана, он говорит невидимому интервьюеру, как долго искал и не находил ответа на мучившие его вопросы до тех пор, пока не обратился к индийской философии, к Ведам. И как после этого он пришел к движению Харе Кришна.

Вслед за этим мы видим кадры, снятые во время совместной молитвы кришнаитов — киртаны, "воспевания Святых Имен Бога". Звучит древняя мантра: "Харе Кришна, Харе Кришна, Кришна Кришна, Харе Харе, Харе Рама, Харе Рама, Рама Рама, Харе Харе!", звенят ритуальные колокольчики. Объектив скользит по изображениям Кришны, по фотографии Свами Вишнупада, нынешнего председателя Международного Общества Сознания Кришны, по сидящим на полу в позе лотоса людям, облаченным в желтые дхоти...

Впрочем, эта тема не впервые публично затрагивается в Советском Союзе. В основном это были статьи под рубрикой "Из зала суда". Достаточно упомянуть хотя бы статью в "Неделе", опубликованную в начале 1983 года.

Появившись в нашей стране где-то в середине 70-х годов в качестве импортированной экстравагантной секты, это учение очень скоро приобрело довольно большое количество сторонников. Трудно судить о точных цифрах, но, по некоторым данным, их количество сейчас не уступает количеству незарегистрированных баптистов (так называемых "инициативников") и составляет несколько десятков тысяч.

Естественно, такое положение дел не может не волновать советские власти, и против кришнаитов проводится массированная кампания репрессий. В последние годы в Москве, Прибалтике, на Кавказе проведены многочисленные аресты и суды, не один десяток кришнаитов отбывает сроки заключения в общеуголовных лагерях, будучи осужденными за "нарушение законов об отделении церкви от государства и школы от церкви" (ст. 142 УК РСФСР) или же за "посягательство на личность и права граждан под видом исполнения религиозных обрядов" (ст. 227 УК РСФСР).

Мировую общественность потрясла история московской поэтессы, филолога Ольги Киселевой, инициированной (то есть получившей степень посвящения) последовательницы Сознания Кришны, арестованной в августе 1983 года и приговоренной к четырем годам лагерей. В тюрьме у нее родилась дочь и через одиннадцать месяцев, когда Ольга уже была этапирована в лагерь, умерла за колючей проволокой... В защиту Ольги Киселевой выступили тысячи людей во многих странах мира, в том числе президент США Рональд Рейган.

Ни единого слова, ни намека нет, разумеется, в фильме на то, какова участь в Советском Союзе этих "чудаковатых" мужчин и женщин. Глядя на экран, дивясь длинным экзотическим одеяниям и звону молитвенных колокольчиков, зритель не слышит других звуков — лая овчарок и матерных окриков конвоя, не видит других, менее экзотических, нарядов — серых лагерных бушлатов с бирками на груди. Что в данном случае лучше — полное умолчание или такая полуправда, — пусть читатель поразмыслит на досуге.

Молодежь "панкующая", молодежь "кайфующая", "блуждающая в тупиках безыдейности" чередуется на экране с настойчивыми молодыми людьми, из года в год упорно осаждающими приемную комиссию медицинского института в сопровождении "болеющих" за них пап, мам и даже бабушек (повсеместно бичуемый инфантилизм молодого поколения). Однако, помимо этой молодежи, есть и другая (точнее, это все она же, но с какой стороны мы теперь видим ее!) : марширующая с автоматами, сидящая на броне в пятнистых комбинезонах. И вторая часть фильма посвящена преимущественно ей.

Герой фильма прощается на плацу со своими однополчанами: их отправляют в Афганистан... Так впервые упоминается в фильме этот нервный узел, болевая точка советской действительности 80-х годов. Эта тема звучит здесь без официально-пропагандистских возопийаний об "интернациональном долге" и "злодеяниях душманов". Более того, мы слышим из уст героев фильма то, что четыре года назад не только с экрана нельзя было услышать, но и в троллейбусе-то произносили шепотом. "Я понимаю, — говорит один из них, — что в Афганистане я защищал какие-то очень важные интересы, но все время меня не покидает ощущение, что я делаю что-то грязное. И это сознание, сознание того, что ты — человек, прячешь поглубже в себя. Потом хочешь забыть это и не можешь. Это не забывается".

Те, кто возвращается в нормальную жизнь после Афганистана, оказываются в ней второгодниками. Эта мысль звучит в устах всех демобилизованных солдат, с которыми разговаривает автор. Они не могут найти себя, сильнее всего оказывается желание забыть тот страшный опыт убийства, который они привезли с собой и от которого им уже не избавиться. "Вернувшись домой, я пил каждый день", — признается афганский ветеран.

Все это довольно правдивые и, главное, человеческие, а не плакатные слова. Но... В который раз уже звучит в фильме та фальшивая нота не лжи, но полуправды, которая, однако, способна превратить черное в белое, совершенно извратить смысл вещей.

Тот солдат, что обнимает своих товарищей "в одежде цвета листвы предосенней", отправляющихся умирать и убивать за тридевять земель в чужую страну,

задается вопросом: а что, если бы и я был среди них? И сам отвечает: "Конечно, там можно было бы возмужать, многое понять. Но, может быть, мы еще попадем в Афганистан, да и мало ли что еще может быть в мире..." Дальше — больше. "Наверное, надо каждому что-то такое испытать", — это говорит не мордастый генерал, грудь-иконостас. Это слова двадцатилетнего парня, только что вернувшегося из Афганистана, который видел смерть товарищей и сам был ранен.

И как-то не сразу понимаешь, что это: романтическое желание понюхать пороху, выработанное воспитанием не одного поколения в духе "мужских доблестей"? Или извечное свойство советского человека — идти, не задумываясь, туда, куда приказывают вожди? Или и то, и другое вместе? Больно и обидно за этих, наверное, совсем не плохих ребят, ровесники которых в Америке конца 60-х сжигали свои призывные повестки.

Да, я знаю: они — жертвы. Но, тем не менее, сочувствовать им, симпатизировать я не могу. Как не могу симпатизировать солдатам вермахта, тоже не по своей воле напялившим серо-зеленые шинели, как не могу симпатизировать американским солдатам во Вьетнаме и 16-летним "стражам исламской революции". В конце концов у них был выбор, как бы запутаны и оболванены они ни были, и они этот выбор сделали.

А Подниекс? Как он относится к ним?

Трудно ответить однозначно. Он дает обстоятельно высказаться демобилизованным из Афганистана солдатам, но его собственную позицию за их словами угадать чрезвычайно сложно. Это, на мой взгляд, именно тот случай, когда полифония уже переходит в отсутствие или, по крайней мере, в невыявленность авторской позиции.

Впрочем, все же кое-что угадывается. Например, такая мысль: может быть, война в Афганистане и не нужна, но эти ребята, которые вернулись — целые или раненые, — они ведь герои, самые настоящие герои! И значит, они должны быть примером для тех разуберившихся и потерявших жизненный ориентир сверстников, о которых шла речь в начале фильма. И значит — им должно быть отведено подобающее место в обществе. Так, вольно или невольно, автор приходит здесь к тому же, о чем немолчно твердят идеологи "военно-патриотического воспитания советской молодежи".

Один из ветеранов афганской войны сетует с экрана, что в Афганистане идет настоящая война, почти каждый день — убитые и раненые, а между тем в газетах и по радио ничего об этом нет. Может быть, это и было так три-четыре года назад. "Страусинный синдром" брежневской эпохи выражался, помимо всего прочего, в том, что советскому народу "интернациональный долг", который выполняет в Афганистане "ограниченный контингент советских войск", представляли исключительно в виде раздачи продуктов населению и очистки крестьянских полей от мин, оставленных "душманами". Но за последние годы положение резко изменилось. Теперь власти больше не скрывают, что в Афганистане идет война. На экраны телевизоров, в эфир, на газетные и журнальные полосы выплеснулся целый мутный поток материалов, на все лады восхваляющих "героизм" советских солдат и офицеров, проявленный ими в боях с "бандитами" (например, вертолетчиков, с первого захода накрывших "скопление душманов"). Генералы в отставке, партийные и комсомольские функционеры заклинаят ветеранов Афганистана "шире включаться" и даже возглавить военно-патриотическое воспитание молодежи (впрочем, многих из них и заклинять особенно не приходится: они и "на гражданке" рвутся в бой). Тут и там возникают всевозможные "клубы юных десантников" (об одном из них, в подмосковном городе Химки, поведала нам недавно еженедельная воскресная телепрограмма "Служу Советскому Союзу!"), где мальчишки 15–17 лет под руководством старших наставников обряжаются в камуфляжную форму, обучаются парашютным

прыжкам, стрельбе из автомата, приемам рукопашного боя (а может быть, и методам интенсивного допроса? да жаль, по телевизору не показали).

Такого размаха милитаристская пропаганда не достигала у нас за все послевоенное время. И семена этой пропаганды дают обильные ядовитые всходы. Пожалуй, наиболее наглядно об этом свидетельствует феномен так называемых "люберов", хулиганских банд из города Люберцы Московской области, которые, наезжая в Москву, терроризируют тех, кто "порочит советский образ жизни" (это из их лексикона!) и о ком в последнее время так много пишут и на Западе, и у нас. Даже если отбросить в сторону версию, согласно которой эти банды прямо инспирированы и организованы КГБ, все равно ответственность за их преступления целиком лежит на тех, чью идеологию они взяли на вооружение. Впрочем, это уже тема отдельного разговора.

Однако далеко не все молодое поколение одержимо военно-патриотической любовью к Родине. Герой Подниекса, награжденный орденом за свои подвиги в Афганистане, говорит, что ордена он не носит: "люди этого не понимают". И мне это кажется глубоко символичным. Если, несмотря на все усилия официальной пропаганды, орденосцы Афганистана, находясь на улице, еще не чувствуют себя полностью хозяевами жизни, — значит, не достигла еще общественная температура той опасной точки "патриотического" кипения, за которой любая военная авантюра правительства будет встречена единодушным шовинистическим восторгом "народонаселения всей империи". Значит, не все еще потеряно.

И наконец, я не могу не упомянуть еще об одной теме, вскользь затрагиваемой в фильме.

Молодая мать, держа на руках ребенка перед объективом кинокамеры, говорит: "Я не хочу, чтобы моя дочь, сорвав яблоко, сорвала свою смерть. Раньше я об этом никогда не задумывалась, но теперь, после этого атомного реактора, я все воспринимаю по-другому". Да, и эта женщина, и многие другие люди в СССР задумались над тем, что несет им не только ядерная война, но и "мирные" чернобыли. Конечно, задумались далеко не все, и даже не большинство. Большинство же, как и следовало ожидать, по выражению советских средств информации, "не поддались панике". В отличие от населения западноевропейских стран и Польши.

Но все же нашлись и в нашей стране люди, которые не побоялись открыто выразить свое отношение к опасности, исходящей от "мирного" атома. Это несколько активистов независимой группы "Доверие", вышедших на демонстрацию 20 мая 1986 года в Москве и буквально через несколько секунд задержанных милицией. Это люди, которые поняли то, что смутно начинает понимать один из молодых героев фильма, когда произносит: "Нам говорят, вы боретесь за мир тем, что хорошо учитесь. Но ведь это ерунда!". И они не только осознали это, но и решились, невзирая на огромный риск, действовать в соответствии со своими убеждениями. Скорее всего, Юрий Подниекс ничего не знает об их существовании. Но даже если бы и знал, упомянуть о них, безусловно, не мог.

Что хочется сказать о фильме в заключение? Несомненно, его режиссер — талантливый и честный человек. Он хотел сказать так много и так правдиво, как только можно в нынешних советских условиях. И что-то ему, без сомнения, удалось. Но вопрос, звучавший в заглавии этой статьи, пока все еще — увы! — актуален. Будет ли он актуален и впредь, как далеко будет простирается и, главное, как надолго утвердится новая горбачевская политика гласности — покажет будущее. Хочется верить, что когда-нибудь быть правдивым в нашей стране действительно станет и безопасно, и легко. ●

"ДВИЖЕНИЕ С МОЩНЕЙШИМ АРСЕНАЛОМ ВЫРАЗИТЕЛЬНЫХ СРЕДСТВ"

Наряду с молодежными движениями, захватившими в той или иной степени весь мир, — такими, как движение хиппи или панков, — время от времени появляются течения, ограниченные масштабами страны (например, "серки" — члены "семейных рок-коммун" — или футбольные "фанаты", внешне похожие на своих западных собратьев, но значительно более организованные и вооруженные погромной идеологией). Есть и более локальные, но ставшие широко известными ("люберы"). Общее для всех этих движений стремление отмежеваться от советского истеблишмента нередко принимает карикатурные формы.

В конце апреля этого года ленинградская газета "Смена" опубликовала статью "Дык, ёлы-палы", посвященную движению "митьков". В основу статьи положен текст одного из митьков В.Шинкарева, который, по мнению автора, был в результате тенденциозных сокращений искажен. Шинкарев послал в редакцию "Смены" письмо, которое газета не напечатала. Мы публикуем это письмо полностью, сохранив авторское название.

А МОЖЕТ, ХВАТИТ ЕСТЬ С ГОВНОМ?

(Открытое письмо в редакцию газеты "Смена"
по поводу публикации статьи "Дык, ёлы-палы")

В одном журнале я видел карикатуру из четырех картинок: двое зевак перед уличным кукольным театром. На первой картинке одна кукла лупит вторую по голове. На второй картинке вторая кукла лупит первую по голове. Потом один зевака говорит другому: "Ну что, пошли отсюда?", а тот отвечает: "Погоди, где ты увидишь всю "Войну и мир" за пять минут?".

Вот примерно так газета "Смена" и представила широкому читателю движение митьков. Шесть небольших колонок, движение митьков — в замочную скважину.

Нет, а как мне теперь глянуть в глаза Дмитрию Шагину? Подписанный моей фамилией текст изображает его не симпатичным, а просто шалопаем. Хотя прямых искажений текста "Митьков" в статье немного, тенденциозность сокращений налицо: никакое это не движение, а просто "гопники", которых нужно смести железной рукой нечеловеческих люберов (правда, тогда непонятен подтекст сопровождающей статью картинки: митек разрывает на груди тельняшку, а там белая рубаша и узкий галстук любера. Или эта картинка не выражает ничего, а просто является заполнением пространства газеты?).

Некоторые абзацы не подверглись сокращению и на фоне конспективного текста выглядят растянутыми, в некоторых случаях изображаемое событие просто обрывается перед кульминацией (драматический эпизод с Филом).

Напечатанные письма в газету часто заканчиваются: "Мое письмо, конечно, не будет напечатано, но..."

Уважаемая редакция! Мое письмо, конечно, не будет напечатано, но движение митьков отнюдь не исчерпывается расхлябанностью и занудностью в телефонных разговорах.

Противоречия в любом характере естественны: есть противоречия и в характере Д.Шагина, и в движении митьков. Но характер изображенного статьей "Дык, ёлы-палы" митька не противоречив: гопник и шалолай. А ведь есть и другая сторона.

Например, хотя к "сенсационным явлениям в культурной жизни нашего города митек относится строго наплевательски", он приобщен к подлинной культуре (между прочим, сам Д.Шагин является замечательным живописцем, о чем говорится в тексте "Митьков").

"Дураки какие-то... только десятью словами разговаривают!" — слышал я мнение какой-то удивленной женщины, читавшей статью "Дык, ёлы-палы".

И это сказано о движении с мощнейшим арсеналом выразительных средств!

Сами вы дураки!

Александр ЖОЛКОВСКИЙ
(Санта Моника, США)

ПОЭТУ НАСТОЯЩЕМУ СПАСИБО...

Новые стихи и песни Булата Окуджавы

Появившиеся почти одновременно ардисовский том и кассета "Московский концерт 1985 года", распространяемая издательством "Руссика"¹, содержат сходный набор из двух десятков стихов и песен, главным образом, новых. Новых не только хронологически (большинство помечено 1980–1985 годами) или в смысле доступности на Западе, но и в смысле нового дыхания, пришедшего к поэту на шестидесятилетнем рубеже, после затянувшейся паузы. Что же это, выражаясь на языке "искусства кройки и шитья", — новая партия старых пиджаков, плоды их серьезного перешивания или совершенно "новые удачи"?

Как старое, так и новое — излюбленные темы Окуджавы, романтическая поэтика которого всегда строилась на преодолении тяжелого настоящего ностальгией по прошлому и надеждами на будущее, *особенно когда надежды нет*. Теперь этот баланс несколько сдвинулся в пользу старого. Новому, надеждам, рассветам, апрелям, веснам, петухам и всяким начинательным жестам (вроде хватания за саблю с надеждою в глазах) пришлось потесниться, хотя какие-то надежды все еще теплятся. Зато тоска по прошлому звучит в полный голос ("Песня о прекрасной даме", "Я выселен с Арбата", "Министерство Союза писателей"). Эта ностальгическая нота связана, по-видимому, не только с неутешительным социальным опытом последнего десятилетия, но и с самоощущением поэта, творческим и возрастным, в его двойственной роли "молодежного старейшины".

1.

Конечно, прежний Окуджава безошибочно и с благодарностью узнается. Привычный репертуар мотивов — прекрасные дамы, коленопреклоненные гусары, арбатские дворы, гитары и самовары, музыканты, одаряющие нас полетами по небу, краткость жизни, неисправимость человеческой природы (*жаждет новых потех просвещенный наш мир...*), проповедь дружбы, любви и очищающей жертвы — подан в знакомой обезоруживающе мягкой манере. Особенно удачна разработка (в песне "Музыкант", посвященной многолетнему соавтору, композитору И.Шварцу) той традиционной для Окуджавы мысли, что *душа, уж это точно, ежели обожжена, справедливей, милосерднее и праведней она*. К такой концовке Окуджава приходит через строчки:

Да еще ведь надо в душу к нам проникнуть и поджечь...
А чего с ней церемониться? Чего ее беречь?..
Счастлив он, чей путь недолог, пальцы злы, смычок остер,
музыкант, соорудивший из души моей костер.

¹ Булат Окуджава. Песни. Том II. Музыкальная запись, редакция, составление — Владимир Фрумкин. Английский перевод — Тania Вольфсон (стихотворения), Кирстен Пейнтер, Лора Томпсон. Ann Arbor, Ardis, 1986.

Булат Окуджава. Московский концерт 1985 года. Стихи и песни. Кассета. Russica, New York, 1986.

Из христианской проповеди приятие страдания превращается в непосредственное переживание — благодаря характерному, почти садо-мазохистскому налету, знакомому по таким образам, как любимая женщина, которая *меня не щадит, тратит меня, тратит*, или рыбка храмули, которая *понимает призвание свое... ей теплые пальцы и тихие губы нужны, ее не едят, а смакуют в вечерней тиши, как будто беседуют с ней о спасенье души*.

Новый Окуджава естественно вырастает из привычного. Если попытаться одним словом охарактеризовать его новое качество, то, пожалуй, придется указать на более высокую степень "сознательности" — гражданской, интеллектуальной, самоаналитической. Больше стихов об искусстве, радикальнее критический взгляд на советскую действительность, принципиальнее компромиссность общей позиции. Подобная дидактика всегда была важным компонентом массового успеха Окуджавы, и перед нами дальнейшее развитие той же линии.

В какой-то мере это вытекает из выпавшей Окуджаве роли мэтра, призванного высказаться по вопросам общей и литературной политики (о сталинизме, Союзе писателей, гитарной поэзии), откликнуться на злобу дня (эмиграцию, войну в Афганистане, смерть Высоцкого), поддержать или просто помянуть добрым словом своих литературных друзей — Беллу Ахмадулину, Юлия Кима (ему посвящена полная любви и тактичной поддержки песня "Кузнецик", откуда взят заголовок нашей статьи), того же Высоцкого и других. Духом авторской рефлексии проникнуты несколько тяжеловесная "Автопародия на несуществующие стихи" и более интересные "Прогулки фразеров", написанные как бы в жанре гоголевского "Театрального разезда". В "Прогулках" Окуджава вступает в объяснения с читателями по поводу диссидентской подоплеку своего романа "Путешествие дилетантов" (в переводе на современный жаргон — "Прогулки фразеров"):

Я мог бы написать, себя переборов,
"Прогулки маляров", "Прогулки поваров",
но по пути мне вышло с фразерами.

Так или иначе, "идейная" нота звучит в стихах и песнях 80-х годов с особой определенностью. Характерна, в частности, трактовка войны.

С самого начала много писавший "на военно-патриотическую тему", Окуджава первым придал ей пацифистское звучание; примеры у всех на слуху. Две песни такого плана есть и среди новых поступлений: "Солнышко сияет" (барышни и гусары веселятся, но *с четверга — война и нет спасенья*) и "Песня о молодом гусаре" (*все погибли... и летят они в райские кущи на конях на крылатых своих*). Более крутой оборот дело принимает в двух других новинках этого жанра — "Дерзости" и "Примете". "Дерзость, или Разговор перед боем" (между генералом, идеологом воинского долга и ненависти к врагу, и лейтенантом, полагающим, что *слава — для убитых, а живому нужна женщина его*), кончается так:

— Ну, гляди, лейтенант, каяться придется!
Пуская счесть с тобой трибунал сведет.
— Видно так, генерал: чужой промахнется,
а уж свой в своего всегда попадет...

Аналогичная мысль, на этот раз на материале не трибуналов и заградотрядов, а борьбы за мир, проводится в "Примете". Песня, выдержанная в фольклорно-солдатском духе (хорошо передающем и мифологичность обобщения, и его простоту), строится на мотиве пророчества, которое сбывается вопреки и даже благодаря всем попыткам ему противодействовать. Она поражает лаконизмом, неумолимой логикой развития и чув-

ством языка, нарочито, но в меру, "народного". Прочитирую с небольшими сокращениями:

Если ворон в вышине,
дело, стало быть, к войне...
Чтобы не было войны,
надо ворона убить...
Надо ружья зарядить.
А как станем заряжать,
всем захочется стрелять;
а уж как стрельба пойдет,
пуля дырочку найдет.

Ей не жалко никого,
ей попасть бы хоть в кого,
хоть в чужого, хоть в свое,
лишь бы — всех до одного.
Во, и боле ничего...
Во, и боле никого,
кроме ворона того, —
стрельнуть некому в него...¹

Подчеркивая не только бессмысленность бойни, но и особую губительность конфликта между "своими", Окуджава окончательно отходит от своей первоначальной солидарности с лозунгами эпохи превращения империалистической войны в гражданскую: *Какое новое сраженье ни покачуло б шар земной, я все равно паду на той, на той далекой, на Гражданской...* ("Сентиментальный марш", 1957).

2.

Тема междоусобной войны внутри, казалось бы, мирного советского общества (*Мы давно отвоевали...*) естественно связывается с образом Сталина. До сих пор поэт (семья которого тяжело пострадала от репрессий) касался этой сферы очень осторожно: *...и горести моей прекрасной мамы прощаю я неведомо кому*. Среди новых стихов есть посвященные "памяти брата моего Гиви", где виновником прямо назван *вождь... мертвый и рябой*.

Он и нынче, как ни странно,
похоронен и отпет,
усмехается с экрана,
а тебя в помине нет.

Да и репрессии, по-видимому, продолжаются: *И кого теперь с откоса по ранжиру за тобой?*

Еще более суровую оценку Сталин получает в стихотворении "Арбатское вдохновение, или Воспоминания о детстве":

В Дорогомилово из тьмы Кремля,
усы прокуренные шевеля,
мой соплеменник пролетает мимо.
Он — маленький, немытый и рябой,
и выглядит растерянным и пьющим,
но суть его — пространство и разбой
в кровавой драке прошлого с грядущим.
Его клеветы топчутся в крови...

Разумеется, по меркам современных представлений о сталинизме в этих разоблачениях нет ничего сенсационного, но для официального советского искусства начала 80-х годов это много, недаром подобные стихи можно было исполнять на вечере, но не публиковать в печати.

¹ Опубликовано впервые в журнале "Страна и мир", 1985, № 6. — Ред.

Особенно остро тема расколотости звучит в песне "Я выселен с Арбата". По-эзоповски используя факт собственной биографии (переезд с родного Арбата в Безбожный переулок в новом районе), поэт мысленно отождествляет себя с нашей эмиграцией: "здесь" чужие лица, враждебные места, а "там" ходят оккупанты (!) в мой зоомагазин. *Хозяйская походка, надменные уста...* Иносказательная манера позволяет вдвинуть конфликт обратно в пределы Москвы, представляя поэта внутренним эмигрантом и мотивируя суггестивный образ *незримой границы на замке*, рассекающей столицу якобы бесклассового государства.

Еще одна песня с эзоповскими обертонами — уже упомянутые "Прогулки фразеров", в которых Окуджава приподымает аллегорические покровы своего замысла:

Я написал роман о них, но в их лице
о нас, мой друг, ведь все о нас с тобою.

Проблематика подцензурной маскировки (интересно разработанная в вышедшей недавно книге Льва Лосева "On the Beneficence of Censorship: Aesopian Language in Modern Russian Literature", Munich, 1984) шутивно обыгрывается в песенке "Римская империя времени упадка". Куплеты, прозрачно намекающие под видом римского на советский империализм, в частности, на *схватки... то вдруг на Памире, а то вдруг в Европе*, на общий упадок, пьянство, нехватку продуктов, на "Главного", "соратников", "доклады" и т.п., чередуются с припевами, в которых обсуждается самый принцип эзоповского камуфляжа. Подхватывая какую-нибудь типично советскую реалию из предыдущего куплета (например, *скатку*), припев вступает в мысленную полемику с ожидаемыми цензурными придирками:

А критики скажут, что скатка, представьте, не римская деталь,
что эта ошибка всю песенку смысла лишает.
Может быть, может быть, может, и не римская, а жаль,
мне это совсем не мешает,
и даже меня возвышает.

Финальный поворот этой игры подчеркивает отказ от ориентации на официальное одобрение:

А критики хором: ах, форум, ах, форум, — вот римская деталь!
Одно лишь словечко, а песенку как украшает!
Может быть, может быть, может быть, и римская, а жаль,
мне это немного мешает,
и замысел мой разрушает.

Серьезная тема проведена без пафоса, с юмором, в смягченном, чуть ли не ласкательном ключе (*песенка, словечко*); кульминацией недосказанности (того, что по-английски называется understatement) становится словечко *немного* в предпоследней строке. Следует, однако, сказать, что при всей своей деликатности эта попытка откинуть эзоповскую маску еще и в 1985 году, видимо, была достаточно рискованной: один из куплетов, представленный в ардисовском издании (как раз о *скатке*), в записи московского концерта отсутствует.

Более или менее прямая критика советского образа жизни звучит во многих новых текстах. В стихотворении "Официант Иван Николаевич..." это программное отмежевание от громких слов, пытающихся обмануть самого поэта, *хотя меня давно уже обмануть трудно*. В "Министерстве Союза писателей" это ироническое сопоставление с прошлым русской литературы, когда

Было трудно в России писателям
— дostoевским и разным толстым...
Ни защиты тебе, ни внимания, —
исповедуйся, знай, да пиши.

В текстах на смерть Высоцкого это отстаивание песенной поэзии в боевом сочетании с идеей спасительности страдания:

Как с гитарой ни боролись, — распался струнный звон.
Как вино стихов ни портили, — все крепче становилось...
А эти песни не горят (Булгаков? — А.Ж.),
они в воздухе парят,
чем им делают больнее, тем они сильнее.

А в "Еще раз о дураках" это еще одна горькая медитация на тему о массовом засилии дураков и обреченности индивидуалистов-умников:

Дураки обожают собираться в стаю,
впереди — Главный во всей красе...
А умный в одиночестве гуляет кругами,
он ценит одиночество превыше всего.
И его так просто взять голыми руками,
скоро их поыволовят всех до одного.

Однако даже в самой острой полемике Окуджавы остается поэтом прощения, примирения, компромисса, национального согласия. Песенка кончается типичной для великого медиатора надеждой на конвергенцию:

Дураком быть выгодно, да очень не хочется.
Умным — очень хочется, да кончится битьем.
У природы на устах коварные пророчества...
Но, может быть, когда-нибудь к среднему придем.

3.

Один из источников этой умеренности Окуджавы — никогда не изменяющая ему скромность. Заметим, что себя он не причисляет к умным, а лишь с опаской тянется к ним, не сливаясь, впрочем, и с дураками, — подобно тому, как в песне об Арбате он равно чувствует себя изгоем и дома (*Ах, флора там все та же, да фауна не та*), и на чужбине (*Хоть сауна напротив, да фауна не та*). Да и разоблачение толкотни вокруг большого пирога в Союзе писателей неожиданно оборачивается покаянием:

Я не знаю, на что и рассчитываю,
но с большим удивленьем гляжу,
как я сам от той корки отщипываю
и с надеждой туда прихожу...

Характерен двусмысленный ответ, бросаемый контекстом на излюбленную поэтом "надежду", а также элемент самоотчужденности, проявляющийся в удивлении от собственных действий.

Особенно интересное развитие этот комплекс вины, самоанализа, раздвоенности и сомнительных надежд получает в "Арбатском вдохновении", речь о котором уже заходила в связи со сталинской темой. Стихотворение написано в жанре неторопливых размышлений-воспоминаний, по тону напоминающих пушкинские медитативные прогулки

(типа "Вновь я посетил...") и аналогичные мандельштамовские. От воспоминаний об арбатском детстве поэт переходит к образу немытого, рябого, страшного, но боготворимого соплеменника, а кончает надеждой на, так сказать, племя младое, незнакомое — на сына, которого нынешний век, хотя он и *не менее жесток*, чем сталинский, уже не сможет *облапошить на мякине*.

Сердцевину стихотворения составляют строфы, в которых Окуджава встает на точку зрения своей юности:

И льну душой к заветному Кремлю,
и усача кремлевского люблю,
и самого себя люблю за это.

Любовь эта, несомненно, подлинная: недаром она изъясняется тем же языком, каким, например, в "Песне о прекрасной даме" говорится о чувствах уж совершенно идеальных; сравните:

Она, как прежде, может быть, ко мне и нынче благосклонна,
и к ней за это благосклонны небеса...

Еще более неподдельного любования исполнен следующий далее портрет Сталина глазами юного Окуджавы:

Он там сидит, изогнутый в дугу,
и глину разминает на кругу,
и проволочку тянет для основы.
Он лепит — обстоятелен и тих —
меня, надежды, сверстников моих,
отечество... И мы на все готовы.

Несмотря на ироническую, пионерско-бандитскую концовку строфы (подрывающую, как отмечает в своем предисловии составитель сборника В.Фрумкин, спонтанность спущенных сверху надежд), образ Сталина — гончара человеческих душ предстает подкупающе положительным. Причем он дан не просто как стилизация шаблонных "культурных" стихов вообще, а в манере, типичной именно для Окуджавы, для его похвальных слов любимым кумирам — Баху, Моцарту, Пушкину, Пиросмани, Музыканту, Мастеру Грише... Сталин *тих* (излюбленный позитивный эпитет Окуджавы); он одинокий художник, работающий со скромным материалом (здесь это глина и проволочка, а в других случаях — черешневый кларнет, старенькая скрипка, какая-то деревяшка и какие-то грубые жилы, и т.п.); он сосредоточен на своем трудном подвиге (*сидит, изогнутый в дугу*), принятом на себя ради благодарных за это рядовых смертных.

Далее Окуджава возвращается на свою современную позицию, говоря, что *мой страшный век меня почти добил* и что *глина ведь не вечный материал*, но напряжение между воскрешенным былым обожанием и нынешним неприятием остается главным нервом стихотворения. Искусно выдержанное двухголосие (в смысле Бахтина), соответствующее общей установке Окуджавы на медиацию, ставит этот образ Сталина в ряд аналогичных кошунственно двоящихся портретов, появившихся в последних вещах Саши Соколова и Синяевского-Терца — "Палисандрии" и "Спокойной ночи". Впрочем, элементы гротескного сочувствия кремлевскому затворнику были уже в солженицынском "Круге первом", а еще раньше — в устных рассказах Булгакова о Сталине.

4.

Как легко заметить, даже наиболее оригинальные новации органично укоренены в устоявшейся поэтике Окуджавы. Одним из ее лейтмотивов является образ Арбата и арбатского двора, своим постоянством превращающий творчество поэта в некий бесконечный ноктюрн на флейте арбатских переулков. С этим самому себе брошенным вызовом ("А вы могли бы?") Окуджава и в новых текстах справляется прекрасно, демонстрируя богатую изобретательность. Из дворовых реминисценций (перекликающихся с Мандельштамом, ср. *Еще загадкой манит подворотня* в "Арбатском вдохновении" с *Листаю книги в глыбках подворотнях* в "Еще далеко мне до патриарха...") вырастают размышления о Сталине. Во двор к поэту заглядывает муза прогулок фраеров (*Когда в прекрасный день разнощица даров вошла в мой двор, пройдя дворами...*). В терминах "двора" и "выдворения" изображается эмиграция — высленность с Арбата. Наконец, "наш двор" становится символом гитарной поэзии и вообще неофициальной культуры, не теряя, однако, и пространственных черт:

Как наш двор ни обижали, он в классической поре.
С ним теперь уже не справиться, хоть он и безоружен.
А там Володя во дворе,
а его струны в серебре,
а его пальцы — золотые, голос его нужен.

Разработке этого сквозного мотива посвящена даже специальная песня — "Арбатский дворянин", которую, если бы ее не было, следовало бы выдумать, столь закономерно она совмещает излюбленные поэтом темы двора, творчества, аристократизма (*Я дворянин с арбатского двора, своим двором введенный во дворянство... пожалован я кровью голубою*). А может, и не следовало бы, раз она так предсказуема... Впрочем, в согласии с советами самого барда, хочется восклицать, восхищаться и говорить комплименты, а не придираться к менее удачным образам.

Как было сказано, несмотря на общее потускнение оптимизма, какие-то полуиронические надежды остаются и у позднего Окуджавы. Например, надежды на скорый приход к литературной власти его друзей — Беллы Ахмадулиной, Юрия Левитанского, Фазиля Искандера:

Может, это для друзей строят кабинеты...
Вот построят, и тогда станет легче жить.

И судя по последним новостям из Москвы, что-то подобное начинает сбываться: Ахмадулина, да и сам Окуджава, как будто избраны в какие-то писательские органы. Вроде бы реализуется и другой любимый мотив Окуджавы — его верность дореволюционным названиям (таким, как Никитская, Арбат, Таганка, Фили...): Метроостроевская снова стала Остоженкой.

Будем надеяться, что вскоре специальный кабинет отведут в Москве и кому-нибудь вроде Владимира Фрумкина, составившего вот уже второй альбом песен Окуджавы. Двухтомник, являющийся самым полным собранием песен Булата Окуджавы, содержит тексты на двух языках (русском и английском), ноты, биографические материалы о поэте, выдержки из его выступлений и интервью с ним. Подобно другим ардисовским альбомам о русских авторах, сборники Окуджавы богато иллюстрированы фотографиями. Прекрасное издание. ●

БА! ЗНАКОМЫЕ ВСЕ ЛИЦА!

В последнее время, кажется, самая злободневная тема почти в любой эмигрантской компании — это гласность, перестройка, называйте, как хотите. И вот недавно во время одной из таких бесед автор этих строк возьми да и скажи невзначай:

— А интересно, что сейчас подделывает Иванько Сергей Сергеевич? Тоже, наверное, проповедует гласность?

Посмеялись...

На следующий день включаю телевизор. По кабельной телестанции CNN идет ежедневная передача "Take Two", посвященная интервью с различными "интересными людьми": актерами, писателями, психологами, государственными деятелями.

Смотрит на меня с экрана упитанное лицо явно преуспевающего и очень довольного собой бюрократа. И говорит это лицо не то что с русским акцентом, а просто выговаривает английские слова совершенно по-русски, даже не пытаясь утруждать себя какими-то там дифтонгами, которые изучают во втором классе английских спецшкол в Москве. О чем говорит? О гласности, о чем же еще.

Сейчас у нас по телевизору часто выступают разные советские представители, обычно, правда, с более цивилизованным английским языком. И все только и говорят, что о гласности. Не ожидая услышать ничего нового, собиралась я уже выключить телевизор, как вдруг увидела на экране титр: *Сергей Иванько, первый заместитель директора агентства "Новости"*. Ну и ну. Так вот обнаружили у меня ясновидческие, можно сказать, способности...

Кто такой Сергей Сергеевич Иванько — читатель, надеюсь, помнит. Иванько — невымышленный герой документальной повести Владимира Войновича "Иванькиада, или рассказ о вселении писателя Войновича в новую квартиру". Напомню вкратце, что Иванько, член Союза писателей (автор единственной книги под названием "Тайвань — исконная китайская земля") и член правления жилищного кооператива "Московский писатель", в то время главный редактор художественной редакции в Государственном комитете по печати, оказался претендентом на одну комнату из двухкомнатной квартиры, по праву и закону причитавшейся Войновичу и его беременной жене, ютившимся в одной комнатухе. Иванько намеревался, пробив стену, присоединить эту площадь к уже имевшимся у него трем комнатам. Когда общее собрание пайщиков кооператива проголосовало за то, чтобы квартиру отдать Войновичу, то Иванько, "подрагивая ногой", во всеуслышание заявил: "Ничего, я им это дело поломаю. Они у меня еще попляшут". После чего Войновича пытались и запугать разговорами о всемогуществе Иванько, и подкупить, и просто квартиру не дать. Тех, кто книгу не читал или у кого стерлись в памяти детали, отсылаю к первоисточнику. Но и так уже, думается, картина ясна.

Надо сказать, что одну ошибку в своей книге Войнович все же допустил. Вот он пишет об Иванько: "И, конечно, не нужны ему гласность и всякие там буржуазные, как он их называет, свободы. Разве в условиях гласности смог бы он хотя бы помыслить затеять такую историю?" А выходит, что очень даже нужна Сергею Сергеевичу гласность. По ходу передачи ведущая Лоис Харт, этакая симпатичная блондинка, спросила: Ну, а есть ли в Советском Союзе такие люди, которые противятся гласности, которым гласность не нравится? И Иванько, не поведя бровью, ответил: "Есть, конечно, такие люди, которым в прошлом отсутствие гласности позволяло скрывать разные свои темные дела и махинации, злоупотребление властью и так далее. И вот им-то гласность не нравится. И они, — добавил Сергей Сергеевич, улыбочкой показывая, что, несмотря на высокое его положение, не лишен он чувства юмора, — со своей точки зрения совершенно правы."

Тут бы, конечно, спросить Сергея Сергеевича: а как насчет публикации в условиях гласности "Иванькиады"? Но Лоис Харт, надо полагать, "Иванькиаду" не читала, а поэтому продолжала разговор о гласности, об освобождении политзаключенных (которых, по совсем недавним официальным утверждениям, в СССР не было и чьи дела

теперь, неизвестно откуда взявшись, пересматриваются) и о том, как замечательно проявилась гласность в освещении советской печатью волнений в Казахстане...

В заключение приведу сохраненные для нас Войновичем слова Иванько, направленные тем, кто пытался осуществлять гласность еще до гласности:

"У нас в Комитете ежедневно происходят сотни безобразий, но я же против них не протестую!"

Что ж, Войнович был прав, когда дал Иванько — не как личности даже, а как типу, — следующую точную оценку: "Единственная идеология, которой он поклоняется — это максимальное удовлетворение личных потребностей, а они у него безграничны и входят в противоречие с возможностями, которые, как бы ни были велики, всегда ограничены. Его практическая деятельность направлена к постоянному расширению этих возможностей. И тут он вовсе никакой не догматик и не ортодокс. Он идет в ногу со временем, мимикрирует и приспосабливается к новым условиям".

Утешительно знать, что в новых условиях перестройки для Сергея Сергеевича Иванько место нашлось, да еще такое теплое... ●

Екатерина Юнг

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Мое знакомство с г-ном Ю.Штейном осенью 1984 г. в Нью-Йорке на лекции по экологическим проблемам СССР было мимолетным, но вполне симпатичным. Я сожалел, что позже не мог принять приглашения его супруги прийти в церковь и рассказать об "Альбоме разрушенных и оскверненных храмов", который сделали я и чета христиан в Москве к 60-летию А.Солженицына. Мог ли я себе представить, что в то самое время, в период президентских выборов, г-ну Штейну было "мучительно стыдно" за годы, "бесцельно прожитые" среди еврейского народа, ибо большинство американских евреев голосовало тогда не за Рейгана, а за кандидата демократической партии Мондейла. Ну, разве это не позор, судите сами? Как можно после такого ходить по нью-йоркским улицам и ходить евреем?

Как пишет г-н Штейн в своем письме,¹ уже тогда, во время выборов, не было мочи, хотелось кричать: Стыдно быть евреем! Но, человек благовоспитанный, он удержался до начала 1987 г., когда излил свой стыд, не проронив ни капли, в направлении Натана Эйдельмана. И не просто так излил, лишь бы излить, а по причине. Н.Эйдельман, оказывается, написал письмо В.Астафьеву, совершил "неблагодарный, провокационный по сути поступок". Согласно Штейну, Эйдельман провоцирует своего адресата тройко: 1) лично (представляясь как специалист по русской истории XVIII—XIX веков); 2) семейно (приводя "анкетные данные" своего отца, который дал пощечину учителю-черносотенцу); но главное — 3) национально. "Приемы полемики и нравственная позиция Н.Эйдельмана коренятся не только в его чрезмерных амбициях, — пишет Штейн, — но думается, прямо скажем, и в специфических наших ашкеназийских комплексах, сложившихся из сознания принадлежности к избранному народу и психологии уроженца местечка."

Итак, с одной стороны, глубоко эшелонированная провокация Эйдельмана, или, пожалуй, точнее — Эйдельманов, а с другой нервный писатель-деревенщик. Силы неравные. Вот, мол, и получился ответ Астафьева не очень красивым, ничего удивительного. Я лично не удивлюсь, если услышу объяснение написанного Астафьевым и с помощью аллергии. Может быть аллергия у человека на определенные имена? Может быть; именно поэтому он и живет в селе Овсянка, чтобы поменьше их встречать, а тут письмо — Эйдельман Натан Яковлевич! Извольте!

И все же пройти мимо позиции юдофобства, которое проповедует Астафьев и которое подхватывает Ю.Штейн, нельзя.

Дело в расчете, с каким Астафьев и Штейн затушевывают реальные обстоятельства расстрела царской семьи, с каким превращают его в надстройку и продолжение давно существующей мифологии — "евреи распяли Христа". "...В лагерях вы находились и за преступления Юрковского и иже с ним, маялись по велению "Высшего судии", а не по развязности одного Ежова", — пишет Астафьев. Большевик Юровский у него "отпетый, махровый сионист".

¹ "Страна и мир", № 2 (38), 1987.

”Для русского верующего человека, — поясняет неверующий еврей Штейн, — расстрел царской семьи — рана незаживающая. Особенно сейчас, после недавней канонизации их как великомучеников”. И ”то... что... собственноручно расстрелявшим беззащитных оказался еврей Юровский, прочно осело в темных углах сознания. Сионист он там не сионист, разберись под горячую руку, но — еврей, и это так просто не забывается”.

Не мое дело вникать в таинство канонизации, которая, по словам Штейна, лишь разбредила рану, и без того болезную в душе русских, но, насколько я понимаю, запастись бинтами и пластырем для ран телесных следует евреям? Ибо руки Астафьева, да и, к сожалению, не одного Астафьева, слишком горячи.

Казалось бы, почему ”разберись”, сионист ли, почему ”под горячую руку”, сейчас, через семьдесят лет? То, что Юровский выполнял приказ своей партии, которая уничтожала и уничтожает своих противников совсем не по национальному признаку, которая позже приказала задавить грузовиком на грязной минской улице актера Михоэлса, ”последнего еврейского царя”, известно всем, кроме живущих, разве, ”темными углами сознания”.

Рупором этих ”темных углов” прежде была в основном подворотная пьянь, и если теперь на этот хлеб зарятся литераторы, это не просто по неразборчивости или ”нервности”. Это еще и потому, почему многие российские писатели сейчас взялись за публицистику...

Публика ждет ответов на простые вопросы: почему все идет так плохо? Будет ли, наконец, просвет?

В глазах у публики вопрос, а Астафьев, клубы ”Родина” и ”Память” знают ответ... Знают и подают его в виде ”размышлений”: — Распяли батюшку-царя... Сгубили родимую природу-мать... Стащили золото с московских сорока-сороков... Кто это все, кто? И доколе?..

Три вопроса-ответа, удобные как треххвостая нагайка, коей и национальное достоинство очень ловко защищать, но еще ловчее ”пощекотать” кое-кого...

Скажем, погромы. ”Еврейские погромы, — пишет стыдливый еврей Ю.Штейн, — учиняли русские *черносотенцы*”, а вот царя убил *еврей* Юровский. Русский писатель В.Ерашов стыдит В.Белова за то, что в его романе торжествует принцип: ”Если украл русский, значит украл вор. Если украл еврей — значит украл еврей”. Сейчас же речь идет о том, что украли, то есть распяли, то есть пролили кровь ”святого семейства” все евреи... И много ли таких, как В.Ерашов, понимающих, что в этом случае, кроме прочего, остается в тени самое воровство... Кого-кого, а большевистскую власть новое юдофобство с его мифами очень устраивает.

В бурной и мутной нынешней ситуации в России голоса с другого, вольного берега могут оказаться очень весомыми. Они могут стать камертоном порядочности, объективности. Однако многие ревнители национального возрождения, похоже, готовы видеть в антисемитах лишь казус, некий род юродивых, которые по традиции заполняли паперти православных храмов. Да и православие ”пока” не объявляет ”греховными” измышления о вине евреев за распятие Христа”, как это сделала недавно католическая церковь.

После белостокского погрома В.З.Жаботинский писал, что он видел больше гвоздей, вбитых в глазницы еврейских младенцев, чем антипогромных статей в русской прессе. Сейчас ситуация и в стране, и в мире определенно отличается от той. Но в отношениях между русской интеллигенцией и евреями все возвращается, похоже, на круги своя?

Зев Вольфсон (Борис Комаров)

Ришон-ле-Цион

Я бы хотел коснуться опубликованного в № 12 журнала за 1986 г. письма Сергея Маркуса к священнику Александру Меню и комментариев к нему Публикатора. Прежде всего мне не понятна сама методология как Маркуса, так и Публикатора. Речь идет о религиозном возрождении в СССР? О каком, собственно, возрождении вы говорите? Магометанском, буддистском, иудейском? Видимо, все-таки о христианском? Но каким же образом, говоря о христианском возрождении, вы умудрились не сказать ни одного слова о Христе, о Его учении, о Его личности? Ведь Александр Мень, насколько я понимаю, проповедовал не свое учение, а учение Христово. Если его учение согласно с учением Христа, то спорьте с Христом. А если его учение не согласно с учением Христа, так докажите это.

Между прочим, логика Публикатора по меньшей мере странная. Маркус — трус. Значит, все религиозное возрождение, происходящее в СССР, действительное или мнимое, стимулирует в

людях трусости. Впрочем, и сам Публикатор себя опровергает, ссылаясь на пример отца Глеба Якунина, который, как известно, отнюдь не оказался трусом. Позволю себе привести и другой пример. Пишущий эти строки не является идеалом для кого бы то ни было. Он имеет тысячу недостатков. Однако не думаю, чтобы кто-нибудь и когда-нибудь обвинял меня в трусости. Разве что в детстве я побаивался моего строгого папашу, а после этого я таких фактов не помню. Я всегда был христианином (из тех, кого в Советском Союзе называют "религиозными фанатиками"). Однако это не помешало мне в шестнадцать лет связаться с остатками эсеровской партии. Кстати сказать, в идейном отношении я так и остался приверженцем революционного народнического мировоззрения, не имеющего ничего общего с марксизмом. Я участвовал в ряде актов моих товарищей. Никто из них трусом меня не считал. О дальнейшей моей деятельности, так же, как и о деятельности моего друга Вадима Шаврова, я здесь не упоминаю, потому что эта деятельность и так всем хорошо известна. Она свидетельствует о чем угодно, но уж, во всяком случае, не о трусости.

Правда, среди религиозных людей встречаются и трусы. Что это доказывает? Патриарх Сергей Страгородский (глубокий богослов и психолог) нашел поразительно глубокий термин: "услужливая совесть". "Услужливая совесть" всегда готова оправдать любой порок и любую подлость. В том числе и подыскивать для этого тексты из Священного писания. Но для христианина руководящим образом является лишь Христос и только Христос. Можно ли найти в личности Христа или в Его учении что-либо, хотя бы в какой бы то ни было мере оправдывающее трусость? Открываем Евангелие. Одно из первых слов Евангелия — "не бойтесь!"

"Не бойтесь убивающих тело, души же не могущих убить" (Мф. 10, 28).

"И подошел Иисус и, коснувшись их, сказал: встаньте и не бойтесь" (Мф. 17, 7).

"И сказал им: что вы так боязливы? Как у вас нет веры?" (Марк 4, 40).

"Иисус же, услышав эти слова, говорит начальнику синагоги: не бойся, только веруй" (Марк 5, 36).

"Он же тотчас заговорил с ними и сказал: мужайтесь, это — Я, не бойтесь" (Марк 6, 50).

В соответствии с этим, апостол Павел категорически заявляет: "Ибо вы не приняли духа рабства, снова к страху, но приняли дух усыновления" (Рим. 8, 15).

И любимый ученик Иисуса Христа, как бы подводя итог учения Господа, восклицает: "В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх, потому что в страхе есть мучение и боящийся не совершенен в любви" (Первое послание Иоанна 4, 18). Таким образом, главная заповедь Евангелия — это призыв не бояться. Призыв к смелости. И, наконец, второе, — призыв к Истине. К исканию Правды. Искание Правды-справедливости лежит в основе Евангелия. Уже в самом начале Евангелия мысль об искании Правды.

"Но Иисус сказал ему в ответ: оставь теперь, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду" (Мф. 3, 15). Исполнить всякую правду — главная задача как Христа, так и Иоанна Крестителя. А раз всякую правду везде и во всем, значит невозможно соглашение со всяким государством и со всяким общественным строем. Правды нет в лжесоциалистическом, тоталитарном строе так же, как нет ее в капиталистическом.

В этом отношении христианство антиномично всякому государству. И потому так кощунственно звучат слова Маркуса о "врастании Церкви в советский строй". Нет и не может быть "врастания", ибо христианство — это исполнение Правды, а советский строй основан на лжи, на ущемлении свободы так же, как капиталистический строй основан на приобретении богатства, на служении мамоне.

И далее Нагорная проповедь: "Блаженны алчущие и жаждущие Правды, ибо они насытятся" (Мф. 5, 6). Но ведь менее всего при советском строе возможно алкание и жажда Правды. Решительно всякое творчество в Советском Союзе сводится к оправданию советского строя. К его апологии. И только в этих рамках возможна какая-либо работа. В противном случае есть лагерь и тюрьмы.

Горбачев хочет все это изменить? Он что-то обещает? Он говорит какие-то красивые слова? Если Горбачев сделает что-нибудь путное, тогда будет разговор о нем другой. И Маркус еще сравнивает его с Сахаровым — с анонимным христианином. Да, тезка Маркуса, отец Сергей Желудков, имел право называть А.Д.Сахарова анонимным христианином, потому что Андрей Дмитриев (независимо от его взглядов) действовал, как истинный христианин. Он помогал гонимым и страждущим (в том числе и пишущему эти строки). И за это он пошел в изгнание. "В изгнание за Правду" (Мф 5, 10). А Горбачев и его присные не только не идут в изгнание за правду, а лгут изо дня в день. Афганцы могут кое-что об этом рассказать.

Христос говорит о том, что праведность (стремление к правде и справедливости) христианина должна превзойти праведность книжников и фарисеев. Увы! Мы должны с сожалением признать, что нравственные качества многих священнослужителей оказываются ниже, чем у фарисеев и книжников. Те, по крайней мере, в своем большинстве, не были агентами тайной поли-

ции и не доносили римлянам на своих братьев. И Маркус еще имеет глупость говорить, что можно в России создать Ватикан. Да любой "Ватикан" в советских условиях окончится тем, что он в полном составе попадет за решетку. Впрочем, возможно и другое: КГБ будет приветствовать нового Папу и подчинит его себе. Тогда какой-нибудь Куроедов, а может Чебриков, сделается Папой. А может быть, и сам Горбачев: судя по фамилии, он, верно, поповского рода (Горбачев — типичная семинаристская фамилия).

Но вернемся к Евангелию. Иисус Христос говорит в заключение: "Ищите же царство Божие и Правду Его, и это все приложится вам" (Мф. 6, 33). Без правды нет царства Божьего; и мы это видели на примере королей, императоров, князей. Официально — это было царство Божие. Государь, помазанный освященным миром, коронованный Папой или Патриархом, благочестивейший, христианнейший, католическое величество, апостолическое величество. Но все это было ложью. В основе всего — властолюбие, жестокость, неравенство. И потому разлетелись все монархии, как одуванчик, разбились, как склянка. И далее: "Говорит им Иисус: мытари и блудницы идут впереди вас в царствие Божие" (Мф. 21, 31). Это так и есть. Любая проститутка заслуживает большее уважение, чем некоторые властители и судьи. Она хоть не лжет.

Когда-то (лет 15 назад) отец Сергей Желудков — человек кристальной чистоты, глубокий ум, ищущий, сказал мне об отце Александре Мене: "Это — лучший из наших священников". Это остается и до сего дня. Я его знаю уже в течение 30 лет. И ни одного пятна нигде и никогда! Благоговейный священнослужитель, человек редкой доброты, прекрасный семьянин, хороший товарищ. И еще. С некоторым чувством зависти повторяю слова В.Г.Белинского об А.И.Герцене: "И даст же Бог столько ума одному человеку!". Крупный ученый, великолепный мыслитель. Международный деятель. Я не могу исчерпать всей его деятельности. Укажу лишь на две его особенности. Он перебрасывает мостик между русской православной церковью и католической. И если б его увидел В.С.Соловьев, он бы сказал: "Этот — нашего рода". Он достойный преемник Владимира Сергеевича.

И еврейский вопрос. Крещение евреев. Крещение массовое. И впервые в истории, в мировой истории, крещение не означает отречения от нации. Следуя апостолу Павлу, он оставляет евреям все, что не противоречит христианству. И кто знает, быть может, через многие, многие годы, когда будет основана еврейско-христианская церковь, "церковь обрезания", имя Александра Меня останется в памяти русского и еврейского народа, имя доброго пастыря, большого ученого, благодатного миссионера.

Ан. Левитин-Краснов (Люцерн)

МЕЖДУ ПРОЧИМ

ЧТО БЫ ЭТО ЗНАЧИЛО?

Как уже много раз повторялось, слово "гласность" вошло во все иностранные языки без перевода. Как "спутник", ныне уже забытый. Так и пишут: *glasnost*. Владимир Войнович даже огорчился, что немцы это слово плохо произносят: "глазност". Ничего, зато англичане спасли честь слова, обнаружив, что оно необычайно производительно. Нет, не в политическом, а в чисто лингвистическом смысле. Есть такая игра: из букв одного слова составить все возможные другие осмысленные комбинации. Так вот, играть в *Glasnost* оказалось очень интересно и поучительно.

Not glass! (Ни стакана! Ну, это каждому понятно, лучше не напоминать. Артикль потерялся, так тут не только артикль забудешь!). Long TASS. (Длинный ТАСС. ТАССу, действительно, работы прибавилось). Lost snag. (Потерянный сук. На котором сидели, очевидно.) Ost slang. (Восточный слэнг. Первое слово хоть и общеизвестное, но немецкое, так что получилась смесь французского с нижегородским, но чего вы хотите от слэнга?) Last song. (Последняя песня. Не дай Бог...) Snot lags. (Сопли задерживаются. А в этом что-то есть!) Далее идет нечто совсем загадочное: Gnat loss (Комариная потеря), Nag slots (Кляча запирается), Not slags (Без окалины). Что бы это значило?

ПИСЬМО ИЗ РЕДАКЦИИ

В своем письме в редакцию (№ 3, 1987 г.) Н.Кузнецова обращает внимание на то, что слова Юрия Бондарева "Всякий национализм — это последнее прибежище подлеца" (№ 12, 1987 г.) — это лишь перефразировка афоризма из "Круга чтения" Льва Толстого: "Последнее прибежище негодяя — патриотизм". Это верно. Но "Круг чтения" — это не оригинальное произведение Л.Толстого, а собрание отобранных им текстов, которые он считал значительными, принадлежащих перу других авторов. Автором приведенного афоризма является знаменитый английский писатель и лексикограф Сэмюэль Джонсон (1709—1784). В оригинале афоризм звучит так: Patriotism is the last refuge of a scoundrel. Он стал известен из книги Джеймса Босуэлла "Жизнь Сэмюэля Джонсона", вышедшей в 1791 г.

Я люблю бывать с молодежью. Она умудряет меня больше, чем годы. Ее дерзость, ее беспощадность действуют как холодный душ. Это хорошая гигиена для стариков. Кроме того, обязанность служить ей примером не дает сбиться с прямого пути. Я понимаю, почему многие мои сверстники избегают встреч, которых я ищу. Молодежь утомляет тем, что все ниспровергает и при этом, кажется, сама не знает, чего хочет.

Дети — те знают, чего хотят. Поскорее вырасти из детства. А когда вырастают, тут-то и начинается сумбур. Потому что молодость сначала понимает, чего она не хочет, а уж потом — чего хочет. А не хочет она как раз того, чего хотим мы. Мы ей нужны для контраста. Случается, я прежде, чем сами мои молодые друзья, угадываю момент, когда они начинают хотеть. Уши старой цирковой клячи узнают знакомую музыку. И я отмечаю этот миг...

Я говорю сейчас о столичной, уже прозревшей молодежи. Она безошибочно выбирает поле деятельности. Находит себе семью закоренелых анархистов. Входит в нее приемышем. Осваивается. Набирается неблагодарности. И ждет минуты, когда у нее достанет сил перебить всю семью и поджечь дом...

Не ясно ли, что от молодых глупо ждать благодарности и глупо кичиться тем, что они ищут у тебя прибежища? Они нас любят постольку, поскольку наши недостатки их учат, наши слабости служат им извинением, а наша усталость отдает нас на их милость. Из этой амальгамы нам и следует извлекать свою выгоду, используя молодежь так же, как она использует нас. Наши произведения для нее — что старый башмак для щенка. Она оттачивает на них зубы.

Нелепо рассматривать молодежь как нечто единое и верить всему, что она о себе выдумывает. Еще глупее бояться ее, разговаривать с ней через стол, захлопывать дверь у нее перед носом или обращаться в бегство.

Конечно, ей свойственна мифомания. Конечно, она беззащитна. Конечно, она отнимает у нас уйму времени. Что из того!

Естественно, что она морочит нас враньем. Естественно, что при нас она надевает маску. Естественно, что она честит нас за глаза и что, если она вступает на ложный путь, ответственность возлагается на нас.

И все-таки мы должны смириться с этим, ведь эта самая молодежь — утешительное доказательство того, что не все попались в сети политики и что нам есть кому передать священный огонь.

МОЖНО ЛИ
ПЕРЕСТРОИТЬ СОЦИАЛИЗМ?

В СЛЕДУЮЩЕМ НОМЕРЕ